

СамИздат

Annotation

Она не ходила в атаки. Она не стреляла во врагов. Она не добывала с риском для жизни разведданные. Она не минировала мосты. Она даже не работала. Она вообще ничего не делала. Только сидела в тылу и ждала, пока другие всё сделают за неё. Чтобы победить, ей достаточно было выжить. Выжить в тылу, не на фронте. Всего лишь выжить. Это ведь так просто, верно? Верно?..

- [Сергей Арсеньев](#)
 - [Предисловие автора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Эпилог](#)
-

Сергей Арсеньев
ЛЕНКА-ПЕНКА

*Убедительная просьба сообщать о найденных
ляпах и опечатках.*

Предисловие автора

(прочтите, оно короткое)

Много сейчас пишут фантастики на тему «переиграть войну». Много. Вот, я тоже решил написать. Что-то вроде «как бы мы им навалили, если бы у нас»...

Не, чего-то не то. Такое не хочу писать. Спору нет, атомная подводная лодка конца XX века выглядит сурово на фоне дизельной середины тридцатых годов, а «Тирпиц», конечно, удобнее всего топить ракетой «Гранит». Да и танк Т-72 будет чуть посильнее PzKpfw II. А уж если у Т-72 ещё и снаряды есть, так это вообще сказка.

Урезаем осетра. Возьмём попаданца без военной техники с собой. Первое, что приходит на ум — грозный спецназовец, ветеран многочисленных вооружённых конфликтов. Этакая помесь Поддубного с Терминатором. Хм. Представляю, что за книга получится. Это будет примерно так:

Семерых убил одним поленом,
Генералу дал под дых коленом,
Сорок пушек изувечил,
Сорок танков искалечил,
Так сиди, пехота, не скучай!

Такой, пожалуй, и без помощи Красной Армии справится. А к 1 сентября 1941 года он лично возьмёт штурмом Рейхстаг, захватив в плен Гитлера, Рузвельта и Маргарет Тетчер. Причём по дороге к Рейхстагу, заодно освободит из застенков Гестапо Патриса Лумумбу и Кобланды Батыра.

Не хочу. Ещё урезаем осетра. Попаданцем будет студент-очкарик. Вон он, уже готов. Стоит, вцепившись потными ладошками в свой ноутбук. Что дальше будет, понятно. Ядерный гриб над Берлином 22 июня. Отдай ноутбук, отдай! Без него провалишься! Да отдай же! Вот, так-то лучше. А теперь у нас будет... ядерный гриб над Берлином 22 июня. Что такое? А, он

читер. У него в задний карман джинсов КПК засунут. Выковыриваем КПК из кармана студента. Получаем... ядерный гриб над Берлином 22 июня. Тьфу, пропасть! Он много читал про это и сам помнит.

Хорошо. Тогда попаданцем будет школьник. Причём, двоечник. Он даже не помнит, какого числа началась война, хотя год и запомнил — 1941. А ещё он знает, что День Победы — это 9 мая. Иногда этот школьник что-то видел по телевизору о войне. Что-то слышал краем уха. Совершенно точно знает, что Япония на СССР не нападала. Это СССР напал на Японию, когда закинул Германию. И ещё школьник твёрдо уверен в возможности создания ядерного оружия.

Ну вот, опять стратегическая информация просочилась. Раз ядерное оружие можно сделать — значит его нужно сделать. Срочно. Товарищ Берия, обеспечьте! А на границе с Японией войск можно держать и поменьше. Что получаем? Получаем грандиозную Битву за Киев, которую никто не выиграл. Этакое Бородино в квадрате. Но потери были столь чудовищны, что ни о каком наступлении на Москву не могло быть и речи. Ядерный гриб над Берлином вырастает в сентябре 43-го, когда РККА уже Варшаву штурмовала.

Не, так тоже не хочу. Ещё урезаем осетра. Попаданцем будет младенец. Он ничего не знает и потому ничего важного не расскажет. Погодите. А зачем нам тогда вообще нужен такой попаданец? Чем он от местных младенцев отличаться будет? Да ничем! Ну, и нахрена он нам?

А книжку написать хочется. И что делать?

Я решил поступить очень просто. Взял ластик и из названия жанра данной книги отважно стёр слово «альтернативная».

Ну и, вот что получилось...

Глава 1

Солнце. Я очень люблю солнце. Наверное потому, что я рыжая. У нас в семье ни у кого нет рыжих волос, только у меня. У всех остальных волосы обычные, русые. Странно, верно? У всех волосы русые, а я, самая младшая, рыжая. И веснушки у меня весной высыпают. Сейчас их уже почти не заметно, а весной много было. Но я ничуть не огорчаюсь этому. А Сонька Николаенко — просто дура. Говорит, что веснушки — это уродство и с ними нужно бороться. Зачем?

Как хорошо лежать в кровати, и через ресницы жмуриться на солнце! Мама рассказывала мне, что я даже когда была совсем маленькой, уже любила солнце. Я всегда улыбалась в коляске, когда мне на лицо падал яркий солнечный луч.

Жалко, что в моё окошко солнце так редко заглядывает. Во-первых, небо у нас чаще затянуто тучами, чем голубое. Город у нас такой, совсем не Анапа, куда я прошлым летом ездила в пионерлагерь. В Анапе-то всё время солнце, а у нас вечно что-то капает с неба, а под ногами что-то хлюпает. Нет, я не жалуюсь. Свой город я люблю, он очень красивый. И ни за что не согласилась бы насовсем переехать в эту Анапу. У нас лучше. Мне лишь хотелось бы, чтобы солнца у нас тут было побольше и почаще.

Второй причиной того, что солнце является редким гостем в моём окне, является то, что это окно выходит во внутренний двор. Дом у нас шестиэтажный, а мы живём на третьем этаже. Дворик совсем крохотный и дом напротив солнышко загораживает. Летом солнышко может заглянуть ко мне только с девяти до одиннадцати утра. Если туч на небе нет, понятно.

Но сегодня — хороший день. Сегодня солнце пришло! Вставать ну совершенно не хочется. Хочется лежать и жмуриться на солнце. За шкафом слышу какую-то возню. Верно, наши уже встали и готовятся к завтраку. Пора бы и мне из моей берлоги выбираться, но вот только лениво вставать. Это Лёнька так мой уголок назвал — «берлога». Моя кровать стоит прямо у окошка, а с помощью двух шкафов часть пространства у кровати отгородили от остальной комнаты и у меня получился небольшой и уютный собственный уголок. Помимо кровати у меня тут ещё письменный стол стоит, тумбочка и стул. А ещё полки висят на стене. Света же в комнате и от второго окна хватает. Тем более что с той стороны шкафов спит Лёнька, а этот бирюк наоборот солнце не любит. Вечно норовит в тень забиться.

Лёнька — это мой старший брат. То есть, средний. Наш самый старший, Мишка, сейчас в армии служит. Вернее, на флоте. На Северном флоте. И не абы где, а на подводной лодке! На самой настоящей подводной лодке. Я это точно знаю, у меня и фотокарточка его есть. Правда, самой лодки на карточке нет (она секретная!), зато есть Мишка в форме.

Лёнька тоже хочет на флот попасть. Его в армию осенью должны призвать. Только вот, я думаю, что флот ему не светит. Потому что Лёнька — водитель. Он сейчас на хлебозаводе работает — развозит на своём фургоне хлеб по булочным. Думаю, водителей на флот не берут. Это же глупо. Хотя... морякам тоже ведь на чём-то нужно к своим кораблям подвозить припасы со склада. Наверное, бывают и моряки-шофёры. Но такие моряки — моряки лишь по названию. И если Лёнька и попадёт на флот, то всё равно видеть море он будет лишь из кабины грузовика.

Ммм... блинами запахло. Мама зовёт меня вставать и идти умываться. Я люблю блины, особенно если с мёдом. А Лёнька больше со сметаной любит. Впрочем, сегодня ему никаких не достанется — ни с мёдом, ни со сметаной. Лёнька в утреннюю смену сегодня. Хлеб ведь пекут на заводе ночью, и развозить по булочным его нужно рано-рано. Вот и встаёт Лёнька, когда он в утреннюю смену работает, в четыре часа утра. Потому что в это время ещё трамваи не ходят и ему приходится на работу идти пешком.

Я ещё раз потянулась в кровати, откинула одеяло и спустила ноги на пол. Как вкусно пахнет! Накинула поверх ночной рубашки халат, взяла с полочки свою зубную щётку, мыло, коробочку с зубным порошком, и пошла умываться. У двери привычно остановилась и прислушалась. Вроде бы, их там нет. Во всяком случае, в коридоре тихо.

Осторожно приоткрыв дверь, шмыгнула в коридор, быстро прошла к ванне и заперлась внутри. Повезло, ванна не занята. Теперь бы ещё обратно вернуться так же удачно. Лёньки ведь нет сегодня! Они про это знают и вполне могут учинить какую-нибудь пакость. Я, конечно, могу всё рассказать Лёньке, когда он вернётся, и тот Сашке уши опять надерёт. Вот только не хочется ябедой прослыть. Сама как-нибудь справлюсь.

Сколько себя помню, в нашей квартире всё время идёт с переменным успехом война между мной и Сашкой Кругловым. Мы ещё с детсадовских времён воюем. Даже несколько раз дрались с ним. Но это когда маленькими были. Сейчас драться нельзя. Сашка теперь гораздо сильнее меня. Он вообще самый сильный мальчишка в своём классе. На девчонку руку не поднимет — засмеют. Да и от Лёньки тогда ему наверняка прилетит нешуточно.

Странно, вот говорят, что сильные люди обычно бывают добрыми и

великодушными. Что-то вот по Сашке этого совершенно не заметно. Такого мерзкого фрукта как он днём с огнём не сыщешь. Постоянно всякие гадости мне придумывает. Я вот почему зубной порошок со щёткой в комнате храню? Да потому что если оставить их в ванной, то очень скоро в зубной порошок мне насыплют соли, а щётка «случайно» упадёт в мусорную корзину. И одежду свою я не могу вешать в коридоре, как делают все соседи. С неё тогда начинают пропадать пуговицы и появляются подозрительные пятна. Или моя одежда начинает странно пахнуть.

И ведь все у нас знают, что это Сашкина работа. Но сделать с ним не могут ничего. Как правило, он как-то выкручивается. Врун он невероятный! А как стал подрастать Вовка, так стало ещё хуже. Вовка — это младший Сашкин брат. Ему семь лет скоро. В этом году в школу пойдёт. Мелкий-то он мелкий, но пакостит изрядно. Достойный продолжатель дела своего братца растёт.

На прошлой неделе вот, например, пошла я в гастроном. А недавно дождь прошёл, лужи кругом. Так этот мелкий гадёныш за сараем во дворе спрятался, дождался, пока я мимо большой лужи проходить буду, да и как кинет в лужу кирпич! А сам бежать. У меня же всё платье в грязи, будто я в лужу упала. А я это платье, между прочим, только что погладила. Прямо вот сил уже нет никаких. И ведь родители-то у них нормальные! Да все соседи у нас в квартире хорошие. Эти вот только два урода. Да ещё Старая Мымра, но она хоть кирпичами по лужам не кидается.

Я быстро умылась, почистила зубы и вернулась в нашу комнату. Повезло, братья-вредители не повстречались. Мама с папой явно меня ждут. На столе дымящееся блюдо с блинами, мёд в горшочке, варенье, сметана. И чайник. Большой зелёный чайник с кипятком. Ммм... вкуснятина!

Солнце ещё не ушло. А обеденный стол у нас тоже у окна стоит. Не у того, где я сплю, а у другого. У нас два окна в комнате. Как здорово!

Мама говорит, что сегодня мне можно надеть белое платье. Оно у меня самое красивое. Ну, его и надену. Мы ведь сегодня все втроём — я, мама и папа в зоосад поедem. Хотя Лёнька и смеётся. Говорит, что я уже большая и в одиннадцать лет поздно по зоосадам ходить. А мне кажется, он просто завидует и сам бы с удовольствием пошёл с нами, если бы не работал сегодня.

Мы быстро позавтракали, я помогла маме убрать со стола и помыть посуду, затем все переоделись и вышли на улицу. Я в своём белом платье и с белой сумочкой на плече. В коридоре, правда, встретили вредных братьев, но когда я с родителями, те не пристают. Идём к трамвайной остановке.

Мама с папой под ручку, а я чуть позади. Папина резная деревянная трость постукивает по мостовой. Папу на войне ранили в ногу, с тех пор он хромает и без трости ему ходить трудно.

Подошёл трамвай. Загрузились в него и поехали. А на проспекте Горького остановка прямо перед входом в зоосад. Ой, народу-то тут! Особенно малышни много. Шумят, галдят. Какой-то малыш лет пяти в смешной жёлтой панамке ревёт в голос. Ушибся, что ли? А, нет. Ему бабушка мороженое отказывается покупать. Говорит, что он и так уже две порции съел, хватит. А то горлышко заболит. Предлагает вместо мороженого булочку. Но малыш не соглашается и требует мороженое.

Кстати, я тоже хочу мороженое. Пока папа стоял в очереди в кассу, попросила у него денег и купила. Вкусненько так. Приятненько.

И вот, мы прошли на территорию зоосада. В этом году я ещё ни разу не была тут. Всё никак не получалось. То дела какие-нибудь, то погода неподходящая. А сегодня вот получилось приехать. И родители свободны, и погода отличная. Солнышко ярко светит, воробьи на ветках чирикают. Идём, зверей смотрим. А я ещё и брикет мороженого облизываю, стараясь не капнуть себе на платье.

Неожиданно, лившаяся из репродукторов музыка смолкла. Незнакомый голос прокашлялся и сказал, что ровно в полдень будет передано важное правительственное сообщение. Вновь заиграла музыка. Что-то случилось? Впрочем, меня это мало волновало. Гораздо важнее было не обкапаться мороженым, которое начало таять у меня в руке.

В конце концов, мороженое на солнце растаяло до такой степени, что держать его стало невозможно. Я начала оглядываться в поисках урны, чтобы выбросить остаток. И тут музыка снова оборвалась. А вот этот голос я узнала. Это товарищ Молотов говорит. Люди стали замолкать, подтягиваться ближе к громкоговорителям и слушать товарища Молотова, который начал свою речь:

Граждане и гражданки Советского Союза!

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковав нашу границу во многих местах...

Глава 2

— ...Дед, да ты чего? Соль, спички. Ещё скажи сухари сушить.

— Цыть, шмакодявка! Мать вон спроси, каково в восемнадцатом году было. Она тогда как раз твоих лет была. Как мы из Питера в деревню бежали. Потому что в городе жрать нечего было. Понимаешь, жрать нечего! Совсем нечего! Как я за золотые серёжки твоей прабабки две буханки хлеба выменял. Две буханки хлеба за золотые серёжки!

— Дед, ну ты и сравнил! Тогда беляки наступали, контра всякая недобитая в тылу вредила. Сейчас-то такого нет ничего!

— Германцы — это тебе не беляки. А ну как они вглубь страны прорвутся? К Киеву, например.

— Куда?!

— Гм... Нда. Насчёт Киева, это я хватил. Но к Смоленску-то подойти могут.

— Товарищ Сталин не допустит.

— Может и не допустит. Всё одно, запас карман не дерёт. Соль да спички — в первую голову запасти надо. Мало ли, как оно там ещё всё повернётся. Всяко, лишними не будут. И муки бы хорошо. Да крупы. И тушёнки не помешает.

— Это, дед, в тебе ещё старорежимный дух не выветрился. А я, как комсомолец, говорю тебе, что...

Ну всё. Лёнька вспомнил, что он комсомолец. Сейчас митинг у нас начнётся. По-моему, зря они ему водки налили. Молод он ещё. Всего и выпил-то полстакана, а уж язык немного заплетается. А папа с дедушкой Кондратом вторую бутылку уже уполовинили и по ним даже и не скажешь, что пили.

С другой стороны — а как не налить красноармейцу? Лёнька теперь боец Красной Армии. Правда, ни формы, ни красноармейской книжки, ни оружия у него пока нет. Есть только предписание от военкомата явиться завтра, 26 июня, к восьми ноль-ноль на Московский вокзал для отправки в часть.

Вообще-то, Лёнька мобилизации не подлежит пока. Ему восемнадцать только в сентябре исполнится. Но он так боялся, что война до сентября не продлится, что кинулся в военкомат, едва придя с работы 22 числа. Правда, было воскресенье и в военкомате сидел один лишь только дежурный. Который, по словам Лёньки, всё время пытался говорить с тремя

телефонами сразу, одновременно что-то объясняя толпе таких же, как Лёнька, торопыг.

Но зато уж в понедельник Лёнька притащился к военкомату за два часа до начала приёма. И всё равно там уже была очередь. Когда лейтенант, который занимался Лёнькой, узнал, что тот является водителем грузовых автомобилей, то плюнул на формальности и согласился с тем, что три месяца погоды не сделают и Лёньку записать добровольцем можно прямо сейчас. Наверное, водителей не хватало. Так Лёнька попал в нашу Красную Армию.

Завтра мы все с утра пойдём на вокзал провожать Лёньку. Мама с папой даже специально отпросились на два часа с работы, чтобы проводить сына. А ещё баба Таня со своим мужем, дедушкой Кондратом, приехали к нам сегодня. Лёньку провожать. Они и на ночь останутся. Мама с папой им свою кровать уступили, а себе на полу постеляют.

Война. Опять война. Недавно ведь с Финляндией воевали, я хорошо это помню. Ленинград тогда прифронтовым городом был. Помню учения по противовоздушной обороне. Как мы в бомбоубежище прятались. Помню зенитки на улицах и дирижабли в небе. В городе несколько военных госпиталей было. И пару раз наш пионерский отряд давал для раненых концерты. Только вот ни со спичками, ни с солью проблем никаких не было. Так что думаю, что это дедушка Кондрат глупость придумал — спички запасать. Действительно, старорежимное воспитание проявляется, тут Лёнька прав. Опять же, они с бабой Таней пережили голод в Петрограде в 18-м году. Не могут забыть этого. Не понимают, что сейчас СССР уже совсем не такой, каким был тогда. Сейчас наша армия так близко врагов к городу не подпустит.

Ой, только бы Лёньку не ранило на этой войне! Папа вот поймал ногой осколок на Финской, теперь хромает. Говорит, это на всю жизнь. Не лечится. Зато теперь его в армию не призовут — куда ему, с его ногой-то!

Да, Мишка же ещё тоже в армии! Впрочем, за Мишку я меньше волнуюсь. Он на подводной лодке. Наверное, это не так опасно, как в пехоте. Хотя ещё неизвестно, куда Лёньку распределят. Но я, отчего-то, думаю, что в пехоту.

Ну всё, мужики наши совсем переругались. Лёнька кричит, что пытаться делать личные запасы на случай перебоев со снабжением — это старорежимный атавизм и неверие в мощь Красной Армии. А дедушка Кондрат говорит, что бережёного бог бережёт и хочет превратить свою квартиру в филиал Бадаевских складов. Старенький он уже. Совсем переклинило старичка с этими его воспоминаниями о голоде в 18-м году. К

тому же он, кажется, немного перебрал водки. Шумит, волнуется. Да и папа тоже перебрал. Только у него это иначе проявляется. Он стал какой-то задумчивый и соглашается по очереди то с Лёнькой, то с дедушкой Кондратом.

Наконец, маме это всё надоело, и она разогнала спорщиков спать. Ну, и мне пора. Сейчас помогу маме убрать со стола и тоже пойду спать. Завтра утром рано вставать...

Спала я этой ночью плохо. Сначала долго уснуть не могла. Мешал громкий храп дедушки Кондрата и мысли о начавшейся войне и о том, как она может изменить мою жизнь. Успеет ли Лёнька повоевать или, как он боится, война закончится раньше, чем он попадёт на фронт? Ведь сразу на фронт его не пошлют же! Сначала в тылу будут обучать чему-нибудь. Возможно, несколько месяцев обучать. Глупый мальчишка! А по мне — так лучше бы не успел. А то будет потом как папа, всю жизнь с палочкой ходить.

Наконец, я всё-таки уснула. Мама разбудила меня в шесть утра. Мы быстро позавтракали бутербродами с колбасой, оделись и тронулись в путь.

На Московском вокзале, несмотря на ранний час, былолюдно. Лёнька обратился к одному из дежуривших там милиционеров с вопросом, куда ему идти с его предписанием. Тот показал ему, где собираются такие же добровольцы и мы стали прощаться.

Я немножко поревела, повисела у брата на шее и измазала ему щёки слезами. Он же наказал мне не шалить, слушаться маму с папой, а ещё попросил передать Сашке Круглову, что если тот будет обижать меня, то Лёнька вернётся после войны и оторвёт ему все уши.

Мама тоже плакала и просила обязательно вернуться. И баба Таня плакала. Папа и дедушка Кондрат по очереди крепко обняли Лёньку и ещё раз велели ему служить честно. Затем Лёнька поднял с земли свой ситор с вещами, развернулся, и, не оглядываясь, ушёл. Ушёл на войну. Возможно, навстречу смерти. Потому что это его долг — защищать нас. Всех нас, кто остался в мирном и безопасном тылу. А баба Таня напоследок тайком перекрестила Лёнькину спину. Может быть, это ему как-то поможет, хоть он и комсомолец...

Глава 3

— Ленка-пенка-колбаса, рыжий поросёнок!

— Стой!!

...

— Стой, гадёныш!

...

— Стой, всё равно поймаю!

— Б-э-э-э.

— Стой, паразит!

— Что, поймала? Поймала? Рыжая! Б-э-э-э.

Вот гад! Ушёл. Вырвался. Через забор перелез и был таков. Знает, что через забор я за ним не полезу. Как же мне надоели эти постоянные выходы братьев Кругловых! А мелкий Вовка в последнее время стал совсем невыносим. Мелкий-то он мелкий, но бегают быстро. Мне его поймать удаётся далеко не всегда.

Ведь что произошло-то? Мне повезло в библиотеке достать замечательную книгу — «Белый вождь» Майн Рида. Вышла я с ней в сквер, посидеть на солнышке да почитать спокойно. Люблю я читать, сидя вот так на солнышке. Жалко, что у нас в нашем узком дворе-колодце солнца почти никогда не бывает. Приходится мне в сквер выходить.

Так вот. Сижу, значит, читаю. Пару раз мимо знакомые девчонки проходили, здоровались. И тут ШЛЁП!! Прямо на книжку падаетдохлаямышь. Я так испугалась! Книжка с мышью улетают в одну сторону, я в другую отпрыгиваю. Зачем-то на лавку ногами вскочила. Ну и визг, конечно. А как иначе? Я и живых-то мышей боюсь, а тутдохлая.

А этот гад, Вовка Круглов, стоит от меня в трёх шагах и ржёт, как ненормальный. Меня тут такое зло взяло. Сейчас, думаю, прибью поганца. Соскочила с лавки, да за ним бегом! Но не тут-то было. Бегают он хорошо, стоит признать. А через забор он как ловко сиганул? Раз — и он уже с той стороны. Хорошо ему, в штанах-то. А я как полезу через забор в платье? Я же все голые коленки обдеру себе. Да и зацепиться подолом за забор легче лёгкого. Порву ещё платье.

Ну что вот за люди эти Кругловы? Всё-то им нужно вредить и ломать. Не могут по-хорошему. И ведь такой отличный папа у них, дядя Игорь. На той неделе в армию его всей квартирой провожали. Его и ещё дядю Серёжу, другого нашего соседа.

Дядя Серёжа уже пожилой, ему почти шестьдесят. Я думала, его не станут призывать. А он, оказывается, добровольцем пошёл. Чего, говорит, в пустой комнате сидеть одному? У него этой весной жена умерла, вот он один и остался. Оба его сына уже взрослые и не живут с ним. У них свои семьи.

Мой папа переживает, что сам не может пойти на фронт. Он даже в военкомат ходил, узнавал, нельзя ли его призвать. Ведь он и в Гражданскую воевал, и в Финскую. Но в военкомате папу завернули обратно. Нельзя ему с такой ногой. Спросили только, кто он по профессии. Папа честно сказал, что художник. Может, был бы он каким-нибудь лётчиком, что-нибудь ему бы и нашли. Но художники в армии, наверное, не слишком нужны.

Вы подумали, что раз папа художник, то он картины пишет? Кисточки там всякие, мольберты. Нет, папа у меня не такой художник. Он афиши разные рисует. Для кинотеатров, театров. Без дела не сидит, работы много у него. Кинофильмы ведь часто меняются в кинотеатрах.

Я подобрала свою валявшуюся на земле книгу и села обратно на лавочку. Дохлой мыши уже нигде не было видно. Может, в траве потерялась, а может ворона какая успела утащить. Впрочем, я её особо и не искала. Нужна она мне больно. И где этот паразит Вовка достал её? И ведь не противно было в руке тащить, чтобы мне гадость сделать. Бывают же такие мерзкие люди!

Хорошо ещё, Сашка вроде попритих. Гадит, конечно, но исподтишка. Больше мелкого подсылает ко мне. Совсем не вредить он, по-моему, не может. Это я Сашке рассказала, что Лёнька пообещал оторвать ему после войны все уши, если он будет продолжать меня изводить. Вот Сашка с тех пор и стал себя не так нагло вести.

А от Лёньки никаких вестей. Не знаю, где он сейчас. И от Мишки ничего, но это как раз нормально. Если он в море, что весьма вероятно, то писем от него ждать глупо.

Идёт война. Где-то там, далеко на западе страны, люди сейчас стреляют в других людей. Зачем? Почему? Какая-то глупая, нелепая и непонятная война. Зачем немцы напали на нас? Что мы им сделали? Отчего-то эта война сейчас напомнила мне недавнюю Вовкину выходку с дохлой мышью. Очень похоже. Интересно, а может этот Гитлер, когда был маленький, тоже вот так же кидался дохлыми мышами в своих соседок?

По радио несколько раз в день передают сводки Совинформбюро. Сообщают о десятках сбитых немецких самолётах и сожжённых танках. Уже несколько тысяч или даже десятков тысяч немцев убили наши красноармейцы. А те всё лезут. Невероятная наглость! Неужели Гитлер не

понимает, что как только подойдут основные силы Красной Армии, то они так треснут, что все, кто выживут, побегут до самого Берлина быстрее собственного визга?

Как бы то ни было, но пока немцы ещё пытаются наступать. Уже июль месяц наступил, а наши ещё даже не всю территорию СССР от них очистили. Но здесь, в далёком Ленинграде, войны почти не чувствуется. Город живёт своей обычной жизнью. Разве что, пару раз были налёты фашистской авиации. Мы в бомбоубежище спускались. Сирены выли. Но, по-моему, фашисты либо к городу не прорвались, либо никуда не попали. Во всяком случае, я взрывов не слышала и разрушений никаких в городе не заметила.

Ещё в связи с началом войны крышу нашего, да и всех соседних домов покрасили какой-то специальной краской, против пожаров. Не знаю, из чего её делают, но вонючая она — жуть! Мне это хорошо известно, так как кто-то из Кругловых однажды ночью испачкал этой краской подошвы моих сандалий. Два дня пришлось их на верёвке во дворе проветривать, прежде чем снова можно стало носить.

Да, а ещё на чердак дома подняли четыре бочки и пару больших деревянных ящиков. Говорят, если зажигательная бомба провалится сквозь крышу на чердак, так её нужно будет или в бочке с водой утопить или в ящичке с песком закопать. Впрочем, всё это знакомо. В Финскую точно так же было. И краска, и бочки, и бомбоубежище. Разве что, в тот раз Сашка мне обувь краской не пачкал. Не додумался, должно быть.

Ладно, домой пора. Скоро папа на обед придёт. У него недалеко мастерская, он всегда домой обедать ходит. Мама вчера борщ сварила. Ой! Мне ведь хлеба купить сказали, а я забыла! Дырявая голова. Папа придёт — а в доме хлеба пол горбушки осталось. Скорее в булочную, может, успею ещё.

Я подхватила свою книжку, проверила, на месте ли кошелек, и торопливо зашагала в сторону булочной. Но едва несколько шагов сделать успела, глядь — мама навстречу от трамвайной остановки идёт. Почему? Что-то случилось? Мама у меня кассиром в кинотеатре работает. Ей до работы далеко ехать — целых пять остановок. Она на обед домой не приезжает.

— Лена? — увидела меня мама.

— Здравствуй, мам.

— Лена, ты куда так спешишь?

— Я хлеб забыла купить. А сейчас папа обедать придёт. Нужно быстрее. Я вернусь сейчас.

— Забыла хлеб купить? Растяпа.

— Извини, мам. Да я сейчас сбегаю.

— А впрочем, так даже лучше. Ты две буханки купи. И сухарей каких-нибудь. Или баранок. Ну, сама посмотри. Что-то такое, что долго хранится.

— Сухарей? Две буханки? Мам, зачем?

— Надо. Я с собой возьму. Неизвестно ещё, как там с кормёжкой будет.

— С собой? Куда с собой?

— Я завтра с утра уезжаю, Лен. Вот, с работы отпустили. Нужно подготовиться, вещи собрать.

— Уезжаешь? Куда ты уезжаешь?

— Куда-то под Лугу. Точно не знаю.

— А зачем?

— Будем строить новые укрепления. Там наши остановят немцев, а затем погонят их обратно...

Глава 4

Ох, вроде успела. Всего шесть человек в очереди. Нет, ну дедушка Кондрат совсем спятил. Погнал меня на ночь глядя в магазин. До закрытия булочной всего полчаса осталось, как я чуть ли не бегом примчалась туда. Зачем? За хлебом, конечно.

Что, думаете у нас хлеба дома нет? Как бы ни так! У нас хлеба почти целая буханка в хлебнице валяется. У папы карточка служащего, а у меня детская. Нам с ним на двоих килограмм хлеба в день полагается. Но нам столько не нужно, мы столько не съедаем. Потому и отовариваем хлебные карточки через день. Смысл какой деньги тратить, чтобы потом заплесневевший хлеб выбрасывать на помойку?

Но сегодня дедушка Кондрат к нам в гости приехал. Приехал — и сразу скандал учинил. Как же так, да почему, да как вы так можете! Ужас. И всё это из-за того, что мы хлеб не весь выкупаем из того, что положено нам. Говорит, весь обязательно выкупать нужно, а потом сушить лишний. Он все голодный восемнадцатый год забыть не может никак.

У нас в городе ещё в конце июля карточки на продукты ввели. Впрочем, не только у нас. Война всё же. Никак не прогонят наши фашистов. Во многих крупных городах продукты теперь по карточкам распределяют, даже в Москве. Чтобы со спекулянтами проще было бороться. Так мне папа объяснил.

И карточки не только на хлеб. На многие другие продукты тоже ввели карточки. На мясо, на крупу, на сахар — на всё это ввели карточки. Кстати, насчёт сахара. У нас от августовской нормы ещё полкило сахара не отоварено. На двоих с папой, понятно. А сахар дома есть.

Хм, а если не хлеб купить, а сухари сладкие, а? Действительно, чем хлеб сушить, можно готовые, фабричные сухари взять. Едва ли мы дома лучше сделаем. Правда, за сухари вырежут не только из хлебной карточки, но и из сахарной, но это не важно. Сахара у нас много, килограмма три ещё есть. Вот, и очередь как раз моя...

— ...Кондрат Степанович, да не может того быть! Не может!

— Ага, «не может». Петь, германец позавчера Новгород взял. Новгород! А сколь от Новгорода до Питера дороги, а? Молчишь? То-то.

— А всё одно. Не бывать Ленинграду под немцами. Не бывать!

— Оно так. Но ты о дочке подумай. Новые бомбёжки могут быть. Пока

наши не отгонят их, налететь на город ещё пару раз смогут. Зачем рисковать?

— Нда. Ленку жаль, конечно. Она-то и вовсе ни при чём тут. А что ж делать-то?

— Эвакуироваться тебе с Ленкой нужно, вот что.

— Куда? У нас же нет никого. Только моя мама, но она в деревне под Смоленском живёт. Туда уж совсем глупо эвакуироваться.

— Это да.

— И вас с Татьяной Фёдоровной как мы бросим? Вы же одни пропадёте. Опять же, Маринка скоро приедет. Приедет — а нас нет. Где искать будет?

— Ну, Маринка, положим, и у нас поживёт. А вы с Ленкой как обустроитесь, так письмо напишете. Она к вам и приедет. Если надо будет. Или вы вернётесь обратно. Как, а?

— Нет. Не хочу. Тут у меня работа, мастерская. А приедешь куда — ни жилья, ни денег, ни работы. Куда я там, на незнакомом месте, да с больной ногой, да ещё и с ребёнком?

— Как знаешь, Петь. Вот случится что с Ленкой — сам всю жизнь мучиться будешь потом.

— Да что случится-то? Даже если и будет налёт, ничего страшного. Опять спустимся в бомбоубежище, переждём.

— Верно, пап, — влезаю я в разговор. — Не нужно никуда уезжать. У меня тут подруги, школа.

— Цыть, пигалица! От горшка два вершка, а лезет. Мозгов меньше, чем у курицы.

— Ну, деда!

— Что «деда». Ты чего принесла? Вот чего ты принесла, а? Тебя за чем посылали?

— За хлебом.

— А ты что принесла?

— Сухарики.

— «Сухарики». Бестолочь.

— У нас ведь есть хлеб. Завтра ещё куплю.

— Балда. Сходи на кухню, чайник поставь. Давай-давай, иди, не кривись...

По закону подлости мерзкие братья Кругловы, конечно же, были на кухне. Они сидели у своего кухонного стола и вдвоём лопали яичницу прямо со сковороды, поставив ту между собой. А стол у них стоит сразу возле раковины. Чудненько.

Я взяла наш зелёный чайник, подошла к раковине и включила воду на всю мощность. А потом подставила чайник так, чтобы все брызги полетели на братьев и на их яичницу. Полюбовавшись на мокрые головы и рубашки вскочивших братьев и на плавающие в сковороде остатки их яичницы, я невинным голосом сказала: «Простите, пожалуйста, мальчики. Я случайно». Наполнив чайник, поставила его на плиту и, с чувством честно выполненного долга, вернулась в нашу комнату.

Папа и дедушка Кондрат всё спорили о том, нужно ли ехать в эвакуацию или нет, а я взяла с полочки книгу Гайдара «Тимур и его команда», включила лампу на своём письменном столе и села читать. Зачитавшись, забыла обо всём на свете. И тут раздался стук в дверь и голос тёти Шуры, мамы Кругловых, произнёс из коридора: «Соседи, а у вас чайник пустой на плите стоит!»

Бросив книгу, бегом кинулась на кухню. Ну, так и есть. Так и есть! Наверняка ведь работа кого-то из Кругловых. После моего ухода они почти всю воду из чайника слили, да так на огонь и поставили. Вот свиньи!..

Глава 5

Класс заполнился почти полностью. Нас тут 24 человека. Вот только это сводный класс. Все четыре года, что я училась в школе, я всегда была в классе «А». Сначала в 1-А, потом во 2-А и так далее. А теперь вот буду ходить просто в 5 класс. Без буквы. 5-А и 5-Б слили в один. Не знаю, где все остальные ребята. Может, уехали из города, а может и дома сидят. Моя мама тоже вчера долго думала, отпускать ли меня в школу или нет. Тревога так и витает в воздухе.

Мы все очень внимательно следим за любыми вестями с фронта. Фашисты уже совсем близко. Вчера мама вернулась с работы и рассказала, что немцы захватили какую-то важную железнодорожную станцию и теперь уехать из Ленинграда по железной дороге невозможно.

Да, мама же вернулась! Она ещё двадцатого августа вернулась, с утра. Грязная, голодная. И страшно усталая. Мама как приехала, так сразу пошла в баню. Очень хотела помыться, больше месяца не мылась. И я с ней пошла за компанию. И хорошо, что пошла. Мама была такая уставшая, что несколько раз едва не заснула прямо в бане. Мне её постоянно приходилось теребить, чтобы она взбодрилась. А когда домой вернулись, так она и есть не смогла — заснула прямо в одежде. Я тогда её кое-как раздела и уложила нормально.

А мама до самого следующего утра проспала. Не проснулась, даже когда папа с работы вернулся. Утром же встала в пять часов. Голодная-голодная. Я с вечера куриного супа сварила полную кастрюлю. Думала, маму ужином покормить. А она не проснулась. Мы с папой вдвоём ужинали. И после нас там ещё много больше половины кастрюли оставалось. Когда же я встала с утра, то оказалось, что супа больше нет. Совсем нет. Мама его весь съела, причём холодный. Прямо из кастрюли. Вот как проголодалась!

Мама такие ужасы про эту свою поездку рассказала! Оказывается, когда они там рыли противотанковые рвы, их несколько раз бомбили фашисты. Они разбегались, прятались, но всё равно у них были раненые и даже убитые. А одной тёте, которая уборщицей работает в мамином кинотеатре, бомбой оторвало руку по локоть. Ужас. Хорошо ещё, что в маму не попали.

А ещё мама рассказала, что в самом конце её фашисты чуть было в плен не захватили! Они ночевали в деревне в каком-то большом сарае,

который мама считала бывшей колхозной конюшней. И как-то в середине ночи прибежал их старший, который командовал на рытье рвов, и закричал, чтобы все немедленно вставали и уходили. Потому что сейчас в деревню войдут немцы. Мамин отряд тогда шёл всю ночь и половину дня, пока к железной дороге не вышли. И шли очень быстро, чуть ли не бегом. А если кто не мог так быстро идти, то его не ждали. Но мама смогла. Дошла. Потом их посадили в поезд и привезли в Ленинград. Только ехала мама обратно в товарном вагоне. В общем, приключений у мамы от этой поездки уже на небольшую книжку наберётся. И я очень рада, что для неё всё закончилось хорошо.

Ой, что-то я совсем замечталась. Мария Кузьминична уже расписание уроков на доске написала. Надо переписать. Сашка вон, вижу, строчит изо всех сил. Он на соседнем ряду со мной сидит, на одну парту впереди. Чёрт. Теперь мы с Сашкой, получается, одноклассники. Раньше-то он всегда в классе «Б» учился и в школе мы с ним почти не пересекались. А теперь вместе учиться станем. Вот гадство! Мало мне дома его выходки терпеть, так теперь он ещё и в школе меня доставать будет.

Но переписать расписание я не успела. Едва начала писать уроки на среду, как ожила висящая на стене класса чёрная тарелка, которая хриплым мужским голосом сказала: «Внимание, внимание! Говорит штаб противовоздушной обороны. Воздушная тревога! Воздушная тревога!»...

Не получилось у нас 1 сентября нормальных занятий. Мы четыре часа в подвале школы просидели. Слышали вой сирен на улице, выстрелы зенитных пушек. Но взрывов не было. Либо всех фашистов наши сбили, либо взрывы были очень далеко от нас.

Было тесно, в подвале воняло старой пылью и кошками. Писать негде. Да и темно там писать — всего две тусклых лампочки на весь подвал. Чтобы хоть как-то с пользой время использовать, учителя пытались вести такие уроки, на которых писать не обязательно. У нас был длинный-предлинный урок истории. А рядом с нами сидел 6-й класс (тоже сводный, как и мы), так у них ботаника шла. Поэтому одним ухом я слушала про Киевскую Русь, а другим — про соцветия, корневища и полевых вредителей. В голове в результате получилась полная каша.

Потом учителя выдохлись, и мы стали сидеть уже просто так. Ждали отбоя тревоги. Начались разговоры. Конечно, в основном про войну. Напротив меня на лавочке сидела директор нашей школы, Алевтина Васильевна, бородатый преподаватель физики (не знаю, как зовут его) и секретарша из школьной канцелярии. Из их разговоров я узнала, что с

завтрашнего дня, то есть со второго сентября, в городе снижается хлебная норма. Теперь мне по детской карточке полагалось 300 граммов хлеба в день, а маме и папе с их карточками служащих по 400.

Я сидела молча и также узнала ещё, что для компенсации снижения хлебной нормы принято решение увеличить нормы по сахару и жирам. По сахару и жирам у нас теперь норма выше, чем в любом другом советском городе. Даже выше, чем в Москве!

Ну, вот и отлично! Не больно-то мне этот хлеб и нужен. Триста грамм в день для меня вполне достаточно. Да я и столько-то не съем. Зато конфет больше будет! Идея снизить норму по хлебу и одновременно поднять по сахару мне очень понравилась. Всегда бы так.

Наконец, дали отбой тревоги. Учиться уже всё равно было поздно, так что нас по домам распустили. Я только на минуточку в класс забежала, дописать расписание уроков. Потому что Сашка списать всё равно не даст. Да и не стану я у него просить ни за что.

Вернувшись домой, нашла на столе записку от папы, который приходил обедать. Он просит меня сходить в магазин и выкупить всю крупу, которая нам полагалась в сентябре. На троих это было чуть больше трёх килограммов. Лучше брать пшено. Или макароны. В общем, на моё усмотрение. Потому что по городу ползут какие-то непонятные слухи и папа опасается, что могут быть перебои со снабжением. А самому папе по магазинам некогда ходить, у него заказ срочный. К записке прилагалась ещё и десятирублёвая бумажка.

Хорошо, мне не трудно. Сунула деньги в кошелёк, вытащила из тумбочки сетку, и пошла в магазин. Так что мне купить? Пшено или макароны? Макароны или пшено? И то и то люблю. Ладно, на месте решим. Может, нет сейчас в продаже того или иного. Вот и решать не придётся. Возьму то, что будет.

Пришла в гастроном. Он от нас недалеко, всего через один дом. Пришла, и стала удивлённо озираться по сторонам. Таким я наш гастроном ещё не видела. Макарон не было. И пшена не было. Вообще ничего не было. Совсем ничего. Только покупатели, которые так же, как и я, с изумлением оглядывали абсолютно пустые полки...

Глава 6

Солнышко светит. Какая погода ужасная сегодня! Говорят, по приметам сентябрь в этом году вообще очень тёплым будет. И солнечным, что для Ленинграда необычно. Если бы не война, так я бы этому только радовалась. Но сейчас... С некоторых пор я перестала радоваться яркому солнцу в голубом небе.

Чистое, безоблачное небо — это очень плохо. Это значит, что фашистам будет удобнее бомбить наш город. Как бы я хотела, чтобы сейчас небо плотно затянулось тучами, и пошёл бы долгий-предолгий нудный дождь. И им сверху стало бы не видно, куда бросать свои бомбы.

Мама вчера на чердаке дежурила. Мы с папой по тревоге ушли в бомбоубежище, а мама наоборот, поднялась на чердак. Она потом рассказала, что там было очень страшно. Сирены воют, зенитки стреляют, самолёты режут. С чердака мама видела, как вниз летят бомбы. А мы с папой в бомбоубежище один раз почувствовали, как колыхнулась земля. Это где-то недалеко бомба взорвалась. А ещё мама видела, как наши одного фашиста сбили. Как он упал, мама не видела, но как горящий самолёт нёсся к земле, заметила.

Сашка, дурень, всё рвался тоже на чердак идти. Но его тётя Шура не пустила. И правильно! Нечего ему там делать. Кстати, а где он? Всё ещё идёт?

Оглянулась, и увидела, что действительно, идёт позади меня метрах в двадцати. От самой школы идёт. Вот, паразит! И чего прицепился? Нет, понятно, что раз нам в одну квартиру, то и идти мы должны одной дорогой из школы. Только мне это совсем не нравится. Ну, неприятно мне, когда он рядом. Постоянно в напряжении и очередной пакости ожидаешь.

Ой, и тут раскопали! Ну и дела. У нас окопы прямо на улицах роют. Доты на перекрёстках строятся. И маму опять мобилизовали рыть окопы. Она на работу теперь не ходит, окопы копает. Бедная мамочка, она так устаёт. Но кому-то нужно эти окопы копать, верно? Они же сами не выкопаются. Папа не может. Из меня копатель тоже никакой. Вот мама и копает. Не одна, конечно. Я ходила к ней, видела всё. В основном женщины копают. Ещё старички и школьники. Из нашей школы тоже все классы, начиная с седьмого, отправили копать. Город к уличным боям готовится.

Раньше я как-то не задумывалась над тем, какое это страшное словосочетание — «уличные бои». Но теперь как представляю, что бой

может случиться прямо у меня дома — мне страшно становится. Чтобы ко мне домой, прямо ко мне в комнату, пришли фашисты? У меня это в голове не укладывается. А ведь такое было уже. В городе много беженцев. И в бомбоубежище я встречаю их иногда. Ужасные вещи рассказывают. В Могилёве были сильные уличные бои. И в Новгороде. И в Таллине. Сколько же там простых жителей погибло? Страшно представить. А ещё говорят, что фашисты расстреливают пленных коммунистов и комсомольцев.

Сашка! Ну, как же надоел он! Идёт и идёт за мной. И не обгоняет и не отстаёт. Всё, надоело мне это. Я подошла к краю недавно вырытого окопа и остановилась. Вот, буду тут стоять, пока он не уйдёт. Мимо меня, цокая каблучками, прошла в сторону трамвайной остановки тётя Вера, в нашем подъезде на первом этаже живёт. Она недавно к нам переехала, в прошлом сентябре. Где жила раньше, я не знаю, а в сентябре она вышла замуж за дядю Сашу с первого этажа и переехала к нему. Помню, какая весёлая свадьба была у них! Столы прямо во двор выносили, не помещались все в квартире. А скоро у тёти Веры будет ребёночек. Живот уже очень сильно выпирает.

Сашка. Подошёл и встал рядом со мной. Стоит. И я стою. И он стоит. Так и стоим рядом. Молча. В пустой окоп смотрим. Ну что он привязался ко мне? Неужели настолько сложно оставить человека в покое? Какой же он мерзкий тип!

Тут раздался какой-то странный не то свист, не то вой. Потом земля у меня под ногами вздрогнула, а по ушам ударил чудовищный грохот. Ничего не понимая, оглядываюсь вокруг. Что это было? Сашка рядом со мной также бестолково вертит головой. Он тоже ничего не понимает. И снова такой же свист, грохот, а на трамвайной остановке, прямо среди людей, поднимается фонтан земли. Взрывы? Откуда? Тревогу не объявляли и самолётов не слышно.

А Сашка бросает свой портфель на землю и сильно толкает меня руками в спину. Не удержавшись на ногах, падаю прямо в окоп. Вместе с портфелем. Сверху же на меня валится Сашка.

Я так удивилась, что некоторое время даже вырваться не пыталась. Но потом всё-таки начала делать попытки встать на ноги. Только вот Сашка явно сильнее меня, не даёт подняться. И так мы с ним и возимся на дне окопа. Снизу я, сверху он.

Опять грохот. Стенки окопа трясутся, а мне прямо на голову сыплются песок и мелкие камушки. Да что он себе позволяет?!

— Сашка, пусти!

- Лежи, не дёргайся.
- Пусти, гад!
- Да лежи ты, дура!
- Ты сам дурак. Я всё маме расскажу!
- Ленка, не дрыгай ногами!
- Пусти!
- Лен, стреляют же. Куда ты?
- Кто стреляет?
- Немцы. Фашисты.
- Как это? Тревоги не было ведь. И самолётов не слышно.
- Ох. Что, все девчонки такие тупые, или только ты, а?
- Сам дурак.
- Да не с самолётов стреляют, Лен. Ты что, не поняла?
- Не с самолётов? А откуда?
- Фашисты из пушек начали по нам стрелять.

Из пушек? Они так близко? Из пушек. Но это... Это же всё. Я ведь не совсем дура. Раз они могут стрелять по городу из пушек, значит город обречён. Нет!! Я не хочу. Я не согласна!

Обстрел, тем временем, прекратился. Сашка сполз с меня, вылез из окопа и помог выбраться мне. Ой, ну и коленки! А платье на что похоже? Стирать однозначно. Всё в глине. Я как чушка. В школу в чём идти завтра?

Со стороны трамвайной остановки до нас доносится какой-то очень страшный, нечеловеческий вой. Что там? Подходим ближе. Какая-то колбаса лежит на дороге. На неё зачем-то надели женскую туфельку. И тут я её узнала. Это не колбаса. Это оторванная нога тёти Веры. Это её туфелька!

А потом мне стало плохо. Повернувшись к Сашке, я с рёвом обняла его и уткнулась ему в плечо. Он хоть и гад, но в этой толпе единственный человек, который мне хоть как-то знаком. И я стояла рядом с Сашкой, обнимала его и ревела. А он одной рукой обнимал меня за плечи, а другой гладил по голове и говорил, что всё будет хорошо.

На земле же с широко открытыми глазами лежала тётя Вера. У неё не было нижней половины тела. Это была она, но лишь до пояса. Дальше не было ничего. А невдалеке лежали два мёртвых ребёнка тёти Веры. Двое детей, которых она так и не успела родить...

Глава 7

Сашка дома отпаивал меня горячим чаем минут двадцать. Меня трясло всю после такого ужаса. Но, в конце концов, я успокоилась. Родителей дома не было. Нужно было делать уроки, но... Какие тут уроки, когда фашисты стреляют по городу? Мама роет окопы. Папа не может. Но я-то могу! Пусть я плохой копатель. Но плохой копатель — это больше, чем совсем никакого копателя.

Я сказала Сашке, что сейчас пойду помогать маме. Нужно копать окопы. А он заявил, что пойдёт со мной. И Вовка тоже из-за двери буркнул, что пойдёт.

Сашка с Вовкой поругался. Мы когда вернулись с Сашкой домой, так Вовка по привычке опять запел своё «Ленка-пенка-колбаса». И здесь Сашка удивил меня. Он так рявкнул на своего брата, что того будто ветром сдуло из коридора.

И мы пошли помогать маме. Только вот у меня не было подходящей одежды. У меня только платья и юбки есть. А копать в платье ну совсем неудобно. Одежда моих братьев мне очень сильно велика. Куда мама дела все штаны, в которых Мишка и Лёнька ходили, когда были моих лет, я не знаю. Может, отдала кому. У меня лишь лыжный костюм есть. Но он зимний, я сварюсь в нём сейчас на улице. Немного подумав, я постучалась в дверь Сашкиной комнаты и попросила помочь. А Сашка Круглов вовсе не стал смеяться или дразниться, как я опасалась. Он молча повернулся к шкафу и начал в нём копаться. Вскоре Сашка выудил оттуда мятые, но чистые штаны. По-моему, в прошлом году Сашка в них в школу ходил. Наверное, сейчас Сашке они стали малы. Вовке же явно велики, это сразу видно. И Сашка дал эти штаны мне. А вот на меня они были в самый раз! Я их надела, и мы пошли помогать маме.

Только покопать нам не дали. Мы пришли к месту, где наши рыли окопы и какую-то длинную глубокую канаву метров пяти шириной. Там нашли руководившего процессом командира с кобурой на боку. Сашка шёпотом сказал мне, что это старший лейтенант. Как будто я сама не знаю, петлицы красноармейцев я разбираю очень хорошо. У меня, всё-таки, два старших брата. А когда у девочки есть сразу два старших брата, но нет ни одной сестры, то это определённый отпечаток на воспитание накладывает. Я вообще лет до четырёх тоже считала себя мальчиком. Пока мама не объяснила мне, что я, всё-таки, девочка.

Мальчишки ведь всё время были рядом со мной. Они забирали меня из садика, кормили меня, гуляли со мной. И буквам меня учил Мишка. А ещё братья играли со мной. У меня до сих пор солдатиков и машинок больше, чем кукол. Особенно же много корабликов. Мишка просто бредил морем в детстве. Обязательно хотел стать моряком. А его кумир — это адмирал Ушаков. Он прочитал про него всё, что только смог найти в библиотеке. С морем же связано и моё самое первое детское воспоминание.

Помню, лежу я в постели, только что проснулась. Не знаю, сколько мне было лет. Совсем кроха. Года два, наверное. Открыла глаза и вижу странное сооружение в центре нашей комнаты. Не сразу поняла я, что это братья затащили на наш стол стулья, обвешали их одеялами и играют в море:

- Поднять паруса!
- Есть поднять паруса!
- Полный вперёд!
- Есть полный вперёд!
- Открыть пушечные порты!
- Есть открыть пушечные порты!
- По местам стоять, к бою иметь полную готовность!..

Вот, очень хорошо это помню, хоть и была тогда совсем мелкой. А потом, когда я начала подрастать, братья и меня в свои игры стали включать. «Кордебаталия», «поворот оверштаг», «авангард», «ретирада», «абордаж», «пробоина ниже ватерлинии». Это всё слова из моего раннего детства. Я выросла с ними. Так что не удивительно, что звание красного командира смогла опознать и без помощи Сашки. Мы обратились к нему. Что мы хотим помочь. Дайте нам лопаты и покажите, где нужно копать.

А он нас прогнал. Сказал, что мы ещё мелкие. А меня вообще отправил играть в куклы. Вовка засопел и, кажется, собирался зареветь. И тогда я сказала этому страшному лейтенанту, что когда в город придут фашисты, то мне точно будет не до кукол. Я пришла сюда для того, чтобы сюда не пришли фашисты. И дома мне нужно не играть, а делать уроки. Но я пришла сюда. Пусть я мелкая и слабая. Но копать-то я могу! Я ведь не прошу дать мне винтовку и отправить в штыковую атаку. Я просто хочу помочь хоть как-нибудь. Где моё место?!

Ой. Последнюю фразу я как-то неожиданно для себя самой выкрикнула. Сама испугалась этого. Крикнула и язык прикусила себе. Мамочки. Кричать на красного командира?..

Против ожидания, тот не рассердился. Немного задумавшись, внимательнее посмотрел на нас, а затем всё же согласился дать нам работу.

Только копать он нас не поставил, иное придумал. Работавших на постройке укреплений людей, видимо, недавно кормили обедом. Невдалеке стояла полевая кухня, а пожилой боец укладывал в прицепленной к ней тележке десятки грязных жестяных мисок. Вот эти-то миски нас троих и отправили мыть.

Мы отцепили тележку от кухни и покатали её в сторону колонки. А ещё колдовавший у кухни боец дал нам две не слишком чистых тряпки и большой кусок хозяйственного мыла. Мы втроём пришли на колонку, Вовка повис у неё на ручке, пуская воду, а я с Сашей стала отмывать миски.

Ну и раздолье то было для Вовки! Малышню взрослые с колонок всегда гоняют. Особенно старушки этим славятся. Но не в этот раз. И пока мы мыли посуду, никто из проходивших мимо или пришедших за водой на колонку не сказал нам ни одного худого слова. Хотя Вовка висел на ручке колонки постоянно и водой мы залили всю улицу, создав около самой колонки просто огромную лужу.

Через четверть часа после начала работы к нам подошли две незнакомые девочки немного постарше меня. Вероятно, они жили где-то неподалёку, так как пришли уже со своими тряпочками. Наверное, увидели в окна, чем мы занимаемся и решили присоединиться. Не знаю, как звали их. Мы не разговаривали. Просто молча мыли миски. Потом ещё ребята приходили, но мы больше не брали никого. Нам и вчетвером было тесно возле одной колонки, всё время толкались.

А когда мы всё перешили и вернулись с полной чистых мисок тележкой обратно, нас, всех пятерых, тоже накормили. Там уже новая порция еды была готова. Работавшие на строительстве люди с полными мисками садились кто куда. В основном прямо на землю. А некоторые и вовсе ели стоя. Я нашла свою маму. Она кушала, сидя на каком-то мешке. Я села рядом с ней и мы молча ели гороховую кашу с мясом. Вкусно! Только вот уроки я сегодня сделать явно не успею. Что бы такого наврать завтра в школе?..

БУБУХ!! Ай! Страшно. Я крепче прижалась к своему папе, который сидел рядом со мной. Мы в бомбоубежище сидим. Прячемся. Сегодня налёт фашистов какой-то особенно сильный. Тут вместе с нами сидит незнакомый старичок. Говорит, что физик. Так он объяснил нам, что всё это от того, что Ленинград построен на болоте. Под нами вода. И взрывные волны распространяются не так, как если бы город стоял на скале. Вот и шатает нас каждый раз, когда бомба падает невядалеке. Мы как на корабле. И дом над нами тоже весь качается.

Очень страшно. И мама ушла. Сначала она с нами была, так как сегодня не её очередь дежурить. Но когда мама поняла, что налёт сегодня чрезвычайно сильный, то встала и ушла на чердак. Помогать. Сашка тоже рвался на чердак, только тётя Шура его опять не пустила. Вот и сидим мы в бомбоубежище. Я, папа, Сашка, Вова, тётя Шура. И другие соседи. Даже Старая Мымра тут. Тоже сидит в углу, нахохлившись. Не люблю её. Она страшная.

Долго мы так сидели. Часов шесть, наверное. Я уж и бояться перестала. Ну, бухает где-то. Всё равно повлиять на это мы не можем никак. И чего бояться тогда? Сидим и ждём. Вовка скрючился на лавке, положил брату Сашке голову на колени, да так и заснул. Прямо под грохот взрывающихся бомб.

Долго сидели. У нас тут недалеко зенитная батарея стоит. Как раз по дороге в школу, мы мимо неё каждое утро ходим. Так она грохотала, не умолкая. Не знаю, кого они там сбили, но взрывы фашистских бомб мы все ощущали. То есть, сбили явно не всех.

Наконец, всё умолкло. По радио дали отбой тревоги. Можно выходить. Сашка растолкал Вовку, и мы поднялись на улицу. Что это? Какой-то гадкий горько-кислый запах в воздухе висит. А над городом я вижу огромное облако багрового дыма. С немой вопросом я повернулась в сторону своего папы, но тот лишь пожал плечами.

Зато на незаданный вопрос мне ответил тот самый физик, что про состав почв под Ленинградом рассказывал. Он сразу сказал:

— Бадаевские склады горят...

Глава 8

— Твою мать!
— Не ругайся.
— Ленка, аккуратнее нельзя?
— Я не специально.
— Не специально? А у меня теперь штаны все этой дрянью вонять будут.

— Саш, ну извини. Я правда не специально. Так получилось.
— Не извиняю.
— Ну, хочешь, я сама тебе эти штаны постираю. Раз уж я виновата. Придём домой, дай их мне и я постираю. Даже поглажу потом. Извини, а?
— Хочу. Уговорила. Постираешь.
— Больше не сердишься?
— Нет. Только штаны мне постирай. И чтобы не пахло!
— Конечно, Саш. Я всё сделаю!

Ну да, я виновата. Мы с Сашей керосин тащим домой. Целую канистру. Семь с половиной литров керосина налили нам. Не знаю, зачем столько. По два с половиной литра на человека дают. Нам керосин вовсе не нужен. У нас освещение электрическое. Хотя керосиновая лампа и есть. Иногда, когда электричество пропадает, мы зажигаем её. Это лучше, чем со свечкой сидеть. Только у нас дома керосина полная бутылка. Почти литр! Куда нам ещё семь литров — ума не приложу.

Это всё дедушка Кондрат. Опять приехал к нам и погнал меня теперь уже за керосином. Говорит, лишним не будет. А сам он взял все наши карточки на крупу и, не слушая меня, пошёл их отоваривать. У нас же в гастрономе из крупы лишь перловка, да и за той вечно очереди. А я эту перловку терпеть не могу, потому и не покупали. Всё ждали, пока пшено или макароны завезут. Или хотя бы горох. У нас ведь ещё есть запас, зачем нам эта противная перловка? Но дедушка Кондрат меня не слушал. Взял карточки и ушёл. Мне же настрого велел сходить за керосином.

Папы и мамы дома не было, возразить дедушке было некому. Это он из-за хлеба. Со вчерашнего дня немного хлебную норму снизили. Детей это не коснулось, я как по детской карточке триста грамм получала, так и получаю. А вот всем остальным норму снизили. Мама с папой по карточке служащих со вчерашнего дня, как и я по триста грамм получать стали. Дедушка Кондрат углядел в том тревожный признак, примчался к нам, и

пришлось нам с Сашкой за керосином идти. Я одна бы семь литров не дотащила, тяжело.

Мы с Сашкой как-то неожиданно помирились. Удивительно! Всегда, всю жизнь, гадили друг другу, а тут вдруг внезапно помирились. Я вот, даже Сашке штаны предложила постирать. Удивительно! И постираю! Потому что запнулась ногой и керосином ему штаны облила. Сама виновата, под ноги нужно смотреть.

Мы с Сашей идём домой, и тащим полупустую канистру с керосином. Вдвоём держим её за одну ручку. Одному очень тяжело нести. Нам далеко, ещё два квартала. Устали и остановились отдохнуть. Жарко. Середина сентября, а так жарко. Стоим возле стены дома и тяжело дышим. Отчего-то движение на улице перекрыто. Сама видела, как девушки в красных повязках на перекрёстке грузовики заворачивали. Нас с Сашкой, как и других пешеходов, пропустили, а автомобили сюда не пускают. Странно.

Ну, отдохнули. Надо спешить, пока опять не налетели фашистские самолёты или не начался обстрел и не объявили тревогу. Снова взяли свою канистру и потащились дальше. Вдруг слышу какой-то странный шум. И что-то большое и тёмное приближается по мостовой нам навстречу. Ближе. Ещё ближе. Батюшки, да это же люди. Идут прямо по проезжей части колонной по восемь человек в ряд. Сколько же их тут!

Они идут с оружием. Почти у всех винтовки. Но иногда встречаются и пары, несущие пулемёты. Только это не красноармейцы. За исключением нескольких командиров в форме, все остальные идут в обычной гражданской одежде.

Мы с Сашкой снова остановились. Стоим на тротуаре и провожаем глазами идущие мимо нас шеренги ополченцев. Тут где-то в голове колонны послышался нарастающий гул. Я сначала не поняла, что это такое, но потом гул волной докатился и до нас. Они начали петь. Один за другим люди подхватывали слова песни и начинали петь. Все эти тысячи людей начали петь.

Я слышала эту песню. Её несколько раз передавали по радио. Конечно, когда поют настоящие певцы, да ещё и под такую торжественную музыку, это очень впечатляет. А здесь пели обычные люди. Совсем не певцы. И никакой музыки не было. Но зато их было много. Очень много. Тысячи человек шли мимо нас с оружием и пели:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,

С проклятою ордой.

Шли простые люди, в своей обычной одежде. Судя по их виду, в основном это рабочие. У многих за плечами висели рюкзаки или небольшие мешки.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

А вот прямо рядом со мной прошёл удивительный человек. Он был очень странно одет. Он не надел крепкую и практичную одежду, как сделали все остальные. Этот человек был одет в отглаженный чёрный костюм. Белоснежная рубашка, галстук. На ногах — начищенные до блеска лаковые башмаки. Рукой с тонкими нежными пальцами, которые скорее подошли бы пианисту, чем бойцу, он сжимал ремень висящей на его плече и столь неуместно смотрящейся с таким нарядом винтовки и пел:

Как два различных полюса,
Во всём враждебны мы.
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Люди были разбиты на отряды. Я не считала специально, но мне показалось, что каждый отряд по численности был примерно равен батальону. Впрочем, я могу и ошибаться. И во главе каждого такого отряда обязательно шёл командир. Обычно, лейтенант. Только эти командиры и были одеты в военную форму. Все остальные — в гражданской одежде.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

Ой, нет. Вон, вижу человека в форме прямо в центре строя. Какой-то

старичок с совершенно седой бородой. И какая-то форма у него странная, неправильная. Видно, что далеко не новая форма, хотя и чистая. Он тоже поёт:

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Старичок в форме уже прошёл мимо, когда я поняла, что у него с формой не так. Он был одет в старую, царскую форму, с которой только спорили погоны. А ещё, пока он проходил мимо, я успела заметить георгиевский крест у него на груди. Кажется, носить царские награды было запрещено. Но шедший во главе батальона молоденький лейтенант делал вид, будто креста не заметил.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

Сколько же их много! У меня появилось такое чувство, будто я сейчас неожиданно прикоснулась к чему-то невероятно древнему и могучему. Какой-то мелкий, рыжий, как и я, мальчишка выбегает из двора, внимательно приглядывается пару минут, а затем с радостным визгом бросается куда-то вглубь строя. Один из ополченцев поднимает его, целует и ставит обратно на землю. Сам же, не оглядываясь, уходит. Уходит на войну.

Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать,
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!

А вот идёт политрук. Отлично вижу его нарукавную звезду. И несут знамя. Отчего-то знамя несут не в голове колонны, а в середине. Может быть, это знамя конкретно этого батальона? Не вижу, что там на знамени

написано. Вроде бы, что-то про Кировский завод.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

Тут песню подхватил и стоящий рядом со мной на тротуаре Сашка. Он явно хотел бы тоже оказаться в этом строю. Но ему нет ещё и двенадцати лет. И сейчас он может только петь:

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Не могу больше молчать! Я тоже могу петь! И мой такой слабый на фоне многоголосого рёва голос присоединяется к общей массе. Насколько могу громко, я выкрикиваю:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

А люди всё идут мимо нас. И многие, проходя мимо, смотрят на меня с Сашкой и улыбаются. Ведь это нас с ним они идут защищать. Именно нас.

Пойдём ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!

На другой стороне улицы вижу, как из подъезда дома вышла какая-то старушка. Она держит в руках икону и ей пытается крестить уходящих на войну простых мирных жителей Ленинграда.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

И многие в строю сами крестятся, глядя на эту старушку с иконой и кланяются ей. А песня при этом звучит как-то уж совсем грозно:

Встаёт страна огромная,
Встаёт на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

Я не знаю, что я могу сделать для этих людей, которые всё так же идут и идут мимо. Не знаю, чем помочь им. Я слишком мала и ничего толком не знаю и не умею. И я делаю единственное, что доступно мне сейчас. Быть может, в бою кто-то вспомнит провожавшую их в Ленинграде девчонку и ему будет чуть-чуть легче. Я стою на тротуаре и изо всех сил пою:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!..

Глава 9

Ну что я за копуша такая? Всё прозевала. Так обидно. Хотела доказать мальчишкам, что тоже на что-то годна. Угу, доказала. Валька Смирнов с пятого этажа смеётся и обзывает меня клушей. Говорит, толку от меня ноль. Как я ни старалась, но и в этот раз тоже не успела ни разу. Мальчишки всегда успевали первыми. Те две зажигалки, что упали в наш двор с неба, успел схватить и утопить в бочке с водой Валька. А к которой нам с чердака вниз сбросили, первым успел Толик Мелкий из соседнего подъезда. Последнее вообще обидно. Он же всего в третьем классе учится, а самый первый подскочил и начал засыпать её песком.

По радио объявили отбой тревоги. Опять фашисты в наш дом попали только один раз. Зажигалкой. Но это и попаданием-то не считается. Они не слишком опасные, пока на чердаке люди дежурят. Вот если бы фугаской попали — это да. Скорее всего, после попадания фугаски наш дом до такой степени разрушится, что жить в нём дальше станет невозможно. Видела я уже в городе дома после попадания в них фугасок. Уже не дома, руины. Хорошо ещё, что фугасок фашисты бросают гораздо меньше, чем зажигалок. Хотя одна из них, кажется, сегодня упала довольно близко. Не во дворе, к счастью, а на улице. Но всё равно грохот был сильный и дом ощутимо покачнулся.

Из подъезда вышел Сашка Круглов. Ему в этот раз на чердак удалось прорваться. Там девушки из МПВО дежурили и Сашку не прогнали. А вот когда на чердак кто-то из наших жильцов поднимается, то они ребятню обязательно прогоняют. Раньше-то мы в бомбоубежище спускались, но со временем перестали. Ну его, это бомбоубежище. Там страшно.

Да и не набегаешься туда. Тревогу по несколько раз за ночь объявляют. Спать-то когда? А бывает и днём тревога, но днём реже. Днём фашисты всё больше из пушек стреляют. Боятся они, гады, советских зениток. На ночь же в небо обязательно взлетают колбасы наших дирижаблей и поднимают в воздух заграждение. Фашистам, чтобы в это заграждение не врезаться, приходится летать высоко-высоко, над дирижаблями. И оттуда бомбить. Причём в полной темноте. Понятно, что попасть куда-то в таких условиях можно лишь случайно.

Уже вечер. Темнеет и становится прохладно. Я зябко кутаюсь в свой плащ. Недавно начался октябрь и на улице вечерами бывает довольно холодно. Ничего, тревога кончилась, сейчас вернёмся домой, заварим

горячего чая и отогреемся.

Можно кашу ещё сварить. На воде. Очень хочется бутербродов с колбасой, но колбасы нет. Мяса вообще нет в магазине. Никакого. Даже консервов нет. Карточки мясные мы на октябрь получили, но толку с них пока мало. Никто их не отоваривает. Нечем. Радует лишь то, что это не надолго. Ну не смогут фашисты долго держать в кольце такой огромный город. Не до зимы же они тут сидеть станут! Что они сами-то зимой в чистом поле жрать будут, а? Мы все со дня на день ждём, когда наши пробьют в кольце фашистов коридор и в город смогут нормально провезти мясо. Да и крупы бы хорошо. А то эта перловка, что дедушка Кондрат купил, уже несколько достала. Дрянь такая. Но делать нечего, приходится кушать её. Пшено у нас закончилось.

Как бы то ни было, но пока коридора ещё нет. И руководство города, видимо, желая подстраховаться на всякий случай, с первого октября опять снизило хлебную норму. Теперь маме в день полагается четыреста грамм, а нам с папой по двести. То есть на троих почти целая буханка.

Кажется, что целая буханка на троих — это вполне достаточно. Даже много. Так-то оно так, но лишь по меркам мирного времени. Когда в магазинах есть кроме хлеба ещё и мясо, и крупа, и макароны, и сахар, и картошка. Даже орехи есть, если кто хочет. Но сейчас хлеб — это единственный продукт, который регулярно, каждый день можно с гарантией получить. Всё остальное — на удачу. Как завезут. И если уж завозят, то сразу огромные очереди за мясом выстраиваются. Я однажды в одной такой очереди за мороженой говядиной участвовала. Полтора часа простояла, да и ушла ни с чем. Кончилось мясо в нашем гастрономе. А карточки так у меня и остались не отоваренные.

И это нам ещё хорошо, что у меня мама смогла на завод фрезеровщицей устроиться. Она, оказывается, в молодости какие-то курсы проходила. Конечно, всё позабыла давно. Но всё равно хоть такой фрезеровщик это лучше, чем брать на работу человека, совсем с этой профессией не знакомого. Моего папу, например.

Так мама на завод и устроилась. Её кинотеатр закрыли, там сейчас вроде как госпиталь развернуть собираются. И мама пошла работать фрезеровщицей. Что очень здорово, так как ей за это рабочую карточку выдали. А рабочих на заводе не хватает, многие ведь на фронт ушли. И сейчас там берут на работу всех, кто хотя бы знает, с какой стороны нужно подходить к станку.

А папа теперь плакаты рисует по заказам райисполкома. Афиш стало нужно меньше, а плакатов наоборот — больше. Вот папа их и рисует. Я

видела его плакаты, висящие на стенах домов. Особенно впечатлил меня плакат с изображённой на нём женщиной, держащей на руках мёртвую девочку. И надпись внизу: «Смерть детоубийцам!». Папа говорил, что сам плакал, когда такое рисовал. На всякий случай он эту девочку нарочно нарисовал так, чтобы она ну ничуть не была бы похожа на меня. А то мало ли что.

Блин, Сашка разболтал всем мальчишкам, что с чердака видел, как на улице фугаска разорвалась. И всех приглашает сбегать посмотреть на воронку. Может, и подобрать чего. Мальчишки. Глупые. Ну что там интересного? А они все, отчего-то, осколки от бомб и снарядов собирают. Причём чем крупнее осколок, тем он ценнее. У Сашки, я знаю, вообще есть один осколок размером чуть ли не с половину таза. И зачем он ему? Не понимаю я этого.

Но всё равно бегу вместе со всеми смотреть воронку от взрыва. Интересно же. Хорошо, что на мне штаны сейчас, а не платье. Бегать в штанах гораздо удобнее. Это ещё с тех давних пор осталось, как мы ходили на окопы мыть миски, Сашка мне свои старые штаны так и подарил. Они всё равно не нужны ему. А мне в них ловить зажигалки во дворе много удобнее, нежели в юбке. Хотя я пока ни одной так и не поймала.

Ух, какая воронка здоровая! Туда и бегемот влезет с головой. Мы все стоим кругом и на неё любуемся. А потом Толик Мелкий как закричит: «Смотрите!». И тычет пальцем на наш дом.

Повернулись и... мамочки! Во всём нашем доме со стороны улицы не осталось ни одного целого стекла. Вообще никаких стёкол нет. Всё близким взрывом фугаски вынесло.

Сашка сразу рванул домой. И я за ним. Мы, всё же, в одной квартире живём. Влетаем на наш третий этаж, Сашка открывает дверь, и я вижу его ревущего в коридоре брата Вовку. Оказывается, тот очень сильно испугался, когда вылетели стёкла в окне. Хорошо ещё, что стёкла были крест накрест заклеены газетными полосками, так что внутрь комнаты осколки стекла не улетели. Вовка не пострадал.

Зашли все втроём в комнату. На полу стеклянное крошево. Окно зияет пустыми рамами. Нда. Работы стекольщику предстоит много. И стёкла бы нужно вставить поскорее. Уже осень, октябрь на дворе. Без стёкол в окнах зимовать ведь нельзя.

Саша сходил на кухню за веником. Решил стекло битое с пола подмести, чтобы не обрезаться об него. Но уже вечер. Заметно стемнело. И Саша включил в комнате свет. Вернее, щёлкнул выключателем. А потом ещё раз щёлкнул. И ещё. Ничего не случилось. Света не было...

Глава 10

— ...Ну, так нормально?

— Ага, вроде хорошо. Дядя, Вы не торопитесь. Как следует сделайте, чтобы не дуло. А я подожду. Я не спешу никуда.

— Не спешишь?

— Не спешу. Нам такое сложное задание по математике задали — жуть.

— Задание? Так ты в школу ходишь? А я думал, школы закрыли все.

— Может, какие-то и закрыли, но наша работает. Только у нас электричества в школе нет. И стёкол в окнах тоже не осталось. Приходится в одежде учиться. И от окон все парты отодвинули, чтобы дождь не мочил.

— Так вы бы хоть фанерой окна закрыли. Сейчас многие так делают, у кого стёкла вылетели.

— И что мы там станем делать в темноте? В прятки играть? Как читать и писать? Света же ведь нету!

— Гм... Это я как-то не подумал.

— А про фанеру я знаю, конечно. У наших соседей, у кого окна на улицу, у всех стёкла повышибало. Они кто чем окна заткнули. В основном фанерой, конечно.

— Повезло тебе, что у тебя окна во двор.

— Угу. Во двор тяжело бомбой попасть, он маленький у нас.

— Я вижу. Ну-ка, отвёртку подай с синей ручкой.

— Сейчас. Вот, держите.

— Спасибо. А что, в школе-то много народу осталось?

— Нет, мало. Старшие вообще уехали, в школе только до шестого класса теперь учатся. А всех кто старше в совхоз отправили, помочь собрать картошку. Мы тоже просились, но нас не взяли. А так в нашем классе двадцать шесть человек всего. И это наш класс из двух собрали.

— А остальные где?

— Большинство, наверное, уехали. Кто-то дома сидит. А кто-то... ну, Вы поняли.

— Да. Что делают, твари, что делают! По детям!

— Нас первого сентября двадцать четыре было. Потом постепенно ещё восемь человек добавилось. Беженцы там, эвакуированные. А сейчас нас двадцать шесть.

— Что, шестерых уже?

— Нет. Двое точно живы, в госпитале. Одному мальчику ногу до колена оторвало, а Маришку, с которой я в прошлом году за одной партой сидела, осколком в грудь ранило. Я её навещать ходила. Один мальчик эвакуировался на Большую землю. А ещё одна девочка пропала без вести. Ушла из дома, да так и не пришла никуда. Где она сейчас — никто не знает. Не нашли. Но ведь понятно, что это означает.

— Понятно. Под обстрел попала.

— Скорее всего. Ну, а ещё двоих мы уже наверняка потеряли. Сиротину в дом фугаска попала. Прямое попадание. Тело потом откопали и опознали. А Григорьеву, который у меня прямо за спиной сидел в классе, на той неделе снаряд руку вместе с плечом оторвал, когда он из школы домой шёл. Нам в школе на перемене Верка Самохина рассказывала, она это своими глазами видела. Как обстрел закончился, тот уже умер. Да и всё равно бы не спасли. Самохина говорила, у него пол туловища разворочено было.

— Суки.

— Обычно я не ругаюсь, дяденька. Не люблю, когда ругаются. Но в данном случае я с Вами полностью согласна. Суки фашистские...

Тихонько игравший в углу комнаты в кораблики моих братьев вредный Вовка Круглов, услышав от меня такое, довольно хмыкнул, почесал себя пальцем под носом, но вслух ничего не сказал. Наверное, какую-то пакость по старой памяти придумал. Хотя мы с ним больше и не воюем. Я вот даже старую коробку с самодельными корабликами своих братьев для него со шкафа достала. Поиграть, пока Сашки нет дома.

Я опять взяла в руки задачник, повернулась так, чтобы на него падало побольше света из окошка, и принялась читать. Из пункта «А» со скоростью 40 км/ч вышел... навстречу ему... в пункте «В» он увеличил скорость до... окажутся в пункте «Г». Брр. Ничего не поняла. Что ж я такая к математике-то неспособная?

Математика — это моё больное место. Вот по всем другим предметам у меня четвёрки и пятёрки. А по математике вечно трояк. Честно говоря, в прошлом году иногда и двойки были.

А Сашка наоборот, математику любит. У него пятёрка твёрдая по ней. И эту задачку, над которой я уже второй час сижу, Сашка за пять минут решил.

Мы с ним теперь вдвоём уроки делаем, вместе. Сидя за моим столом. Потому что у него в комнате окна фанерой заделаны и темно, а у нас пока стёкла целы. Впрочем, уже не совсем целы.

Хмурый седоватый дядечка прорезал в стекле аккуратное отверстие и

вот как раз сейчас крепит там жестяную трубу. Нам печку ставят. «Буржуйка» называется. Во время Гражданской такие в Петрограде много у кого дома стояли. Дедушка Кондрат помнит, как он грелся зимой возле такой буржуйки.

Конечно, это его идея была с печкой, дедушкина. Он у себя дома уже завёл такую же, а теперь вот и нам привезли. И мастера привёл, который за банку тушёнки согласился помочь дотащить разобрannую печку, собрать её у нас в комнате и провести в окно дымоход.

Мастер, вроде бы, хороший. Всё делает качественно, не спеша. Когда он просунул в окошко трубу, то даже обмазал потом стекло вокруг трубы замазкой. Чтобы ветер не задувал. Мы, правда, не уверены, что печка вообще понадобится. Пока что у нас и так тепло дома, отопление работает. Может, наши наконец-то прорвутся?

Мы с Сашкой по карте смотрели, где бои идут. Из газет названия занятых фашистами деревень вычитывали и на карте Ленобласти отмечали. Там расстояние всего километров двадцать шириной получается. Даже я дошла бы за день. Даже по лесу. Даже под дождём. Но наши пройти эти несчастные двадцать километров не могут уже больше месяца.

Впрочем, фашистам до Ленинграда ещё меньше идти осталось. Они прошли от самой границы, но вот эти последние километры пройти как раз и не могут. Хотя бои, кажется, идут непрерывно.

Вот дедушка Кондрат и решил печки ставить. Если отопление пропадёт, нам совсем худо станет. Он это столь важным делом считал, что даже на тушёнку расщедрился. Мастер был хороший, но работать соглашался лишь за еду, за деньги не хотел.

Да, деньги как-то стали терять свою ценность. Магазины по большей части стоят пустыми. Про еду я молчу, купить что-то помимо хлеба с каждым днём становится всё труднее и труднее. Того же керосина достать ну совершенно невозможно.

А керосин нужен. Керосин — это освещение. Без нашей коптилки мы бы измучались. Ночью в комнате темнота абсолютная. Окна плотно-плотно занавешены одеялами. Светомаскировка. Пока окна не занавесишь, свет зажигать нельзя. С этим очень строго. Специальные патрули по улицам ходят. Следят, не выбивается ли где из окна полоска света.

И не было бы у нас коптилки, пришлось бы свечами пользоваться. А они и неудобные и света от них меньше. Вон, мама Кругловых не достала керосин, когда его раздавали в сентябре, так теперь Сашка с Вовкой в туалет ночью со свечкой ходят. Что они станут делать, когда свечи у них закончатся — ума не приложу. Лучину зажигать, наверное. Свечей в

продаже тоже нет.

Да, продуктов в магазинах нет. Но вот спички есть. И соль есть. Продаются просто за деньги, без карточек и без ограничений. Как в мирное время. Так что в этом вопросе дедушка Кондрат в лужу сел.

А вот с продуктами он угадал, спору нет. Говорит, что свою квартиру он забил крупой, сахаром и консервами под самый потолок. Все свои сбережения на продукты ещё в июле извёл, когда они без карточек продавались. Он, я знаю, даже к нам приходил. У мамы ещё денег просил. Обещал потом продуктами отдать.

И всё успокоиться не может никак. Продолжает готовиться к зиме с упорством истинного хомяка. Сегодня вот тоже, приехал, узнал, что все карточки, кроме хлебных, у нас не отоварены и жутко раскричался. А что вы сидите, кричит. Нет в ближайшем гастрономе — идите в другой. Нет и там — идите дальше! Нельзя сидеть!

Он хотел в магазин меня отправить. Но тут уж я упёрлась, мне уроки делать нужно. Мы даже немного поругались с бабушкой. Хорошо, Сашка меня выручил. Предложил сходить вместо меня. Дедушка поворчал, но согласился. Сашка забрал все карточки на крупу, мясо и сахар, что были у нас, взял деньги, и ушёл. Он на шесть человек карточек взял — на меня с родителями, своей мамы, Вовкины и свои собственные. Дедушка сказал ему, чтобы не ленился, а сразу ехал на Невский. Там гастрономы лучше снабжают, есть шанс что-то достать. А сам дедушка Кондрат вскоре тоже куда-то свинтил. Сказал лишь, что пока нам тут печку ставят, он пойдёт попробует дрова нам достать. Хоть немножко. Или уголь. А то чем её топить будем? Не мебелью же!

Вот и сижу я уже третий час над задачкой. Ну, кто такие сложные задачи придумывает? Просто издеваются над детьми. Как вот это решать?

Вовка сидит в углу, обложившись корабликами. Временами тихонько пухает себе под нос, изображая оружейные залпы. Мастер всё ещё возится у печи, а я сижу и пытаюсь решить эту ужасную задачу.

Самое обидное, что отступать мне нельзя. Раньше я бы просто плюнула на это дело и в школе попыталась бы списать у кого-то из подруг. В крайнем случае — получила бы ещё одну двойку. Но сейчас так делать мне стыдно.

Идёт война. Все трудятся как проклятые. Мама по 12 часов в день вот работает на заводе. А папа нередко и воскресенье в мастерскую уходит. Семиклассники наши уехали собирать картошку. И что же мы, младшие? Будем просто сидеть за их спинами?

На последнем пионерском сборе мы решили, что не можем просто так

прятаться. Наши отцы и старшие братья воюют, матери работают. Чтобы быть достойными их, мы должны хотя бы хорошо учиться. И мы пообещали — пока идёт война, учиться лишь на «четыре» и «пять». Это наш фронт! Кто получит тройку — тот трус. А если двойку — то предатель Родины.

И я сижу над задачей и всё пытаюсь понять, как же её решить. Почему Сашка столь легко её решил? Вроде, вместе на уроке сидели. Но он всё понял, а я как пень лесной.

Но я не сдамся. Нельзя. Это нечестно. Вот специально назло фашистам, я решу эту задачу. Сама решу. И получу пятёрку. Пятёрку по математике. Я получу пятёрку!..

Глава 11

Всё-таки керосиновая лампа — великое изобретение. Так удобно! Я чуть подвернула фитилёк, сделав огонь поярче, и продолжила писать.

Писать приходится очень аккуратно, чтобы не посадить кляксу. Нам в школе сказали, что писать нужно как можно мельче. Для экономии тетрадей. Тетрадей тоже нет. Не представляю, на чём буду писать, когда у меня прошлогодние запасы закончатся. Следствием такой экономии является то, что кляксы стали более опасными. Любая клякса сразу несколько букв уничтожит.

Зато я задачу решила! Сама! У меня получилось! Мастер уже собрал печь и складывал в портфель свои инструменты, собираясь уходить. И тут я, наконец-то, поняла, что у меня не получалось. Просто не нужно было складывать скорость с расстоянием, вот что!

Мастер ушёл. За окном к этому времени почти стемнело. Я развесила на окнах светомаскировку, включила коптилку, и принялась начисто переписывать в тетрадь решение.

Вовке надоело играть в кораблики. Он куда-то ушёл, но вскоре вернулся с кружкой горячего чая. Поставил дымящуюся кружку на новую буржуйку и снова ушёл. Опять вернулся с горячей кружкой, которую, посопев, поставил уже на стол передо мной.

Я отхлебнула. Хм, чай. Горячий. Без сахара, правда, но это нормально. Сахара совсем мало осталось, грамм сто, наверное. Сахар мы берегли. Я хотела сказать Вовке спасибо, но тот опять ушёл. Вернулся он с блюдцем, на котором лежала разрезанная пополам конфета «Гусиные лапки». Это Вовка где-то в своих запасах нашёл. Мы последние конфеты ещё недели две назад съели.

И чего я с ним цапалась раньше? Не понимаю. Отличный парень ведь. Обидно, что он в школу не ходит сейчас. Целый год, наверное, придётся пропустить ему. Он всего неделю в школу ходил. А после страшного налёта 8 сентября, когда фашисты Бадаевские склады подожгли, занятия для первых и вторых классов отменили. Такой малышне слишком опасно было ходить по улицам.

Я дописала решение задачи и убрала тетрадку в портфель. Потом мы молча сидели с Вовкой, пили чай и медленно-медленно, чтобы растянуть удовольствие, сосали свои половинки конфеты и смотрели на огонёк коптилки.

Сашка ещё не пришёл. Как под нажимом бабушки Кондрата ушёл в два часа пытаться отоварить карточки, так и нет его до сих пор. Взглянув на часы, я увидела, что уже почти восемь вечера. Где он так долго бродит? С другой стороны, раз так долго его нет, значит стоит где-то в очереди. То есть, он что-то нашёл из еды. О том, что ещё может означать долгое отсутствие я старалась не думать. За это время уже дважды воздушную тревогу объявляли.

Кто-то стучит во входную дверь. Явно не Сашка, у того свой ключ есть. Вышла в коридор, открыла. А, это бабушка Кондрат вернулся. Говорит, дров достал, нужно помочь разгрузить. Мать, говорит, зови. Ага, зови. Нету её. Не пришла ещё с работы. Да и приходит она усталая донельзя. Куда ей ещё дрова носить?

Бабушка похрапел, помялся, и заявил, что он тогда уж сам как-нибудь выгрузит. Вот ещё, «сам»! Он же старенький уже. Ему тяжело.

Я надела уличные туфли и, как была, в халате, бросилась вниз следом за дедом. У подъезда стоял какой-то мужичёк с ручной тачкой, а на тачке были навалены дрова. Тут и Вовка тоже прибежал помогать. Впрочем, дров было немного. Я всего пять раз успела подняться с дровами к нам на третий этаж, как они закончились.

Сначала мы всё в коридоре сложили, а потом потихоньку в нашу комнату перетаскали и под Лёнькиной кроватью сложили. Дрова, как сказал бабушка, были не очень. Ясень, да ещё и сырой. Но хоть такие. Сейчас и таких-то достать трудно. Купить нельзя ни за какие деньги. Только на продукты выменять можно.

Потом мы раскололи одно полено на щепочки и впервые затопили нашу новую печку. Печка горела исправно, не дымила, пламя ровно гудело за дверцей. А бабушка стал собираться домой. Ему далеко ехать, а время скоро девять. Нужно торопиться, чтобы до начала комендантского часа успеть.

И бабушка ушёл. Ну, где же этот Сашка? Я начинаю уже серьёзно волноваться. Вижу, что Вовка тоже себе места не находит.

Вернулась с работы Вовкина мама, узнала, что её старшего до сих пор нет дома, и наше беспокойство постепенно начало превращаться в панику. Тётя Шура всё порывалась идти искать Сашку, но это было совершенно бессмысленно. Сашка ушёл больше шести часов назад. Причём он сам не знал, куда пойдёт. За это время он мог успеть добраться до любого места в городе.

В половине десятого вернулся из своей мастерской мой папа. Он пытался как-то успокоить тётю Шуру и Вовку, но не преуспел. Его доводы

были совершенно неубедительны. Да он и сам понимал это.

В начале одиннадцатого пришла усталая и грязная мама. Она очень удивилась, увидев, что мы всей компанией встречаем её в коридоре. А мы просто выскочили из комнат, когда услышали, как в замке входной двери поворачивается ключ. Сашка?

Нет, не Сашка. Вовка притащил из своей комнаты Сашину фотокарточку, сел с ней на пол у входной двери, и начал эту фотокарточку гладить пальцами и что-то беззвучно шептать ей.

Последняя надежда растаяла в одиннадцать часов. Тётя Шура молча сидела на кухне за столом и смотрела в одну точку. Соседки пытались как-то успокоить и обнадежить её, но всем всё было ясно. Даже Вовке, который, уже не скрываясь, плакал у входной двери.

И тут кто-то вновь повернул ключ в замке. Дверь медленно отворилась, и... о чудо! На пороге стоит Сашка. Наш Сашка. Вполне живой и здоровый.

Что тут началось! Несчастного Сашку затискали и зацеловали. Даже я полезла к нему целоваться. Живой! Самое главное — живой! Но на кого же он похож?!

Сашка где-то вывозился, как свинья. Плащ весь в глине, штаны в глине, ботинки вымазаны так, будто он в них по болоту гулял. Шапки вовсе нет, руки все грязные и поцарапанные, лицо тоже в каких-то грязных разводах. И, кажется, у него из носа кровь шла. Он её стёр, но следы остались. А что случилось-то? Где был так долго?

Саша положил на кухонный стол какой-то небольшой грязный бумажный свёрток, сел на стул, а потом внезапно заревел. Я так удивилась! Сашка же никогда не плакал. Когда ещё в дошкольном возрасте он упал с велосипеда и очень сильно ободрал себе и колени, и ладони — не плакал. Когда ему выдирали зуб в поликлинике — не плакал. А сейчас вдруг заревел. Большой и сильный задира-Сашка сидит на стуле и ревёт, размазывая грязными руками по грязным щекам слёзы. Не прекращая рыдать, Сашка сказал:

— Я карточки потерял. Все карточки. Совсем все. И наши и ваши. Убейте меня!..

Глава 12

Остановка «Зоосад». Надо же, а он открыт. Правда, внутрь никто не заходит, но ворота нараспашку. Все кассы закрыты, на воротах нет никого, но никто в зоосад не идёт. Интересно, а звери там остались живые или их всех на мясо забили? Ведь все эти лошади и носороги жрут как... как лошади и носороги. Их же не прокормить!

Трамвай привычно тренькнул звонком, и мы поехали дальше. Вход в зоосад скрылся из вида, едем мимо его ограды. На коленях держу сумку, в ней маленький, на полкило, холщовый мешочек с пшеном и банка тушёнки. Рядом со мной, надвинув на глаза кепку, с самым несчастным видом сидит Сашка. Мы с ним домой возвращаемся.

Что ж будет-то теперь? В скорый прорыв блокады уже как-то не верится. Ещё меньше верится в успешный штурм немцами Ленинграда. Город постоянно укрепляется. Наших старшеклассников, как они с уборки картошки вернулись, так почти сразу на рытьё окопов бросили. Какие-то дополнительные или запасные позиции оборудуют. Да если даже фашисты и войдут в город — это ещё не значит, что они его захватят. В собственной крови захлебнутся, сволочи. По ним тут каждое окно стрелять станет.

Зябко, как-то. Наверное, пора зимнее пальто доставать. Сегодня суббота, восемнадцатое октября. Через две недели начнётся ноябрь. Две недели. Как-то нужно протянуть две недели. Дома у нас осталось грамм семьсот перловой крупы, две банки рыбных консервов, одна морковка, три некрупных картофелины и чуть-чуть сахара. И это всё. На трёх человек. На две недели.

Правда, хлеб в булочную завозят регулярно. К счастью, карточки на хлеб у нас сохранились. Их Сашка не потерял, так как не брал с собой. Только он какой-то странный стал, этот хлеб. Какую-то дрянь в него добавляют, видимо.

Остановка. Остановки — это самое опасное. Девушка в красной повязке показывает вагоновожатой, чтобы та не останавливалась тут, ехала дальше. Опять остановку перенесли. Их всё время с места на место переносят. На месте, где остановка была с утра, видны свежеезасыпанные воронки и подозрительные бурые пятна.

Сволочи. У фашистов новая тактика. Они по трамвайным остановкам стрелять стали прицельно. Видимо, у них в городе корректировщики артогна есть. И стреляют чаще утром или вечером, когда люди на работу

или с работы едут. А сейчас середина дня. Сейчас относительно безопасно. Днём фашисты больше по предприятиям стреляют.

Жалко, что Сашка карточки потерял. Конечно, отоварить их непросто сейчас. Но если карточек нет совсем, то отоваривать и вовсе нечего. А восстановить потерянные карточки практически невозможно. На каждой из них чётко написано: «При утрате не возобновляется». Сурово. Но время такое сейчас. Иначе всякие жулики пользовались бы лазейкой и «теряли» бы карточки по пять раз на дню.

Теоретически, восстановить карточки можно. Горсовет имеет такие полномочия. В исключительных случаях. Но на самом деле это нереально. Даже просто пройти в Смольный — это уже задача, достойная Геркулеса. А уж добиться того, чтобы там карточки потерянные восстановили... Нет, это фантастика. Жюль Верн отдыхает.

А с Сашкой самая обычная в наших условиях история тогда произошла. Он нашёл гастроном, где можно было отоварить карточки на крупу. Была огромная очередь, но он, всё же, включился в неё, надеясь на удачу. И ему повезло. Крупы ему хватило. И не просто крупы, он гречку купил! Молодец, какой. Только вот давали её всего по килограмму в руки, независимо от того, сколько там было купонов. Вот он килограмм и купил. В том грязном пакете, что он домой принёс, как раз этот самый килограмм гречки и был.

Сашка стоял в очереди почти три часа. Когда он вышел с пакетом крупы из магазина на улицу, уже стемнело. И только он успел сунуть карточки в свой кошелёк, как фашисты начали очередной артналёт. Первым же взрывом у Саши взрывной волной с головы сорвало картуз и унесло куда-то в темноту.

Сашка сразу бросился в какую-то канаву. Но ему не повезло. Снаряд упал недалеко от неё и Сашку немного контузило. У него зазвенело в ушах, и даже кровь носом пошла.

Минут через десять налёт закончился. Сашка лежал в канаве ещё десять минут, опасаясь коварства фашистов, потом вылез и пошёл домой. А через пару кварталов случайно заметил, что кошелёк-то у него и нет! Где-то обронил, пока по канавам ползал.

Конечно, он сразу, почти бегом, вернулся обратно. Нашёл свою канаву и начал ползать по ней на четвереньках в поисках кошелёка. Но всё было тщетно. Кошелёк не было. Либо его засыпало землёй, либо кто-то уже успел его найти и унести. Так мы все остались без продуктовых карточек.

Сашка рыдал, а я его утешала и говорила, что ничего страшного не произошло. Он мне не верил, но я утверждала, что утром докажу. Это я на

хотя бы запасы дедушки Кондрата надеялась. Да и фиг с ними, с карточками. Всё равно купить что-то по ним сейчас более чем малость трудно. А у дедушки дома и так запасы могучие. Без всяких карточек и даже бесплатно.

Сегодня утром мы с Сашей в школу не пошли. Ничего страшного. Нас специально учительница предупредила, что в школу ходим по возможности. Она на нашу совесть надеется. И проверять посещаемость она не станет. Если кому-то нужно родителям помочь или там в очереди постоять — пусть это и делают. Специально подчеркнула, что в школу теперь ходим не каждый день, а именно «по возможности».

И мы сегодня с Сашей с утра поехали к моему дедушке. За едой. Взять круп, консервов, сахара. Если есть, то и конфет. Вовка конфеты любит, да и я тоже.

Приехали. Прошли к дедушке на его первый этаж. Не заперто. Заходим. Дедушка тут. И баба Таня тут. Оба грустные. А что случилось-то?

Случилось же то, что на дедушку кто-то донёс. Раскулачили его. Пока он вчера ставил нам печку и закупал дрова, приходили люди из НКВД и продукты его вынесли. Ну, не вынесли, а выкупили. Принудительно. Что в наших условиях почти одно и то же.

Собственно, я и раньше знала, что такое бывает. Ребята, которые на картошку ездили, рассказывали, что вышел указ всем сельским жителям в обязательном порядке сдать государству всю сельскохозяйственную продукцию, оставив себе самый минимум. Так, картошки можно было оставить только двенадцать килограмм на человека. На всю зиму. А кто пытался утаивать продукты, считался саботажником. И, по законам военного времени...

Вот и у дедушки Кондрата тоже изъяли излишки. Нет, не изъяли. Выкупили. Даже 20 % сверх цены мирного времени добавили. То есть он что-то и заработал на этом. В деньгах. Но кому сейчас деньги нужны? Что купишь на них? Вот, мы с Сашкой в трамвае едем. Проезд бесплатный. Для всех, не только для детей. Вообще кондуктора нет. Наверное, в войну держать человека на такой бесполезной должности посчитали нецелесообразным. Кому сейчас нужны эти копейки за проезд? Жалкий пятиалтынный. Что купишь на него?

Наверное, так правильнее. Конечно, несправедливо будет, если один человек будет жрать от пуза, а тысячи других в это время помирать с голоду. Да, город распорядится этими запасами более эффективно, чем это сделал бы сам дедушка Кондрат. Но, чёрт возьми, что я сама-то кушать теперь стану, а? Дедушка с бабушкой мне лишь полкило пшена выделить

смогли и одну банку тушёнки. У них и так почти ничего не осталось. Ещё они мне четыреста рублей дали, это больше, чем мама и папа зарабатывают в месяц вдвоём, но... Кому сейчас нужны просто деньги? Цветные бумажки.

А Саше наверняка ещё сложнее, чем мне. Вон он, какой грустный сидит рядом. У Кругловых с едой хуже, чем у нас. До ноября, конечно, как-нибудь дотянем, а дальше... Если в ноябре не начнут регулярно распределять крупу, мясо и овощи хотя бы по действующим нормам, то я даже не знаю, что и будет.

Только вот есть одна тонкость. Я же понимаю, что сейчас большую часть продовольствия в Ленинград завозят по Ладоге, водным путём. Да плюс ещё довоенные запасы не все подъели. Да что-то мы тут ещё успели собрать на полях внутри кольца фашистов. Но в ноябре-то Ладожское озеро замерзает! Не будет водного пути. Снабжать город по воздуху? Не смешно.

И тут я вдруг отчётливо поняла, что очень даже легко могу не дожить и до Нового Года. И не только я. И мама, и папа, и Сашка, и Валька и девчонки из моего класса и вообще весь город! Если в ближайшие две недели фашистов не удастся отбросить от Ленинграда, то нам всем просто будет нечего кушать. Совсем-совсем нечего.

Война. Сначала она пришла в мою страну. Потом в мой любимый город. А теперь уже даже и в мою комнату и даже в мою постель.

Страшно...

Глава 13

Чёрт! Опять дождь пошёл. Да открывайся же ты, зараза! И так опоздала уже в школу, а тут ещё приходится с зонтом возиться.

Наконец, с зонтом я справилась. Делать мне это приходится почти что одной рукой. Второй рукой я нежно поддерживаю свёрток. Хлеб. Там у меня хлеб. Я его в чистую тряпочку оборачиваю, чтобы он ни в коем случае не намок под дождём и не испачкался. Да ещё и много сегодня — целых шесть паек! Обычно я за хлебом вдвоём с Вовкой хожу, но сегодня решила оставить того дома. Холодно сегодня. Дождь, ветер. Простудится ещё. Я ведь могу и по Кругловским карточкам получить, мне не трудно.

Быстрым шагом под дождём дошла до дома, поднялась в квартиру и занесла в нашу комнату хлеб. Что-то очередь за ним сегодня была особенно длинной. Я больше часа стояла, даже в школу опоздала из-за этого. Скорее, схватить портфель и бегом в школу! Может, хоть ко второму уроку успею.

Мне за двоих теперь учиться приходится. За себя и за Сашку. Поэтому я всё слушаю очень внимательно, чтобы Сашке вечером могла пересказать. Он вот уже целую неделю в школу не ходит. Я у него вместо школы. И при этом Сашка ещё ухитряется весьма неплохо учиться. Во вторник в школе диктант был. Я пятёрку получила. А вечером диктовала тот же текст Сашке, чтобы утром отнести его учительнице на проверку. Сашка молодец, всего одна ошибка. Ему четвёрку поставили.

Позавчера же была контрольная по математике. У меня четыре. А Сашка пять получил. Я ему принесла задание, завела на 45 минут будильник (как будто урок), и он решал при свете нашей коптилки контрольную, сидя за моим столом. Только ему 45 минут не потребовалось, он за полчаса всё сделал. Всё-таки, Сашка умный.

Нет, он не заболел. Саша еду добывает. Он охотится. В самом буквальном смысле этого слова, охотится. Саша голубей ловит. За эту неделю поймал уже двенадцать голубей и четырёх воробьёв. Если мяса нет в магазинах, приходится добывать его хоть так. Вот и не ходит Саша в школу. Некогда ему. Школа ведь работает только в светлое время суток, освещения-то нет. И охотиться можно лишь при свете, в темноте много не наловишь.

Голубей Саша ловит с помощью наживки из пшена и верёвочной петли, а воробьёв — Вовкиным детским сачком для бабочек, которому он сильно удлинит ручку.

Этим вот, да ещё хлебом и питаются все трое Кругловых. Больше у них ничего не осталось. А, нет, Саша говорит, что ещё сахара немного есть, а больше ничего. Хорошо хоть соль пока без ограничений продают. Конечно, голубь — это не курица. Там и есть-то нечего. Пока он в перьях, так кажется, что толстенький. А как ощиплешь — смотреть не на что. Воробьи же — это вообще недоразумение. Всех четверых пойманных воробьёв съел Вовка. Их сварили в самой малюсенькой кастрюльке, какая только была, и он их съел. Прямо вместе с костями. А потом и бульон воробьиный выпил. Говорит, что вкусно.

А голуби тоже на вкус так ничего, съедобно. Саша и с нами делился. Четырёх голубей нам отдал. Я попробовала. Жалко только, что они такие мелкие. Вот были бы они хотя бы как курицы... а ещё лучше, как индюки... Эх, мечты-мечты.

С едой вовсе плохо стало. Кушать хочу всё время. Не так, чтобы совсем уж сильно, но досыта я уж, наверное, неделю не ела. Сейчас я бы уж и от перловки не отказалась. Скушала бы. Жалко только, что никто не предлагает.

Неожиданно я вспомнила свой последний день рождения. Это была пятница, 9 мая 1941 года. Мне тогда 11 лет исполнилось. Я пришла в гости к бабушке, мне подарили книгу Жюль Верна «Таинственный остров» и мы пили чай с пирогом, который испекла баба Таня, и вообще всё было очень здорово. Столько еды на столе! Ох, как бы я сейчас хотела попасть за тот праздничный стол!

А теперь плохо с едой. Завтра воскресенье. Мама сказала, что раз у неё завтра выходной, то мы с ней поедem собирать капусту. Я не поняла, что за капусту мама имела в виду, и та объяснила мне.

Оказывается, капусту на колхозных полях давно всю собрали. Но! Когда капустный кочан отрезают, оставшаяся в земле часть всё равно продолжает расти. И немного вырастает. Там чуть-чуть совсем, кочерыжка и пара листиков. Вовсе на капусту не похоже. Но это больше, чем совсем ничего. И эти листики и кусочек кочерыжки тоже можно кушать.

Всё хорошо, но! Дело в том, что поле с этой недокапустой находится прямо перед немцами. Самая лучшая недокапуста растёт вообще на нейтральной полосе. Между нашими и фашистами. Которые, конечно, пытаются не позволить собирать её. В общем, сбор капусты сейчас — это смертельно опасное занятие. Мама ни за что не пустила бы меня туда, если бы у нас было что кушать. Эта недокапуста — наше спасение. У нас совсем мало еды осталось.

Сашка, узнав про подготовку к рейду за капустой, тоже навязался идти

с нами. Да и Вовка хотел, но Саша его не пустил. Он слишком уж мелкий. Так мы втроём — я, мама и Саша готовимся к походу. Мне Сашка свой старый зелёный плащ обещал дать. А то я в своём жёлтом плаще слишком уж заметна буду. А так больше шансов, что фашисты меня не разглядят. Готовы. Утром выступаем. Нужно встать пораньше. Мама разбудить меня обещала.

Только вот будить не потребовалось. Ночью несколько раз была воздушная тревога, выли сирены, но я не вставала. Привыкла уже. А вот утром проснулась в половине шестого утра. От холода проснулась. Замёрзла я. Ноги у меня замёрзли. У нас отопление выключили...

Глава 14

...Голова болит. И подташнивает слегка. Я лежу в своей кровати. Поверх одеяла накрыта моим красным пальто. В комнате темно. На окнах светомаскировка. Чуть горит коптилка. Вовка сидит около открытой буржуйки, и суёт в неё мелкие щепочки. Как-то мне нехорошо. Тошнит.

А что Вовка в нашей комнате делает? Я тут сплю, а рядом Вовка. А где все? Где папа и мама?

Мама!! НЕТ!!!

ИЫЫЫ...

Я всё вспомнила. Мама!!!

Они... Они... ИЫЫЫ...

Суки. Суки блядские. Они её убили. Маму. Мою мамочку милую!!

Слёзы. Опять.

— Проснулась? — вякает от печки Вовка.

— ИЫЫЫ...

— Лен?

— Мама. Они...

— Я знаю. Санька рассказал мне. Лена, мне очень-очень жаль. Чем помочь тебе?

— Ничем. Как ты тут поможешь?

— Ну, хочешь, стукни меня. Или за уши оттащай. Я не убегу, честно. Помнишь, у тебя в прошлом году колесо у велосипеда прохудилось? Это я сделал. Гвоздём. Ты как, за уши меня будешь или за волосы? Как тебе удобнее?

— Дурак ты, Вовка. Колесо. У меня маму убили. А ты с колесом. Глупый ты ещё.

— Ну, извини. Я помочь хотел.

— А где все? — сажусь я на кровати и оглядываю себя. На мне трусы и майка. Я так вообще никогда спать не ложусь. Всегда ночную рубашку надеваю. Сунув руку под подушку убедилась, что моя рубашка, как всегда, там и лежит. А почему я сплю в таком виде?

— Моя мама на работе. Хоть и воскресенье, а там что-то срочное. А Сашка к твоему папе побежал в мастерскую. Рассказать. Лена, не плачь!!

— Ых. Не буду. Давно побежал?

— Часа три уже. Может, они поехали тело забрать? Похоронить по-человечески. Лена!!

— Ничего. Нормально. Всё нормально, Вов. Я постараюсь держать себя в руках.

— Хорошо. Ты, не плачь, Лен. Мы поможем. Смотри, яблоко какое. Это тебе.

— Ух, ты! Какое красивое. И как пахнет!

— Кушай, я помыл его уже.

— Откуда такое?

— Санька сказал, в трамвае дяденька один дал. Когда узнал, что случилось у тебя.

— Ну, спасибо. Дяденьке. И Сашке тоже. Вов, а почему я в таком виде сплю?

— А в каком ещё надо?

— В ночной рубашке. Что было вообще? Я не помню ничего.

— За голову потрогай себя.

— Ой!!

— Во-во. Правда, не помнишь.

— А где волосы мои?

— Санька отрезал. Извини, Лен, у тебя коса вся от крови слиплась. Как бы мы отмывали её? Вот Санька и отрезал. Сказал, если что, пусть она потом меня за уши оттаскает. И отрезал.

— Ну... Ну, ладно. А ещё что было?

— Лен, ты совсем никакая пришла. Не, не пришла. Санька приволок тебя. На самом деле, ты висела на нём мешком. Он просто принёс тебя на шее.

— Правда, что ли?

— Угу. Вся в кровище. Волосы, плащ, платье, руки, лицо. Всё в крови. Мы с Санькой отмывали тебя на кухне. А ты ещё и говорить не могла. Только мычала и выла. Страшно, Лен. Ты прям как зверь была.

— А потом что?

— Санька чаем пытался поить тебя, но ты не пила. Выла и кусала чашку. Тогда он налил горячий чай, а в чай плеснул водку. Вон, из серванта. Мы с ним влили это в тебя, и ты заснула.

— А кто раздевал меня и укладывал?

— Санька. Лен, ну где бы мы девчонку стали искать? Санька раздевал тебя. Больше не было никого. Твоё платье в ванной в тазу. Может, его ещё отстирать можно.

— Ох. Ну, спасибо вам, мальчики...

Я всё вспомнила. Фашисты маму убили. Мы просто пришли собирать кочерыжки от капусты. Собирать кочерыжки. И они стали по нам стрелять.

За то, что мы собираем кочерыжки. Когда обстрел начался, я помню, мама толкнула меня на землю, а сама легла надо мной, придавив меня своим телом. А потом случился толчок, и на меня полилось что-то тёплое и липкое.

Не сразу поняла я, что это была мамина кровь. Мама меня защитила своим телом. Но сама она... Мамочка.

Маму убили.

Что дальше было, плохо помню. Вроде, Сашка ползком вытаскивал меня с капустного поля, не позволяя встать. Потом мы ехали в трамвае. Какие-то люди. Что-то говорили. Я ничего не могла понять. Сидела, крепко обняв Сашку, и плакала ему в шею. Почему-то от него пахло ромашками. Это запомнила. Наверное, мыло такое.

— Вов, ещё что Сашка рассказывал? Что было-то?

— Да ничего особенного. Вот, разве что...

— Что?

— Да, ерунда.

— Говори, Вов, раз уж начал.

— Санька сказал, ругалась ты страшно в трамвае.

— Ругалась?

— Угу. Он говорил, ты как плакать переставала, так начинала ругаться. Очень грубо. Так, что Санька даже не всё и понимал. Он и не знал, что ты, оказывается, так ругаться умеешь.

— Вов, ругаться я не люблю. И мне не нравится, когда кто-то рядом ругается. Но это не значит, что сама я не умею этого делать. Умею. Но не хочу.

— А где научилась-то?

— Вовочка, у тебя ведь тоже есть старший брат. Догадайся. А у меня старших братьев не один, а двое. Ты, улавливаешь мысль?

— Угу.

— Мишка вообще на флоте служит. По-моему, они там на этой своей подводной лодке матом даже не ругаются, а разговаривают. Помнишь, он в феврале в отпуск приезжал?

— Угу, помню, — Вовка потрогал себя за ухо. — Он тогда поймал меня, когда я пытался тебе карманы пальто рыбьим жиром измазать.

— Вот. А когда Мишка думал, что я не слышу его, то в выражениях он не стеснялся. Так и нахваталась.

— Понятно. А меня научишь?

— Чего?! Хотя... Научить...

— Научишь?

— Научу. Но не ругаться. Этому не нужно учиться. Вов, давай я тебя лучше буду как в школе учить. Тебе ведь учебники дали за первый класс?

— Дали.

— Вот. Давай я учить тебя стану.

— Фигушки. Я не игрушка тебе, учить меня. Сама-то не учишься, а меня учить, да?

— Хм. Ты прав, Вов. Мне тоже учиться нужно. Давай вместе будем учиться, а?

— Не, не хочу.

— Дурак! Фашисты пришли. Они не хотят, чтобы советские дети учились. Они хотят, чтобы мы как бараны были и совсем ничего не знали. А мы вот назло фашистам всё выучим! Мне мама говорила, что на их заводе полторы нормы мирного времени дают, хотя больше половины опытных рабочих на фронт ушло. Полторы! А мы? А мы учиться станем так, как в мирное время и не учились, Вов. Мы всё выучим. Для нас с тобой сейчас карандаш — это как для бойца винтовка. Мы всё выучим, чтобы вонючий Гитлер от злости лопнул!

— Ну... ну, если так, то, конечно. Чтобы Гитлер. Лопнул. А ты тоже будешь учиться или только меня учить?

— Буду. Конечно, буду, Вов. Я же школу не окончила, мне много что ещё выучить нужно. Хуже всего у меня с математикой. Потому, с неё и начну. Эти суки убили мою мамочку. Так я обещаю, что за это решу все задачи из нашего задачника. Все-все. Не те, что задают нам, а вообще все, сколько есть их там. Даже которые со звёздочками — тоже решу! Назло фашистам! И тебе помогу, Вов. Не нужно тебе целый год терять. В следующем сентябре во второй класс пойдёшь. Пусть у нас нет света и отопления, всё равно мы будем учиться! Давай, неси свои учебники. Мы с тобой атакуем фашистов здесь, с карандашами в руках!..

Глава 15

Холодно. Буржуйка остыла давно, и стало опять холодно. Всё-таки буржуйка — это совсем не то, что настоящая печь. Она быстро нагревается, чуть ли не докрасна, а потом ещё быстрее остывает. Пока огонь в ней горит — вроде тепло. А как погаснет — мы опять мёрзнем.

Особенно Вовка сильно мёрзнет. Он маленький. Вон, накрылся так, что только носик торчит из-под кучи одеял. Я это в свете стоящей на буржуйке коптилки разглядела. Сашка, что ли, коптилку зажёл?

Где он сам-то? В кровати нету его. Но пальто Сашкино здесь, в ногах у Вовки. Значит, где-то по дому ходит. На улицу бы он без пальто не пошёл. Вставать? Не хочется. В постели тепло, страшно из-под одеял на холод выбираться. Повалюсь ещё чуть-чуть. Тем более, занятий нет сегодня в школе по причине праздника.

Но в школу мы всё равно пойдём обязательно. Все втроём пойдём. Сегодня же 7 ноября, праздник! Будет линейка, а потом нас обещали даже покормить обедом! Причём, без выреза из карточек! Интересно, что нам на обед дадут в школе? Хорошо бы кашу.

Кушать хочу. Я теперь всё время кушать хочу. Но у нас нет ничего. В доме осталось лишь шесть кусков сахара и одна картофелина, что тётя Шура привезла вчера. И всё. Вообще ничего съедобного нет. Кроме хлеба, конечно. Свои двести грамм мы исправно получаем каждый день. Но этого же мало! Ноябрьские продуктовые карточки мы получили. Непонятно только, зачем они нам. Может, где-то в городе по этим бумажкам и дают что, но мне такие места неизвестны.

Нужно бы к дедушке Кондрату съездить. Может, у них с бабой Таней есть что покушать? Но стыдно как-то. Они ведь последнее мне отдадут, а сами ни с чем останутся. А они старенькие. Им хорошо питаться нужно. Нет, не поеду. Тем более, в школе обед сегодня будет! Кушать хочу.

Голуби тоже как-то закончились все. Саша снова в школу стал ходить. Всё равно нет голубей. Он не один такой умный, ловить их. Там и без него охотников хватало. Переловили всех голубей. Воробьи ещё попадают, но их и ловить сложнее и толку с них чуть. Там есть нечего.

Вовка завозился в своей постели, высунул мордочку и посмотрел на меня. Наверное, тоже вылезать из-под одеял не желает, как и я.

Кругловы теперь с нами живут, в нашей комнате. К нам переехали. У них ведь и стекло разбито в окне и буржуйки нет. А у нас и стёкла целы, и

какая-никакая, а печь. Всё лучше, чем совсем ничего. На улице уже снег ведь выпал! Да и нам с папой теплее. Комната у нас просторная, для двоих места в ней слишком много.

Мамочка милая, ну...

Нет! Не буду плакать сейчас. Не добьются, фашисты проклятые. Сейчас я встану, сейчас.

Папы дома нет. Да, он же в мастерскую собирался с утра, точно. Папе ещё тяжелее, чем нам. Он ведь взрослый, ему больше еды нужно. А получает он хлеба, как и мы, по двести грамм в день. И даже ещё пытается хитрить и от своей пайки мне чуть отрезать. Когда думает, что я не вижу.

А тётя Шура, мама Кругловых, как раз есть дома. Слышу, возится за шкафами. Кругловы притащили из своей комнаты кровать, на которой теперь тётя Шура спит, если дома ночует. Эта кровать сейчас стоит на том месте, где раньше Лёнькина кровать стояла. А саму Лёнькину кровать мы передвинули поближе к буржуйке. И мою тоже передвинули. Так вот мы и спим — я на своей кровати, а мальчишки вдвоём рядом на Лёнькиной. Между кроватей же буржуйка стоит. По-моему, за последние несколько недель у меня поголовье братьев удвоилось. Кто бы мог подумать, что вредные Кругловы вдруг мне братьями станут? Зато я теперь не самая младшая. Со мной ведь всё время нянчились, помогали во всём. Конечно, младший ребёнок в семье. А теперь самый младший — Вовка. Старшей сестрой я не была ещё. Интересно, как это?

Сашка же старше меня почти на полгода. Я девятого мая родилась, а у Сашки день рождения двадцатого ноября. Я знаю, хотя меня он ни разу не приглашал. И не поздравляла я его никогда раньше. Теперь же вот придётся. Брат, всё-таки.

Чёрт! Подарок! Меньше двух недель ведь осталось! Что ему подарить? Что?! Сейчас ценным подарком лишь еда считается. Или дрова. Но где я еду-то возьму? Была бы у меня еда лишняя, давно бы и так поделили, не дожидаясь двадцатого числа. А дарить сейчас книгу... не, не то. Да Сашка и так любую мою книгу взять может, вон они, на полке стоят. Тем более, у Кругловых книг заметно больше, чем у нас. Мои родители не очень читать любили до войны. Мишка да, тот много читал. Но он в две библиотеки записан был. Даже в три, если школьную считать. Там книги и добывал.

Дров же на подарок найти ещё труднее. Ну, нет их нигде! Остаётся лишь какие-то ненужные деревянные строения или заборы разбирать. Иначе придётся топить мебелью. Плохо. Дров уже совсем мало осталось у нас. Как-то они расходуются быстро. А ведь зима-то ещё и не наступила! Чем топить станем, когда настоящие холода начнутся — не представляю.

Хорошо бы, зима потеплее была бы в этом году. Я терпеть не могу слякоть и грязь на улице. Всегда радовалась, когда снег осеннюю грязь скрывал. А вот теперь мне наоборот хочется, чтобы подольше была грязь и дождь. И было не так холодно.

Кровать за шкафами сильно заскрипела пружинами. Наверное, тётя Шура встаёт. Вообще-то она далеко не каждый день домой возвращается. Она на швейной фабрике работает, а ей туда добираться и далеко и неудобно. На двух трамваях, с пересадкой. Поэтому она и ночует чаще на фабрике, чем дома. Да и с едой у них там лучше. Она вчера приехала — привезла плавленый сырок и одну картофелину. Им на фабрике к празднику выдали. Сырок мы с братьями поделили на четыре части. Папе ещё дали, хоть он и упирался. Он тоже кушать хочет. А картофелину пока оставили. Может, вечером сварим суп из неё?

Всё, пора вставать. Нужно умыться ледяной водой (хорошо хоть, воду не выключили в доме, работает водопровод), поднять и умыть Вовку, причесать его и себя (Сашка сам причешется), а потом собираться в школу. В десять часов там начало линейки. А затем обед!!

Но только хотела встать, как в комнату вихрем влетел Сашка. Он почти по-уличному одет. Тёплые носки, брюки, толстый свитер. Конечно, холодрыга такая в квартире стоит. Сашка бегом подбежал к моей кровати, вскочил на неё, едва мне ноги не отдавив, встал и потянулся рукой к чёрному репродуктору. Тот на стене, над моей кроватью висит. Включил, а оттуда...

...Говорят все радиостанции Советского Союза. Центральная радиостанция Москвы начинает передачу с Красной площади парада частей Красной Армии, посвященного 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...

Глава 16

Киса. Хорошая. Мягкая такая. Тёпленькая. Лежит у меня на коленях и тихо мурлычет. Я глажу её. Жалко кису. Она красивая. Шёрстка беленькая, а правая передняя лапка чёрная. Но...

По радио только что передали её приговор. С завтрашнего дня, с тринадцатого ноября, хлебную норму снижают. Опять. Казалось бы, куда уж меньше-то? А её снижают! Нам с папой по 150 граммов хлеба полагается теперь. Сто пятьдесят граммов! Триста граммов на двоих! Да что там есть-то, в этих трёхстах граммах?! Я и так всё время кушать хочу, а тут ещё меньше хлебушка будет.

По сахару и жирам норму тоже снизили с начала ноября. Но это не так заметно. Их всё равно не было, сахара и жиров. Даже у кого и были карточки, те всё равно не могли отоварить их. Наверное, где-то кто-то и получал что-то. Но у меня таких знакомых нет. Все, с кем бы я ни говорила, в один голос утверждали, что достать что-то помимо хлеба практически невозможно. Если только у спекулянтов. За золото или какие ценные вещи выменять еду можно. Но по совершенно грабительским ценам. Про деньги лучше и не вспоминать. За буханку хлеба триста рублей просят. Триста рублей за буханку хлеба! Сволочи.

Жалко кису. Я хотела её Белянкой назвать. Но... Теперь уж не буду. Она худая вся. Тоже кушать, наверное, хочет. А кушать нечего у нас. Это Саша кису поймал. Он на воробьёв охотился, а тут киса. Она тоже охотилась на воробьёв. Кушать хотела. Не поняла, глупая, что и она тоже теперь дичь. Вот Саша и поймал её.

Со мной Вовка. Против нас мой папа, Сашина мама и сам Саша. Они скушать кису хотят. А нам с Вовкой жалко её. Но... раз опять норму по хлебу снизили, значит киса обречена.

Тётя Шура обещала всё сделать быстро и не больно. Саша взял кису у меня из рук, тётя Шура достала большой нож и тазик. Наверное, для крови.

Не могу смотреть на такое. Попросила подождать десять минут, оделась, и вышла на улицу. Сегодня или никогда! Они кису убьют и сварят. Значит, сегодня будет мясо. То есть, не один лишь хлеб на ужин. Надо решаться! А то завтра, наверное, не смогу.

Я вот уже неделю по чуть-чуть откладываю со своей ежедневной пайки. За это время смогла скопить целую пайку и ещё чуть-чуть. Вот эту-то свежую сегодняшнюю пайку я и хочу отдать. С завтрашнего дня хлеба

будет ещё меньше. Тогда отдать его будет много сложнее. Тем более, у нас сегодня будет на ужин кошка. Потерплю, как-нибудь, один день. Завтра в школе пообедаю.

Да, в школе нас теперь каждый день кормят. Супом. Если это можно так назвать. На самом деле суп сейчас в школе — это едва тёплая подсолённая вода с плавающими в ней отрубями. И ещё дают сто грамм соевого молока или кефира. Суп мы с Сашей съедаем в столовой, а молоко или кефир всегда сливаем в баночку и приносим домой Вовке. Вовка в школу не ходит.

Обидно. Первые и вторые классы не учатся. Соответственно, и обед им не полагается. А Вовка, что-то сдавать стал. По утрам с трудом из постели поднимается. И мы тоже в школу больше обедать ходим, чем учиться. Холодно там. Ну, невозможно долго сидеть, даже в одежде. У нас три или четыре урока по пятнадцать минут бывает, затем обед, и распускают нас. Да и на этих крошечных уроках учителя всего лишь задания раздают и объясняют что-то непонятное. И спрашивать о том, что непонятно, нужно конкретно. Учительница математики сказала, что для того, чтобы правильно задать вопрос, нужно больше половины ответа знать. И отговорки типа «я не понимаю», больше не принимаются. Сейчас война! Что ты не понимаешь, конкретно говори. Какое именно место непонятно? Покажи своё решение задачи и тебе покажут твою ошибку. Вот, так нас учат теперь.

Эх, жалко, что трамвай встал. Не ходит больше трамвай наш. Вроде бы, по центральным улицам ещё трамваи ходят. А на нашей улице движение прекращено. Приходится пешком тащиться. Две остановки. А потом ещё две.

Темнеет. Скоро вечер уже, сейчас рано темнеет. Тьфу ты, сволочи. Опять воздушную тревогу объявили. Как же они надоели, тревоги эти! Сашка, кстати, теперь тоже у нас на чердаке иногда дежурит. Зажигалки-то тушить нужно кому-то. А народу в подъезде мало осталось. Ну, тех, кто в состоянии вообще это делать. Мой папа, например, не может. Тётя Шура часто не ночует дома. Вовка мелкий. Да и в других квартирах похожая история. Кто в силах — тот воюет или работает. Девушек из МПВО на все дома не хватает. Остаются школьники лет десяти-четырнадцати. Вот на них-то теперь почти все дежурства и падают. Сашка с Валькой обычно дежурит, вдвоём. Одному тяжело, можно не успеть потушить зажигалку.

Задумалась я, а тут тётка какая-то ко мне подскочила и куда-то тянет.

Чего? Что Вам нужно от меня? Куда? Ну, нафиг. Не хочу. Некогда мне. И что, первый раз, что ли, налёт? Я их уже десятки пережила. Да плевать,

что опасно. Некогда мне! Спешу я. Ну, не хватайте меня за рукав! Пустите! Ай!!

Тьфу, пропасть! Ненормальная какая-то. Первый раз, что ли, в патруле? Схватила меня посреди улицы, да в бомбоубежище запихала ближайшее. А я уж больше месяца не была в них. Да тут, в подвале этом, ещё, может, и опаснее, чем на улице! Бомба в дом над нами попадёт — нас и засыплет. Лучше уж сразу тогда под бомбу, чем потом неделю в этом подвале помирать. Конечно, есть шанс, что отроют. Иногда засыпанные бомбоубежища откапывают. А иногда — нет.

Бух!! Ой, что-то совсем рядом где-то рванула фугаска. Чувствую, как качается дом над нами. Но нет, устоял дом. Вроде, пока рушиться не собирается.

Опять вспомнила тот страшный случай с попаданием в дом бомбы. Это в октябре было, ещё до того, как Сашка карточки потерял. Мы с ним тогда решили сходить к Неве и посмотреть на корабли нашего Балтийского флота. Интересно же. Когда ещё крупные боевые корабли увидим своими глазами?

Кораблей мы, правда, толком не разглядели. Что-то там такое стояло под масксетями, но видно плохо было. Мы так и не поняли, видели мы крейсер «Киров» или то была ложная цель для фашистских лётчиков, а настоящий «Киров» совсем в другом месте стоит. Тем более, милиционеры всех гоняли с набережной рядом с этой штукой, чем бы она там ни была, не позволяя подойти поближе.

Так вот, я, вообще-то, не о том. Мы когда обратно шли, тоже налёт фашистов случился. Переждали мы его в каком-то подъезде, да дальше и пошли. Прошли пару домов и заметили кучу народа, столпившуюся около развалин дома. Что там? Подошли поближе, а там...мамочки, что ж творится-то!

Фугаска в дом попала, наполовину разрушив его. От дома всего одна стена осталась стоять. А на четвёртом этаже уцелела половина комнаты. Просто кусок пола висит в воздухе, за эту последнюю стену непонятно как держится. Внизу под ним куча битого кирпича, а кусок пола держится как-то.

А на этом полу, около самой стены, двое мальчишек стоят. В тапочках, майках и домашних штанах. Младшему, наверное, года четыре. А старшему около шести. То есть, это я так думаю. Стоят молча и спокойно. Не режут, не дёргаются. За руки держатся. Хотя пол под ними в любой момент рухнуть может.

Люди же внизу не знают, что им делать. Как снимать их оттуда?

Притащили какие-то лестницы, связали три штуки, но это больше от отчаяния. Чтобы хоть что-то сделать. Приставить лестницы к стене боялся. Рухнет запросто. Да и коротко. Явно мало трёх лестниц.

И тут стоящий в толпе моряк в чёрной форме что-то крикнул, снял с плеча свой сидор, сунул его кому-то, да и полез вверх. Прямо по стене, без лестниц. Совсем молодой, даже моложе Мишки он был. Помню, как полз он, зажав в зубах ленточки от своей бескозырки.

Не знаю, как он там полз, за что цеплялся. Может, занимался раньше альпинизмом? Но залез. Как-то вскарабкался до четвёртого этажа. Мы с Сашкой внизу стояли, смотрели, чем это закончится.

Моряк же над полом голову выставил, да что-то мальчишкам сказал. И тот, что помладше, сразу, без криков, лёг на пол и пополз к моряку. Там как-то зацепился ему за шею, переполз на спину, да там и повис, вцепившись в моряка руками и ногами. А тот медленно, гораздо медленнее, чем поднимался, начал спускаться. Ниже, ниже... У мальчишки слетел с ноги и упал вниз правый тапочек. И вот они оба уже на земле.

Мальчишку от моряка отцепили и передали какой-то женщине, которая плакала и причитала всё это время внизу. А моряк полез обратно, за вторым.

Вверх, вверх. Вот он снова на четвёртом этаже. И уже старший мальчишка лёг на пол и пополз к моряку. А потом...

Может, старший тяжелее был. А может, он как-то своим весом этот пол и держал, не знаю. Словом, только он ползти начал, как...

Не выдержал пол. А за ним и вся стена вниз посыпалась. И внизу всё осело кучей балок и битого кирпича, подняв огромное облако пыли.

Мужчины молча потянули шапки с голов. Некоторые крестились. Сашка тоже картуз свой снял. А я плакала, как и многие другие. Ни у старшего мальчишки, ни у этого смелого моряка шансов уцелеть там не было никаких. Кто был этот моряк? С какого корабля? Не знаю. Название корабля на бескозырке прочитать я не успела. Надеюсь, его тело потом всё-таки выкопали и сообщили капитану, как он погиб. Чтобы хотя бы дезертиром не считался. Всё-таки одного мальчика он спас.

Наконец, дали отбой тревоги. Я вышла на улицу и огляделась. Уже совсем стемнело. Нужно спешить, а то скоро люди расходиться по домам начнут. И я быстро зашагала в сторону рынка, рядом с которым, я знала, была толкучка, и можно было выменять что-то из еды. Можно было и купить за деньги, но денег даже на маленький кусочек хлеба у меня бы не хватило. Всего сорок рублей и было-то в кошельке. За сорок рублей в Ленинграде сейчас можно купить неплохую двуспальную кровать. А вот

сто грамм хлеба — нельзя...

Глава 17

Вот он! Ммм... а как пахнет! Вкусный, наверное. Аккуратно оборачиваю его в чистый носовой платочек, а затем и в холщовую тряпочку. Прячу за пазуху и разворачиваюсь к дому. Ничего, что мне за него мою хлебную пайку сегодняшнюю отдать пришлось. Меня сегодня супом из кошки накормят. Зато теперь у меня есть подарок. Подарок Саше на день рождения!

Иду обратно домой. Периодически проверяю, на месте ли мой драгоценный свёрток. Не уронить бы! Мимо меня по трамвайным рельсам прогрохотал... эээ... бронепоезд, что ли? Никогда таких не видела. Но если это не маленький бронепоезд, то я не знаю, как эту штуку и назвать. Во всяком случае, башни у него были, пушки из них торчали, бронёй явно обшит. Значит — бронепоезд.

Да, бронепоезда я в Ленинграде ещё не видела. А вот танки на улицах встречала. И не всякую мелочь, а тяжёлые. Даже здоровенные КВ видела несколько раз. Их ведь у нас, на Кировском заводе делают. А переправить отсюда на Большую землю такого мамонтопотама наверняка непросто. Вот все новые КВ на Ленинградский фронт и поступают. То есть, это я так думаю. На самом деле не знаю, конечно. Ну, а куда их ещё девать? А может, это отремонтированные были. На Кировском ведь и ремонтируют их наверняка.

Я вспомнила недавний парад в Москве. По радио было слышно, как танки грохотали по Красной площади. Сколько их там было, я не знаю. Судя по звуку — не один десяток.

Вообще, парад на нас всех неизгладимое впечатление произвёл. В тот день только и разговоров было, что о параде. Мы же знаем, что фашисты изо всех сил рвутся к Москве. Думали, что там происходит примерно то же, что было под Ленинградом в конце августа. А нам тут в конце августа не до парадов было.

И тут бац — парад. Военный парад в Москве! Никто такого не ждал. А на линейке в школе наша председатель Совета дружины Ленка Голованова даже расплакалась, когда про парад говорила. Но никто над ней не смеялся. Это прямо как глоток воздуха был для Ленинграда. И в очереди за хлебом тоже парад обсуждали. Многие удивлялись. Общий настрой же был примерно таким: «Ну, мы им теперь дадим! Сейчас от Москвы прогонят фашистов, а к Новому Году и у нас блокаду снимут». Я тоже надеюсь на

это. Действительно, сколько терпеть можно? Скорее бы уж.

Ой, а что это там происходит? Проходя мимо арки, заметила в глубине двора какое-то мельтешение. Какие-то люди, кричат, что-то колупают. Парень лет шестнадцати выскочил из двора и начал оглядываться по сторонам с совершенно сумасшедшими глазами. Кого-то ищет. Но, видимо, не находит. Тут его взгляд на мне остановился.

— Девочка, — говорит он мне, — а ты тут неподалёку мальчишку примерно твоего возраста не видела?

— Не видела. А что за мальчишка? Как он выглядит?

— Да, не важно как. Мальчишка нам нужен. Мы пролезть не можем.

— Куда пролезть?

— В подвал. Слишком большие все.

— Зачем в него лезть? Через дверь нельзя пройти?

— Нельзя. Понимаешь, детсад там был. По тревоге они в подвал спустились. А тут бомба. Накрыло их. Засыпало. Дом старый был, ещё позапрошлого века. А у меня там брат, Бориска.

— Где брат?

— Да в подвале же! Говорю, они в подвале, а дом развалился!

— Так, раскапывать нужно.

— Боимся. Вдруг дальше рухнет? Да и некогда копать. Мальчишка нужен.

— А зачем?

— Ну, как не поймёшь ты?! Помочь вылезти. Они ж мелкие! Четыре-пять лет. Сами не соображают, да и боятся. Ревут только. Там темно ведь. И скорее. Похоже, водопровод прорвало, затопляет подвал!

— Да мальчишка-то зачем?

— Мы ход к ним проковыряли сбоку. Но узкий он. Не выходит шире. Сильно боимся ковырять. Нужно, чтобы кто-то пролез внутрь и помог им. Воспитательницу у них, похоже, убило. По крайней мере, взрослые снизу не отзываются.

— Дети? А много их там?

— Было около сорока. Сколько выжило, не знаем. Но несколько десятков точно. Блин. Мальчишку, срочно! Где, где мальчишку найти?!

— Слушай, а обязательно мальчишку? Я не подойду?..

...Ой, ну я и обсвинилась! Куда там Сашке, когда он по канавам лазил! Вот кто свинья — так это я. По-моему, мой замечательный лыжный костюм теперь придётся выбрасывать. Обе коленки порваны, правый локоть порван, правый чулок под штанами тоже порван, голая расцарапанная

коленка торчит на улицу. Весь костюм в штукатурке, побелке, кирпичной пыли и другом строительном мусоре. А рукава ещё и мокрые по локоть. А на улице-то как бы минус пять. Однако, не жарко.

Хорошо, пальто моё не пострадало. Ход в подвал проковыряли столь узкий, что даже я в пальто туда не пролезла бы. Пришлось снять и дать поддержать какому-то дяденьке. Заодно и свёрток свой драгоценный дала ему, чтобы тот не потерялся у меня. И шапку отдала.

И хорошо, что пальто сняла. Там тяжело было, не повернуться. Я даже вспотела. И порадовалась тому, что Саша мне волосы отрезал. С косой мне совсем неудобно было бы там ползать. Они ещё и мокрые все были, эти дети, которых мне Степанов передавал.

Вовремя я успела. Ещё бы минут десять, и... В подвале действительно прорвало водопровод. Некоторые дети прямо в воде барахтались, а остальные на лавках стояли по колено в воде. Даже если бы не захлебнулись, десяти минут в ледяной воде вполне достаточно. И так последних мне давали почти в бессознательном виде. Они замёрзли. Степанов тоже замёрз сильно. Но он старше, да и в воде не так долго находился. А так, когда он выполз на улицу и сказал, что живых там больше нет, и так у него штаны были насквозь мокрые до самого... эээ... словом, до верхней трети бедра.

Степанов — это мальчишка примерно с меня ростом. Пока Колька бегал на улицу, где смог найти меня, внутри двора нашёлся этот Степанов. Он залез в подвал и пытался помочь мелюзге вылезти. Но у него ничего не получалось. Они пугались и не лезли.

И вот тут подросла я. Спасали мы их так. Я просовывалась в лаз, Степанов подавал снизу очередного ребёнка, я хватала того за руки или за шиворот и кричала. После чего меня за ноги вытягивали на улицу. Ноги до щиколоток у меня вне лаза оставались. Последнего, точно так же, как репку из грядки, вытягивали самого Степанова. Его сложнее всего достать было, он тяжелее и толще других был. Чуть не застряли там с ним.

Пока я ползала, спросила, как зовут того, кто мне снизу помогает. Он отчего-то представился не по имени, а по фамилии. Ну, ему виднее. Хочет человек, чтобы его по фамилии называли — пусть. Может, он имени своего стесняется. Может, его Акакием называли или ещё как некрасиво или непонятно.

На третий или четвёртый заполз кто-то передал мне с собой электрический фонарик. Степанову, вообще-то, раньше уже один давали, но он уже давно успешно утопил его. С фонариком дело пошло веселее. Степанову я его больше не доверяла, чтобы опять не утопил. Чуть-чуть

света из лаза проникает в подвал — ну и хватит.

А вот страшно не было. Совсем не было. Наверное, некогда было бояться. Нужно было быстрее малышню вытаскивать оттуда, пока они в ледяной воде не околели.

Вытащили. Посмотрела на себя. Нда. Хрюша хрюшей.

Увидев мои затруднения, подскочил Колька и начал помогать мне отряхнуться и очиститься. Насколько это было возможно. А Бориску мы его спасли. Его уже унесли в дом греться и переодеваться.

Подошёл дядечка с моими пальто и шапкой. Помог надеть. А потом отдал мой свёрток с Сашиним подарком. Его я аккуратно за пазуху сунула. Ну, я пойду?

И тут Колька спросил меня, чем он может мне помочь? Н-да. Чем? Кушать я хочу. Но просить о таком сейчас... Не могу. Наверняка ему и самому не хватает еды. И я сказала, что ничем. Колька, кажется, понял меня. Вздыхнул, а затем его взгляд упал на разрушенное здание детского сада. Просветлев лицом, он спросил: «Девочка, а, может, тебе дрова нужны?»

Глупый вопрос. Конечно, нужны. А он говорит, бери, мол, сколько хочешь. Здание-то деревянное всё, только свершу оштукатурено. Дров много.

Хм. Что ж, спасибо. Много мне не унести, но у нас каждая щепочка на счету. Покопавшись, вытащила из кучи две сбитых друг с другом доски метра полтора длиной, взвалила их себе на плечо, попрощалась и пошла домой. Раз-два три-четыре буржуйку протопить как следует этих досок хватит.

Шагов пять прошла, как сзади слышу крик Кольки: «Погоди!». А потом он стал громко звать какого-то Вольку. Тот вскоре нарисовался. Примерно такого же возраста парень, как и Колька. Они быстро поговорили, и Колька сказал, что донести дрова он мне поможет. С Волькой.

Мальчишки с помощью лома и лопаты, которыми недавно лаз в подвал пробивали, выковыряли из кучи мусора бревно сантиметров двадцать в диаметре и длиной метра три. Взвалили его себе на плечи, и мы пошли. Впереди я с досками, а за мной следом мальчишки с бревном на плечах.

А как же удивились мои домашние, когда я вернулась вся грязная, как свинья, зато с досками. А следом за мной ещё и бревно втащили! Бревно пришлось затолкать под папину кровать, и всё равно оно торчало ещё оттуда до самого окна.

Прежде всего — умыться. И помыть руки. В таком виде я даже переодеваться не хочу. Быстро прошла в ванную и включила воду. Кран

сказал мне: «Пшшш» и из него вытекла одинокая капля воды. Как мило. Водопровод у нас тоже отключили. Причём весьма своевременно. А где мне теперь помыть руки?..

Глава 18

Это был очень грустный День Рождения. В школе Сашу тоже поздравляли весьма сдержанно. В качестве подарка ему налили полуторную порцию дрожжевого супа. Суп с отрубями нам давать перестали. Теперь дают пахнущий мылом дрожжевой суп, да и того-то совсем мало.

Соевое молоко тоже больше не дают. Сейчас мы с Сашей в баночку отливаем по четыре ложки супа из своих тарелок. Вовка совсем плох стал. Почти не встаёт с кровати. Только к стоящему в углу комнаты ведру, которое нам туалет заменяет. Канализация ведь одновременно с водопроводом отключилась.

Папа собирается в воскресенье сходить навестить дедушку Кондрата и бабу Таню. Как они там? И, хоть ему и стыдно, попросить у стариков немножко еды. Если есть. Потому что Вова тает прямо на глазах. Да и у Сашки что-то стали ноги опухать. Ему уже в валенки влезать неудобно.

И это очень опасно. Если Саша не сможет добраться до школы, то не будет получать суп. То есть, еды станет ещё меньше.

С сегодняшнего дня Сашу дежурить на чердак я больше не отпускаю. Но и не дежурить тоже нельзя. Фашистские гады не будут смотреть, опух там кто, ослаб или заболел. Всё равно могут прилететь. А этой ночью Сашина очередь. И если он не придёт, то Валька один может не справиться. Пожар же — это практически верная смерть. Пока приедут пожарники, будет уже поздно. Да и приедут ли — ещё неизвестно. Могут и не приехать. В городе намного более важные объекты есть, чем наш дом. И они тоже могут загореться.

Поэтому этой ночью по тревоге на чердак я полезу. Ни разу не была ещё на чердаке, но Сашка мне всё объяснил. Там просто. Главное — успеть.

Я как-то лучше Саши переношу голод. Наверное потому, что худая. Я и до войны, помню, ела немного. Сашка же на полголовы выше меня, да и в плечах заметно пошире. Вот он и сгорает быстрее. Девочки вообще как-то лучше голод выносят.

С начала этой недели наш класс с шестым объединили. Всё равно мы больше не учимся. В школу лишь за супом и ходим. Так в нашем объединённом 5–6 классе из тридцати двух человек мальчиков только восемь. Считая Сашку. Остальные уже и за супом не приходят.

И за водой на колонку я сегодня с утра ходила. А Саша ходил в булочную. Ему повезло. Очередь была короткая. Он за полчаса обернулся. А как я с водой вернулась — Саша уже дома был.

Когда я пришла с полным чайником, Вовка под кучей одеял лежал в постели, а Саша топором отковыривал щепочки от валявшегося на полу бревна. Ну, того самого, что мне Колька и Волька принесли. На столе же, на чистой тарелке лежала причина сегодняшнего уныния всего города. Хлеб.

Норму снизили снова.

Опять!!

С двадцатого ноября нам всем полагается по сто двадцать пять грамм. Сто двадцать пять грамм в день. На столе лежит сегодняшняя пайка. Кажется, что кусок хлеба довольно большой, но это не так. Он большой от того, что на самом деле там четыре пайки. Пятьсот грамм. Еда для меня, братьев и папы. Тётя Шура ночевать домой не приходит.

Но всё равно. Всё равно! Всё равно будет праздник!! Будет!!!

Фашисты не заставят нас отказаться от праздника.

Саша растопил печку, я поставила на неё чайник и принялась нарезать хлеб тонюсенькими ломтиками. Нарезав хлеб, я стала эти ломтики сушить на буржуйке, так они получаются вкуснее. А Саша отложил в сторонку папину пайку и отдал блюдце, на котором я резала хлеб, Вовке. Так у нас было заведено. Ведь как ни старайся, как ни точи нож, а всё равно на блюде остаются крошки. И эти крошки мы всегда Вовке отдавали. Он так смешно, по одной, подбирал их пальчиками и клал в рот! Прямо как воробушек.

Но ведь сегодня праздник! Я налила из чайника кипяток в большую кружку, а потом кинула в неё наш предпоследний кусок сахара. Размешала. Отлила из чашки себе, потом Сашке, а остаток отдала Вовке. На дне немного больше сахара, чем сверху.

Но это не всё! Позавчера Сашке чудом удалось купить двести грамм подсолнечного масла. Он просто так, по привычке, зашёл в гастроном посмотреть на пустые полки. И случилось чудо. Там была очередь. А раз очередь — значит и еда! Саша отстоял два часа, но зато домой вернулся невероятно довольный, с крошечной бутылочкой масла.

Мы уже пробовали капать масло на хлеб. Получается очень вкусно! Вот и сегодня тоже ради праздника я на каждый кусочек хлеба аккуратно капнула по две капли масла. И если хлеб сразу не глотать, а держать во рту и сосать, то вкус масла чувствуется, честное слово!

Буржуйка прогорела, но мы опять зажгли её. Ведь у нас День Рождения Саши! Вовка хотел встать из-за стола и опять залезть в постель.

Хотел лежать в постели и сосать там засушенный хлеб с маслом. Но я Вовку не отпустила. У меня ведь ещё есть подарок для Саши! Подарок, за который я двести граммов хлеба отдала. Дневную пайку. В тот раз я этого не понимала, а сейчас знаю, что тогда, в начале месяца, пайки у нас были очень большие. Просто огромные. Целых двести граммов!

Я порылась в куче тряпок в шкафу и вытащила оттуда заветный свёрток. Положила его на блюдце и поставила перед Сашей. Мои братья прямо ахнули от изумления, когда увидели его.

На белом блюдце лежал он. Пряник. Самый настоящий мятный пряник!..

Пряник, понятно, был очень чёрствый. Он зачерствел просто до каменного состояния. Думаю, испекли его ещё до войны. Но это неважно. Всё равно, это был настоящий, взаправдошный, пряник! Разгрызть его, конечно, было невозможно. Я положила этот пряник на деревянную разделочную доску, а затем очень осторожно, чтобы не потерять ни крошки, расколола его на части с помощью молотка и стамески.

Самый крупный осколок, чуть меньше четверти пряника, мы отложили для папы. Я опять налила нам всем кипятку, правда, уже без сахара, и мы пили его и сосали крошки пряника. Вкус совсем как до войны. Хотя до войны я бы, наверное, столь чёрствый пряник просто выбросила бы в помойку. Глупая была.

Тут без стука открылась дверь в нашу комнату. Ой. Про неё-то мы совсем забыли!

У нас в квартире шесть комнат. Наша, Кругловых, дяди Серёжи, Матвеевых и тётки Зои. Дядя Серёжа в армии, Матвеевы недавно эвакуировались со своим заводом, тётка Зоя работает и, как и тётка Шура, не появляется дома по нескольку дней. Но! Есть ещё и Старая Мымра. Как мы могли забыть про неё? Наверное потому, что она почти никогда ни с кем не разговаривает и даже не здоровается. Вообще она крайне редко из своей комнаты выходит.

А сейчас пришла к нам. Зачем? Разве звали мы её? Праздник только испортила.

Она пришла такая же, как и всегда, в своём неизменном глухом чёрном платье и с пучком седых волос на голове. Только сильно исхудавшая. Но всё равно идёт прямо, а голову несёт гордо. В руках у неё какие-то вещи.

Старая Мымра молча подошла к нашему столу и положила на него то, что принесла. В самом низу была большая книга. На ней — бархатная коробочка синего цвета. На коробочке лежал потёртый дамский кошелек. А

рядом — недоиспользованный остаток хлебной карточки за ноябрь и совершенно не использованные продуктовые и промтоварные карточки. Тоже за ноябрь. И кусочек хлеба. Сегодняшняя пайка. Вчерашние были больше по размеру.

Старая Мымра сухо бросила нам: «Подарок». Повернулась, и вышла из комнаты. Но прежде, чем закрыть за собой дверь, она остановилась, и сказала:

— Свою дверь я запирать не стану. Ко мне не входить три дня. Потом можете войти и взять что угодно. Я разрешаю. Золото не ищите. Золота у меня нет. Денег тоже нет.

Немного подумав, она криво усмехнулась и добавила:

— Держитесь, дети. В конце концов, вы тоже петербуржцы...

Глава 19

Гроб. Опять. Они везут на санках гроб. Мы с Сашей посторонились и дали пройти мимо женщине и мальчику, которые вдвоём тянули за собой гроб на санках. Это уже четвёртый гроб, что мы видим сегодня. А однажды видели, как на санках везли человеческое тело вовсе без гроба, просто обёрнутое в простыню.

Холодно. Мороз, ветер. И люди тянут на кладбище кого-то из своих близких. А я даже не знаю, где моя мама похоронена. В тот день, когда убили её, папа с Сашкой приехали на место убийства, но тела там уже не было. Его увезли куда-то. И никто не знал, куда. Наверное, на кладбище. Но на какое? Теперь уж и не найдёшь.

Проклятые фашисты. Ненавижу!

Суки.

Мы только собирали остатки капусты. И всё! А они за это убили мою маму!!

Хочется хоть чем-нибудь навредить фашистам. Устроить им хоть какую-нибудь пакость. Что угодно! Впрочем, такого не только мне хочется. Весь город живёт этим желанием.

Мы вот почему сегодня так далеко от дома с Сашей оказались? Помогали тёте Шуре, Сашиной маме. У них на швейной фабрике вчера отключили электричество. Отопления давно не было, а теперь вот и электричество выключили. Хотя на предприятиях его отключают в самую последнюю очередь. Электричество выключили и промышленные швейные машины встали.

Но желание вредить фашистам было таким сильным, что работницы фабрики решили разойтись по домам, а на следующий день вернуться и принести с собой свои личные, механические швейные машинки. Пусть нет электричества. А они всё равно будут шить вещи для фронта. Без света. Без тепла. Даже без еды. Всё равно! Назло фашистам!

Только машинка эта довольно-таки тяжёлая, пришлось мне с Сашкой идти её провожать до работы и тащить санки с машинкой. Одной тёте Шуре тяжело было бы. Она как-то неважно выглядит. Тоже недоедает, хоть и получает рабочий паёк. Только и рабочий-то паёк всего двести пятьдесят граммов. А она ещё и нам принесла с работы корочку и кусочек сахара. Мы не взяли, заставили её саму всё съесть вечером.

У нас же с едой получше стало. Во-первых, мне два раза подряд

удалось очень удачно отовариться в магазине. Во вторник я купила сто грамм яичного порошка, а позавчера — целых триста граммов соевых конфет! Повезло.

Во-вторых, у нас в школе очень интересный урок был. Даже, скорее, лекция. Её в актовом зале проводили. Вся школа собралась. Ну, кто вообще прийти был в силах. И лекцию читал не кто-то из учителей, а специальный лектор, который ради этого специально пришёл к нам. Оказывается, такие лекции во многих школах проводят.

Слушали мы все очень внимательно и даже записывали кое-что карандашами. Кто в чём записывал. У кого ещё оставались тетради — в них, у кого нет — на полях учебников или даже газет. Очень интересные вещи нам рассказывали. Это была лекция про еду.

Вернее, о заменителях еды. Что можно кушать из того, что в мирное время съедобным не считается. Как это следует готовить и как есть, чтобы не отравиться и не заболеть.

Оказывается, нас окружает масса съедобных предметов! А мы и не знали про это. Нет, я видела, что на толкучке люди продают столярный клей по десять рублей за плитку. Помню, удивилась ещё тогда, что кто-то вообще покупает его по такой безумной цене. Я же не знала, что его можно кушать! Его не как клей покупали, а как еду! Тогда понятно. За еду десять рублей — совсем не дорого. Скорее, дёшево. Впрочем, это две недели назад было. Наверное, сейчас за десять рублей уже нельзя купить.

Ещё кушать можно мучной обойный клей. Его вполне реально соскоблить с обоев, отодрав те от стены. Также съедобными являются корешки некоторых книг. Если их вымочить, повернуть через мясорубку, слепить котлетки и поджарить. Да, а жарить, оказывается, можно на олифе. Можно кушать кожаные вещи, если они сделаны из сыромятной кожи. Портфели, ботинки, ремни и прочее. Их следует долго-долго варить и тогда из них вываривается студень.

А жмых от производства растительного масла, который ещё называют «дуранда», ни в коем случае не следует кушать просто так. Можно заболеть и даже умереть. Он него бывают очень сильные запоры. Лучше всего его натереть на тёрке, а полученную муку сварить. Тогда он съедобен.

В день лекции мы с Сашей сразу после школы пошли к моему папе в мастерскую. У него там и олифа была и клей столярный. Клей он использовал как клей. Сам не знал, что он съедобный.

Вернувшись домой, сразу принялись готовить суп из клея. Только он очень долго готовится. Согласно инструкции от лектора, готовить такой суп нужно больше суток. Вернее, сутки плитка сухого клея должна размокать,

прежде чем из неё можно начинать варить суп. Вовка весь извёлся в ожидании обещанного супа. Постоянно рассказывал нам, какие вкусные супы умеет тётя Шура готовить.

Но когда на следующий день я после школы суп всё же сварила, Вовка попробовал его и сказал, что я готовлю ещё лучше, чем его мама и такого вкусного супа он за всю жизнь ещё не пробовал. Мне и самой понравился. Он был красивого янтарного цвета и густой, почти как сметана.

Папе тоже так понравился суп из столярного клея, что он притащил домой весь клей, что смог найти в своей мастерской. Говорит, у него какой-то заменитель есть. Он хуже, но на крайний случай сойдёт.

Папа тоже от супа повеселел. Ходит бодрее и почти не шаркает больной ногой. А завтра, в воскресенье 30 ноября, папа твёрдо намерен сходить к дедушке Кондрату и провести его. Как там у них дела? Вообще-то, папа ещё в прошлое воскресенье собирался, но не смог. Очень срочная работа была. Он то воскресенье не плакаты, а афиши рисовал. Как раньше. Оказывается, не все кинотеатры ещё закрыли. Есть и работающие.

А ещё знаете что? Папа и нам с Сашкой билеты в кино достал! Он ходил в кинотеатр сдавать нарисованные им афиши и вернулся оттуда с двумя билетами для нас. И в следующую пятницу, пятого декабря, я с Сашей иду в кино! И не просто кино, а документальное. Мы будем смотреть парад на Красной площади 7 ноября! Парад, который мы слушали по радио, а теперь и увидим в кинотеатре! Это именно для фильма о том параде папа и рисовал срочно афиши.

Холодно как, брр. Замёрзла я вся. Скорее бы уж домой. Буржуйку затопим, кипятка попьём. Как здорово! Ох, как же папа-то завтра пойдёт?! Через весь город, по такому морозу, да с больной ногой! Ой, как я не хочу отпускать его. Но что делать-то? Нужно ведь дедушку проводить!

Мы папе на всякий случай взять с собой приготовили сухариков из примерно двухсот граммов хлеба. И ещё он возьмёт три соевые конфеты и наш самый последний, ещё довоенный, кусочек сахара. Очень далеко идти. Бедный папочка.

Да, целых двести граммов хлеба папе засушили! Сильно помогают нам хлебные карточки, что подарила Старая Мым... Гхм! В смысле, Анна Сергеевна. Каждый день — лишняя пайка. Это невероятно много значит сейчас.

Я заходила к ней в комнату. Она лежит в своей кровати всё в том же чёрном платье. Стёкла в окне выбиты и заткнуты подушками и какими-то тряпками. Но всё равно, в комнате холод, как на улице. У Анны Сергеевны распущенные волосы примёрзли к подушке. И даже после смерти она не

потеряла гордой осанки и какой-то величественности. Мы решили, что пусть пока так и лежит. А когда станет возможно, обязательно похороним её по-человечески.

В кошельке, который она принесла нам, было чуть меньше семидесяти рублей. В синей коробочке — набор из шести очень красивых серебряных чайных ложек, с каким-то гербом на ручке. А вот большая книга оказалась не чем иным, как фотоальбомом.

Да, это был фотоальбом. И уже самая первая фотография поразила меня. Знаете, у меня прямо над кроватью из стены торчит какой-то уродливый железный крюк. Я всю жизнь гадала, что это за крюк и зачем он там нужен. И вот теперь этот самый крюк я ясно увидела на фотографии.

Это была фотография улыбающейся молоденькой девушки. Почти девочки. Лет четырнадцать-пятнадцать ей там было. У неё была длинная коса, она была одета в красивое белое платье до самого пола, а рядом с ней стояла наряженная новогодняя ёлка. И крюк тоже на фотографии был. На нём висела большая картина с изображением какого-то царского генерала или адмирала со множеством орденов и лентой через плечо.

Да, действительно, там был тот самый крюк. А это значит, что ёлка стоит на том самом месте, где стояла моя кровать до того, как мы её ближе к буржуйке передвинули. В уголке фотографии красивыми буквами было написано: «1887 г.». В девушке же на фотокарточке я без труда узнала Старую Мыру в молодости. В смысле, Анну Сергеевну.

Так вот оно что! Она, оказывается, жила в этой квартире и до революции! Она что, дворянка, что ли?

Мы с братьями стали листать этот альбом и рассматривать старинные карточки. В основном там были портреты. Какие-то совершенно незнакомые люди. Мужчины, женщины, дети. Вот Анна Сергеевна, под руку держит морского офицера в белых перчатках, погонах и с кортиком на боку. Малыш лет четырёх в матросском костюмчике держит Анну Сергеевну за руку. Надпись: «1901 г.». На заднем фоне большой колёсный пароход у пристани.

А вот тот же самый офицер, уже один, но на этот раз к уголку его фотокарточки приклеена узкая чёрная ленточка. Надпись на карточке: «1904 г.».

Чем ближе к концу альбома, тем чаще стали попадаться каточки с чёрными ленточками. Предпоследней была фотография молодого царского офицера с шашкой. У неё тоже была чёрная ленточка. Подписана карточка была 1916 годом. Присмотревшись, я узнала в офицере того самого карапуза, что был на карточке от 1901 года, с Анной Сергеевной и

офицером.

Самой последней же карточкой в альбоме была фотография самой Анны Сергеевны. Вероятно, сделана она была этим летом. К ней тоже была приклеена чёрная ленточка. А вот надпись на карточке была длиннее, чем на других. Там было написано не только «1941 г.». Ниже была приписка, наверняка специально для меня с братьями. Твёрдым почерком было написано: «Никогда не сдавайтесь! Половцева Анна Сергеевна, графиня»...

Глава 20

- ...А если опять отменяют?
- Лен, ну что ты вот расстраиваешься заранее? Ничего не отменяют.
- Ага, в прошлый раз ведь отменили.
- И в прошлый раз не отменили. Только перенесли.
- Для Саши это одно и то же. А он так посмотреть хотел!
- Ну, ты расскажешь ему. Придёшь домой, и всё расскажешь.
- Это не то. Самому интереснее смотреть.
- Посмотрит ещё. Это ведь не последний раз показывают. Успеет увидеть.
- Да, но он хочет сейчас, сегодня!
- Лена, ну что вот ты от меня хочешь? Я-то как помогу? Скажи, если знаешь.
- Извини, Валь. Я просто вся вне себя. Вове совсем плохо.
- Совсем?
- Совсем. У нас ничего, кроме хлеба, не осталось. Мы ему даже все конфеты скормили, а сегодня я суп не ела в школе, всё ему принесла. Не помогает, Валь. Он умирает!
- Может, обойдётся ещё?
- Он вчера медвежонка попросил.
- Какого медвежонка?
- Его игрушку. Детскую. Саша сказал, что Вова до войны всё время с ней спал.
- Вовка с игрушкой спал?
- Да, с игрушкой! И не смей смеяться над моим братом! Не смей! Это не смешно.
- Так, я и не смеюсь. Удивительно просто. Вовка, у которого язык весь как из колючек, сам с медвежонком спал. Раньше ни за что не поверил бы.
- Вот так. А медвежонка зовут Миша. Мне Вова прошептал вчера вечером. Говорить он не может уже громко. Он всё время просит молочка. А молочка нет! Валь, ну нет у нас молочка. Нету!
- Лен, перестань. Смотри, мы пришли уже...
- В кино я с Валькой Смирновым пошла. Саша не может встать. У него опухли и ноги, и руки, и лицо. С начала недели он не ходит в школу и не получает суп. А я свой не отдаю ему. Чувствую, что если я отдам этот

дрожжевой суп, то и сама не смогу в школу ходить. Да что там в школу! Я не смогу ходить ни за водой, ни за хлебом. Поэтому свой суп съедаю сама. Только сегодня вот, принесла суп Вове. Потому что тот уже совершенно серьёзно стоит на краю могилы.

Клей у нас закончился. Конфеты и яичный порошок закончились. Ничего нового купить не удалось. Да и нет у меня сил по магазинам бегать. Едва хватает их сходить в булочную и за водой на колонку. Плюс дома ещё нужно дрова рубить. А топор такой тяжёлый! Я едва поднимаю его двумя руками.

Нас осталось трое. Всего трое во всей квартире! Больше нет никого. Мой папа ушёл к дедушке Кондрату, да так и не вернулся. Мы ждали его три дня, а потом я сама пошла получать карточки на декабрь. Ждать дальше бесполезно. Неизвестно, дошёл ли он или нет. Впрочем, уже не важно. Раз не вернулся за столько времени, значит это уже всё.

Мертвецы. Они лежат прямо на улице. Некоторые обёрнуты во что-то, некоторые просто так. Шёл, шёл человек, устал, присел, и не встал. Замёрз. Такие часто встречаются. Нельзя садиться. А вчера, когда я шла из школы, видела, как мальчик, упираясь, тащит куда-то санки с лежащим на нём телом взрослой женщины. Наверное, мама. Сегодня шла в школу и опять увидела их. От того места, где я вчера их встретила, мальчик протащил санки с мамой ещё метров пятьдесят. Потом упал. И больше не встал. Я прошла мимо. Им не помочь. А мне нужно было идти в школу кушать суп. Меня дома братья ждут.

Но сегодня я пошла в кино! Я не могла не пойти. Это как завешание от папы. Последние два билета, что он принёс. Я просто обязана пойти.

В прошлую пятницу, пятого декабря, мы с Сашей уже приходили сюда. Но тогда сеанс отменили. Вернее, не отменили, а перенесли на неделю. Было вывешено объявление, что киносеканс переносится по техническим причинам. Но билеты на пятое декабря будут действительны двенадцатого. Не знаю, что там случилось. Может, электричество в кинотеатре отключали или ещё что.

Было жутко обидно. Особенно Саше. Он до этого кинотеатра едва доковылял, держась за меня. А тут такое. Он чуть не плакал! Вернулись с ним домой, и с тех пор на улицу он больше не выходил. Не может. Всё время лежит в постели рядом с Вовкой. Я даже их хлеб в постель им приношу.

А Валька, с которым мы уже несколько раз на чердаке зажигалки вдвоём ловили, Валька ничего ещё. Держится. Он сильный. Не слабее девчонки.

Вот, пришли мы в кинотеатр. Ух ты, тут освещение электрическое! Я уж и отвыкла от такого. Отопления нет, правда, зато хоть свет есть. Раздевалка. Ну, раздеваться мы не станем. Да и гардеробщиц нет. Безумие в такой мороз ещё и раздеваться. Зато тут светло и зеркала большие есть.

Ой, это я? Ну и чучело! На меня из зеркала какой-то ободранный мальчишка смотрит. Всё у него грязное, вся одежда, а лицо чёрное от копоти. Ну, копоть — это от нашей копилки и от буржуйки. Закоптелось. Помыться-то негде. Мальчишкой же кажусь я себе оттого, что верхняя одежда на мне вся Сашкина. И штаны, и пальто, и шапка, и валенки — всё его. Он же всё равно не выходит на улицу, вот я это и надела. Потому что его одежда теплее моей. Моя красивее, тут спору нет, но сейчас уж не до красоты. Нужно одеваться теплее. К тому же, Сашина одежда не только теплее, но и больше моей. Поэтому под пальто я надеваю кофту, сверху свой свитер, а ещё сверху Сашин свитер. Моё пальто, наверное, на мне бы и не застегнулось. А Сашино застёгивается. И на ногах у меня три пары шерстяных носков, иначе валенки велики. Под штанами же Сашины лыжные штаны, а под ними ещё две пары чулок. Я прямо как луковица.

Кстати, раз уж пришли в кинотеатр, нужно пользоваться случаем. Я зашла в туалет и, чудо какое, там водопровод работал! Вода была. И даже мыло лежало! Неважно, что холодно и вода ледяная. Всё же теплее тут, чем на улице. Я сняла пальто и шапку и принялась отмывать с мылом себе лицо и руки. Жалко, волосы помыть нельзя, а то они тоже уже сильно испачкались. Как здорово быть чистой! Замёрзла только сильно. Вышла из туалета, зуб на зуб не попадает. Хорошо, Валька помог. Он увидел, как мне холодно, расстегнул своё пальто и сунул мои ледяные ладони себе под мышки. Спасибо.

Прошли в зал с Валькой, нашли свои места и уселись. Народ постепенно собрался и вот, началось!

Ой, как красиво! Товарищ Будённый. Курсанты, кавалеристы. Танки пошли. Ну и силища! Чувствую, как весь зал вокруг переполняет гордость за нашу Красную Армию и уверенность в скорой победе. Ведь скоро, очень скоро все эти танки и пушки будут у нас, под Ленинградом. И прогонят, наконец-то, фашистов!

А вот и сам товарищ Сталин на Мавзолее Ленина. Он что-то говорит, но его, к сожалению, не слышно. Так обидно!

Пошла пехота в маскхалатах. Вот это сила! А теперь...

Изображение внезапно пропало, и в зале включился верхний свет. Что такое?

На сцену быстро-быстро, почти бегом, выскакивает мужчина в

распахнутом пальто, костюме и галстук. Срывающимся от волнения голосом, он громко кричит на весь зал:

— Товарищи! Товарищи!! Срочное сообщение! Петрович, давай!.. Да что ты там, Петрович?!

— Щас, у меня тут заело, — недовольный голос со стороны кинобудки.

— Я тебе покажу, заело! Саботаж?!

— Да щас всё будет. Не гоношись.

— Товарищи! — продолжает мужик в галстук. — Дорогие товарищи! Фашисты разбиты!! Передают по радио. Бегут, суки, из-под Москвы, бегут!! Петрович!!!

— Да всё, всё уже. Во...

В зале оживают репродукторы, и мы все слышим знакомый голос Левитана:

...6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в боях предприняли против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...

Ой, что тут началось в зале! Все повскакивали со своих мест. Кричат, обнимаются. Я Вальку поцеловала, а он меня. Ни о каком дальнейшем продолжении просмотра не могло быть и речи. Сеанс на этом завершился. Целиком мы парад не посмотрели, но это и не важно. Теперь мы видим, что не зря парад делали. Наша Красная Армия действительно самая сильная!

Домой мы с Валькой летели, как на крыльях. Скорее, скорее. У Вальки дома мама лежит, встать не может. А у меня два брата. Скорее, рассказать им! Нас уже почти спасли. Осталось совсем немного потерпеть.

Бегом (и откуда силы только взялись бегать по лестнице?) взлетаем по обледенелым ступеням вверх. Валька несётся дальше, на свой пятый этаж, а я остаюсь на третьем и открываю нашу дверь. Врываюсь в комнату, где мы живём и ору:

— Мальчики!!! Вова, Саша! Наши фашистов разбили под Москвой!!

— Не кричи, — тихий голос Саши с кровати.

— Разбили! Фашистов разбили! Они бегут!!

— Я очень рад.

— Так... разбили. Фашистов разбили. Вов, разбили фашистов. Вов?

— Не кричи, Лена. Он не услышит. Вова умер...

Глава 21

...Санки, санки, саночки.

Прошлой зимой у нас в сквере замечательную снежную горку построили. Я много раз ходила кататься на неё с ребятами. Было шумно и весело. Домой вся мокрая и заснеженная приходила.

А однажды вредный Вовка Круглов скатал крепкий снежок, незаметно подошёл ко мне сзади и сунул этот снежок мне за шиворот. Я тогда плакала. Было холодно и неприятно, когда снег таял на моей голой спине. Пришлось идти домой переодеваться.

Сейчас тоже холодно. Гораздо холоднее, чем тогда. И горку в этом году никто и не подумал начинать строить. Как раз прохожу мимо того места, где она стояла. Вредного же Вовки Круглова, который стал моим любимым младшим братом Вовой, тоже больше нет. Сволочи.

Вчера вечером я зашила тело Вовы в простыню. Перед этим кое-как, при свете коптилки, умыла его и передела. Он был страшно худой! Я выбросила его провонявшие грязные тряпки и надела на Вову красивый летний костюм. Пусть в красивом костюме лежит. Хоть он и летний. Вове уже не холодно.

Его медвежонок Миша тоже навсегда останется с Вовой. Я вложила его в Вовину руку и зашила их в простыню вдвоём. Пусть будут вместе.

А ещё, прежде чем зашить, я написала на бумажке полное имя Вовы, адрес, имена родителей и даты рождения и смерти. Эту бумажку я свернула и положила в мамин походный футляр от зубной щётки, прицепила к футляру мою серебристую цепочку и повесила Вове на шею. Может быть, после победы будут перезахоранивать погибших. Тогда Вову по этой бумажке опознают, и его могила не будет безымянной.

Труднее всего было спустить тело по лестнице. Вова совсем не тяжёлый, это я слабая стала. В мирное время с такой слабостью ни за что не встала бы с кровати. Да мне и не разрешил бы никто. Но сейчас война. Поэтому делаешь не то, что можешь, а то, что нужно. Нужно отвезти Вову на пункт сбора трупов. Не хочу, чтобы он просто так валялся на улице. Поэтому, везу.

Спасибо Вале. Сама я спустила Вову лишь на один лестничный пролёт и совсем из сил выбилась. Поднялась к Вале. Даже и это было трудно. На пятый этаж минут десять шла. Валя хороший. Сразу согласился помочь. Он по дому в пальто и шапке ходил, поэтому он лишь заскочил предупредить

свою маму, что уходит и сразу пошёл со мной.

Вдвоём Вову мы спустили довольно легко. А пока привязывали его к санкам, мимо прошла наш управдом, тётя Марина. Она сказала, что сегодня ещё сделает вид, что ничего не знает, но чтобы завтра Вовины карточки ей сдали. Она при мне их погасит. Сейчас с этим очень строго. Ей нас жалко, но она просто обязана погасить карточки умершего и сдать их. Иначе ей самой не поздоровится.

И вот мы, вдвоём с Вале́й, тянем и тянем эти саночки. Снег пошёл. Это хорошо. Когда идёт снег — немного теплее. Впереди нас, метрах в двадцати, две заснеженные фигуры тянут свои саночки. На них кто-то лежит, завёрнутый, как и Во́ва, в простыню. Им наверняка нужно туда же, куда и нам. На пункт сбора трупов.

Саночки. Какие у нас тяжёлые саночки...

Похороны прошли быстро и очень страшно. Две хмурых женщины грубо подняли Вову и совсем неаккуратно швырнули того в кузов грузовика. Вову! А я так старалась, мыла и наряжала его вчера! Они же кинули его, как бревно!

Я хотела закричать, что так нельзя! Там ведь Во́ва! Но они уже грузили следующего. Какого-то совершенного голого скрюченного старика. Потом ещё кого-то, ещё. Одно за другим одеревеневшие на морозе тела людей улетали в кузов и падали там с глухим стуком.

Подошла плачущая женщина. Принесла свой свёрток. Судя по размеру, внутри был ребёнок двух-трёх лет. Женщина умоляла грузивших тела положить её миленького получше. Даже обещала за это кусочек хлеба. Но её не послушали. Свёрток с ребёнком, как и все, просто и незамысловато полетел через борт.

Потом другая измождённая женщина притащила санки с телом старухи. Её тоже хотели кинуть в кузов, но тут я увидела, что старуха слабо шевелит рукой. Она была ещё жива! Женщине попытались объяснить, что живых не берут. Но та не слушала. Говорила, что это её мать и она всё равно умрёт сегодня или завтра. Но завтра у неё уже может не хватить сил притащить её сюда. Старуху всё равно отказывались брать. Тогда женщина просто повернулась и ушла, оставив на пункте сбора трупов санки со своей пока ещё живой матерью. По-моему, она сошла с ума.

Я стояла, смотрела на всё это, и у меня не было сил повернуться и уйти прочь. Меня спас Ва́ля. Он взял меня за руку и вывел из этого кошмарного места. Я же даже плакать не могла. Это... ужасно.

Мы держались с Вале́й за руки и молча шли к дому. Потом он сказал,

что сейчас зайдёт домой за карточками и пойдёт в булочную выкупать хлеб. Спросил, не пойду ли и я. А я сказала, что пойду. Тоже сегодня не отоваривалась. Куплю сразу уж и на завтра. А то завтра нужно будет Вовину карточку сдать. Хоть одну лишнюю пайку по ней получу.

Зашла за карточками, проверила, как там Саша. Он тихо лежал в постели с закрытыми глазами. Кажется, собрался умирать. А я поняла, что его смерть будет означать и мою смерть тоже. Ведь я заставляла себя что-то делать только ради братьев. Они были такие беспомощные! Я приносила хлеб и воду, потому что больше никому было сделать это. Я ловила на чердаке зажигалки, потому что иначе братья сгорели бы в своей кровати. Но это всё делала я лишь ради них. Ради себя мне не удалось бы утром встать и пойти за водой. Одна я бы просто лежала в кровати.

Вот и сейчас, я пойду за хлебом для Саши. Я устала и хочу лечь. Мне хочется лечь сильнее, чем кушать. Но ведь кто ещё, кроме меня, принесёт Саше хлеб?

И я встала и пошла. В булочную. На лестничной площадке только Валю подождала, и мы с ним пошли.

Очередь в булочной была совсем небольшой. Очереди в основном с утра, часов в шесть-семь. Сейчас же уже середина дня. Стоим с Валею рядом и ждём. Ему две пайки купить, а мне три. В последний раз я три пайки покупаю. На два дня это семьсот пятьдесят граммов будет.

Через одного человека впереди нас с Валею в очереди стоит какая-то обвязанная поверх шапки платком девчонка на голову ниже меня. На ней надета очень тёплая с виду меховая шуба. Шуба ей явно велика, чуть ли не до пяток. Вот, подошла её очередь, девчонка протягивает продавщице свои карточки и просит хлеба за два дня. За сегодня и за завтра. Три пайки.

И тут я узнала её! По голосу только и узнала, если бы она молчала, я никогда бы не догадалась, кто это. Это вообще не девчонка. Это мальчишка. Толик по прозвищу «Мелкий». В соседнем подъезде живёт. Его просто одели в женскую шубу и повязали сверху платок. Сейчас многие так делают — надевают самые тёплые вещи, что есть в доме. И неважно, женские они там или мужские. Главное, чтобы было тепло. На мне ведь тоже всё Сашкино надето.

Продавщица отрезала Толику хлеб, вырезала ножницами из хлебной карточки и отсчитала сдачу. Хлеб Толик аккуратно завернул в белую тряпочку, монетки и мятую рублёвую бумажку, не считая, небрежно сунул в карман, а потом отошёл к окошку и стал там тщательно проверять свои карточки.

Я, вообще-то, не смотрю вовсе на него. Но краем глаза случайно

заметила, как Толик неловко дёрнулся и как-то задумался. Стоит, не уходит, теребит в руках карточки.

Старушка в пушистой шапке получила свою пайку и отошла от прилавка. Наша очередь. Валя меня вперёд пропустил. Хотела уже дать продавщице карточки, как сбоку Толик подошёл. Свои карточки протягивает и говорит:

— Тётя, вы мне хлеба за два дня дали, а вырезали только за один. Вырежьте ещё за завтра...

Глава 22

Несколько раз за ночь были на улице сирены, но сегодня не моя очередь и я не вставала. Только всё равно спала этой ночью плохо. Сашка всё время ворочался и мешал мне. И очень хотелось кушать. Нормально заснула лишь где-то под утро.

Проснулась часов в десять. В комнате холодрыга, понятно. Саша не спит, молча лежит с открытыми глазами, обняв меня. Я на место Вовы легла, рядом с Сашей. Так теплее. Хотя и в одежде спим, а всё равно теплее.

Увидев, что я проснулась, Саша попросил попить и ведро. Попить сложнее. Щепочек-то я ещё с вечера настрогала и в буржуйку сложила. Их только поджечь осталось. А вот воды сразу нет. Она наверняка уже замёрзла в чайнике.

Я спустила с кровати ноги, села, подождала, пока голова перестанет кружиться, встала, откинула светомаскировку с окна и зажгла буржуйку. От нашего бревна меньше половины уже осталось. Как оно закончится, придётся разбивать на дрова мебель. Сначала из комнаты Анны Сергеевны, потом из Сашиной, а затем уж и нашу. Найти на улице дрова сейчас крайне сложно.

Буржуйка весело загудела огнём. Сейчас теплее станет! Поставила на неё сверху чайник со льдом, оттаивать. Пока он грелся, подержала Саше ведро. Он сам дойти до него не может, хоть и стоит оно в этой же комнате. Приходится мне ведро держать. Первые пару дней Саша страшно смущался этого. Да и я тоже, откровенно говоря. Но если просто поставить ведро рядом с кроватью и отойти, то Саше неудобно и он часто промахивается. Приходится мне стоять с закрытыми глазами и держать это несчастное ведро в руках, пока Саша свои дела делает.

Саша закончил. Я оттащила ведро за шкаф и сама сделала в него то, что только что делал Саша. Мне проще. Я могу хотя бы за шкаф уйти. Конечно, от звуков это Сашу не спасает, но всё равно мне намного проще, чем брату. Ему-то всё приходится делать прямо рядом со мной.

Чайник закипел. Налила Саше и себе кипятку. Горячий. Поставила на тумбочку у кровати и, пока он остывал, сходила во двор выбить ведро. Я через день хожу делать это. За ночь всё внутри ведра застывает, и ведро приходится не выливать, а выбивать. Во дворе специально для этого обрезок железной трубы валяется. Ведро ставишь на землю кверху дном и

стучишь этой трубой по дну, пока ледяная лепёшка из ведра не вывалится. Так все делают. В углу двора, где эта труба лежит, вся земля такими лепёшками усеяна. Страшно представить, что тут будет весной, когда это всё растает. Хлев будет.

Вернулась домой. Саша полулежит в кровати, двумя руками держит чашку и прихлёбывает кипяток. Совсем плохо он выглядит. Страшные чёрные мешки под глазами. И взгляд... У Вовы был такой взгляд за пару дней до того, как он...

Чем, ну чем мне накормить его? Клей мы весь съели, котлеты из корешков книг у нас не получились. Либо наврал тот дядька, либо книги у нас неправильные. Я разрежала папин портфель и долго-долго варила его. Получились варёные тряпочки. Никакого студня из портфеля не выварилось. У нас совсем ничего нет.

Мы ждали, что, может быть, придёт с работы тётя Шура и принесёт хоть что-нибудь. Но её не было дома уже больше двух недель. Наверное, что-то случилось и с ней. В лучшем случае, она сейчас в госпитале. В школе говорили, что недавно открылись какие-то стационары для тех, кому совсем уж плохо. Вроде, там кормят немножко. Но толком никто не знал, что за стационары, где находятся и что нужно, чтобы попасть туда. И как туда добраться — непонятно. Саша до стола дойти не может, где уж ему ещё в какой-то стационар переться.

Сегодня понедельник. Понедельник, пятнадцатое декабря. Скоро Новый Год. Дожить бы ещё до него. Целых две недели! Кушать хочу. Я слышала, что в субботу, когда мы с Валькой ходили Вову хоронить, в нашем гастрономе макароны давали. По десять штук на карточку. А я всё пропустила. Так обидно! Двадцать макарон на двоих — это же целое богатство!

Всё, выпила свой кипяток. Поцеловав Сашку, наказала ему держаться, включила радио, чтобы он не скучал один, а сама отправилась в школу. Обедать. Думаю, этот лишь дрожжевой суп и поддерживает нас с Сашей. Без супа я бы не смогла ходить за хлебом. Саша вот суп не кушает, так как дойти до него не может. Потому и угасает.

В школе всё было как обычно. Уроков не было никаких. Я уж и портфель перестала носить с собой. Покушала суп, а на обратной дороге зашла в булочную. Хлеб купила. На завтра.

Я стараюсь не думать об этом. Мы уже второй день кушаем хлеб на завтра! Нам так хотелось кушать, что мы не утерпели. Сегодняшний хлеб у нас закончился вчера вечером. Другой еды нет никакой. Совсем-совсем никакой. И вот, я иду домой и несу хлеб на завтра. Который мы съедим

сейчас! А завтра станем есть хлеб на послезавтра!..

Утро. Снова мутное безнадёжное и голодное утро. Я проснулась от голода. Страшно, безумно хочу кушать. Мне всю ночь сны про еду снились. Картошка с грибами снилась. Борщ, который мама так здорово варила, котлеты с макаронами. Ууу! Я хочу котлеты!! Из мяса!

В доме еды опять нет. Сегодняшний хлеб мы скушали вчера. Нужно идти покупать хлеб на завтра. Чтобы съесть сегодня. Очень хочу кушать. Не могу терпеть!

Сварила кипяток, подержала ведро, напоила Сашу, попила горячей воды, оделась, как луковица, и пошла в булочную. За хлебом. Время уже без десяти шесть, пока дойду — откроется.

Около булочной была длинная очередь. Она тянулась от дверей до середины соседнего дома. И это несмотря на страшный холод. Все хотят кушать.

Но что это? Время идёт, идёт, а я всё стою на одном месте. Вообще ни на шаг не продвинулась. Хотя давно открыть должны были. Люди вокруг волнуются. Что случилось?

Тут вижу, как из дверей булочной повалил народ. Шумят. Потом вышла продавщица и повесила на двери объявление. Очередь распалась, а перед объявлением толпа сучилась. Что ж там такое? Протолкавшись поближе, прочитала, что:

По техническим причинам в связи с аварией на водопроводе продажа хлеба 16 декабря 1941 года осуществляться не будет. Карточки на 16 декабря можно будет отоварить 17 декабря. 17-го декабря карточки на 17 декабря отовариваться не будут. С 18-го декабря булочная работает в обычном режиме. 18-го декабря будут действительны карточки на 17, 18 и 19 декабря.

Я стояла перед этим объявлением и не верила своим глазам. Это всё. Всё. Конец. Это мой и Сашин приговор. Два дня, целых два дня без хлеба нам не продержаться ни за что. Раньше ещё можно было бы попробовать пойти в другую булочную, но не теперь. С декабря месяца все карточки приписываются к конкретному магазину и в других магазинах они недействительны. Так проще планировать подвоз и распределять продукты. Очереди после этого действительно стали меньше. Зато, если этот единственный магазин закрывается, пусть и временно, то...

Нет!! Не хочу! Вспомнила надпись Анны Сергеевны на её

фотокарточке: «Никогда не сдаваться!». Анна Сергеевна. Я знаю, что сделаю. Я найду еду!..

Глава 23

...Вот оно, значит, как. Тётя Шура. Я её нашла. Она на чём-то сидит около моста. На чём сидит — не видно. Снегом занесло. А она сидит с непокрытой головой, опершись спиной на перила. Мимо идут, вернее, бредут люди. А она сидит. Сидит и сидит. Ей уже всё безразлично.

Сколько она так сидит? День? Два? Неделю? Кто знает. Она шла домой, к своим детям. Возможно, что-то несла им. Но не дошла. Села отдохнуть. Устала. И встать уже не смогла.

Саше я не скажу про это. Не нужно ему знать. Он и так совсем плох. Настолько, что даже никак не отреагировал, когда я сказала ему, что хлеба не будет два дня. Он не считает важным уже даже и это. Думаю, ему и двух дней не понадобится. Он умрёт завтра, теперь я точно знаю это.

Тут я поняла ту женщину, что привезла на пункт сбора свою ещё живую мать. Быть может, у них случилась похожая история? Если я прямо сейчас развернусь и пойду домой, то сегодня я ещё смогу дотащить Сашу до пункта сбора трупов. Чувствую, что смогу. Я заходила в школу и кушала суп. Сегодня — смогу. Завтра — нет. Без хлеба супа мне не хватит.

Но я не сдамся! Я не потащу в это страшное место ещё живого Сашу. Я не лягу рядом с ним! Я ещё жива. Хлеба нет, и сегодня не будет. И завтра не будет. Но я не сдаюсь!

Мои родители всегда презирали спекулянтов. Считали их трутнями. Они ничего не делают, только перепродают вещи. Но больше взять еду мне негде. Я иду на толкучку, искать спекулянтов. Кто-то ведь, наверное, имеет избыток продовольствия даже сейчас и может продать его. Без карточек.

Единственное, перед этим походом я заскочила домой. Нужно было набрать воды и наколоть щепочек. Вдруг Саша пить захочет, а меня нет. И щепки колоть он сам не может. Буржуйку разожжёт, если она заряжена. А сам щепок наколоть не может. Он прямо как младенец стал, Сашка Круглов. Такой же беспомощный.

Щепок-то я наколола, а вот с водой проблемы. Пришла я с чайником на колонку около жёлтого дома — а та не работает. Люди с кастрюлями и ведрами подходят, жмут на ручку, и, разочарованные, удаляются. Нет воды. Сходила на следующую колонку — та же история. Не работает. Там, на колонке, Вальку с бидоном встретила. Он говорит, что уже четыре колонки обошёл, нигде воды нет. Предлагает к Неве сходить, там набрать воду.

Офигел? К Неве! Нет уж, такую даль я не попрусь. И так еле ноги

волочу. А мне ещё на толкучку сегодня. Я лучше снега наберу в чайник. Валька не согласился со мной. Говорит, из снега вода плохая. Из Невы лучше. Я и не сомневаюсь. Но очень уж далеко. Некогда мне.

Валька развернулся и, помахивая бидоном, ушёл за водой на Неву. А я выбрала место почище и там наковыряла себе полный чайник снега. Да, вода из снега мылом отдаёт. Невкусная. Но мне сейчас не до того. У нас кушать нечего дома! Какая уж тут вода!

Занесла чайник со снегом домой, зажгла буржуйку, чтобы Саша не замёрз, сложила около неё кучу щепок на новую заправку и ушла. Мне нужно достать еду для Саши.

Я несу с собой почти все деньги, что были у нас. Двести пятьдесят рублей. Дома осталось ещё кое-что, но совсем мало. Чуть меньше тридцати рублей. Впрочем, если покупать хлеб по карточкам, этого всё равно до лета хватит. А ещё у меня за пазухой наша единственная относительно ценная вещь — набор из шести серебряных чайных ложек. Старинный. Тот самый, что подарила Анна Сергеевна.

Как-то я бодро иду сегодня. Давно так не ходила. Кажется, организм понимает, что это последний бой и экономить смысла уже нет. Или я куплю еду, или всё уже не важно. А вот и она, толкучка. Что-то не очень сегодня много тут народа.

Стала бродить кругами, приценятся. В основном вещи пытаются продать. Вернее, на еду сменять. Предлагают швейную машинку в отличном состоянии за двести грамм хлеба. Персидский ковёр ручной работы. Скрипку старинного итальянского мастера. Полное собрание сочинений Марка Твена. Бобровую шубу. А, нет, шубу продали. Тёплая одежда тоже нужна сейчас. За шубу тётянка половину буханки получила и осталась весьма довольна этим. Чего тут только нет! Гм. Еды тут нет. Еду почти не предлагают.

Есть дурно пахнущий студень по сто грамм за двадцать рублей. Есть брикеты дуранды по пятьдесят рублей. Плитки столярного клея по тридцать рублей. А вот и хлеб. Ой, тут хлеб за деньги продают, без карточек! И почём? Мамочки. Тысяча рублей буханка. Тысяча рублей!! За буханку?!

Ко мне какой-то дяденька подошёл. Спросил, что я ищу. Может, он поможет. Я сказала, что ищу покушать. У меня брат дома умирает. Дяденька мне посочувствовал, а затем спросил, что у меня есть. Призналась, что есть двести пятьдесят рублей. Дяденька ещё посочувствовал и пообещал устроить дуранду со скидкой. Шесть брикетов за двести пятьдесят. Хотя по одному их за пятьдесят продают каждый.

Хорошо. Хоть дуранду. А получше нет ничего? За получше, говорит, платить нужно. Немного подумав, я решила, что хуже не будет. Порылась у себя за пазухой и достала коробку с ложками. Серебряные, говорю. Старинные.

А вот ложки дяденьку заинтересовали. Он вытащил одну, внимательно осмотрел её, поцокал языком и предложил мне две котлеты из мяса за коробку с ложками и двести пятьдесят рублей.

Котлеты. Котлеты! Они снились мне сегодня. Котлеты!! Только я не совсем дура. Согласилась, но сказала, что котлеты должны быть свежие и крупные. Не с ложку размером, а обычные. Дяденька сказал, что конечно-конечно и куда-то исчез, наказав мне стоять на месте.

Впрочем, он очень быстро вернулся. С ним был ещё какой-то тип совсем бандитской наружности. Я вот так и чувствовала, что это жулики и они хотят обмануть меня. Но вокруг было много людей, и я не очень боялась. Я же не пойду с ними в тёмный закоулок. А на виду у всех они вряд ли нападут.

Тип бандитской наружности принёс бумажный свёрток. Развернул его передо мной. Котлеты. Действительно, котлеты. Настоящие. Даже не мороженые, свежие. Я очень тщательно обнюхала их. Пахнет свежим сырым мясом. Никакой гнили не чувствуется. И они большие! Ещё довоенного размера! Просто свежие котлеты.

В магазине бы я такие купила, не задумываясь ни на секунду. А тут меня личности продавцов смущали. Но дяденька, который меня первый нашёл, сказал, что я принесла очень хорошие ложки. Ручной работы. Работа много дороже серебра, что пошла на эти ложки. И ещё им жалко меня и моего брата.

Насчёт жалости я не слишком поверила. По-моему, такой тип и маму родную за пять копеек продаст, взял бы кто. А вот насчёт ложек похоже на правду. Они действительно очень красивые. Даже жаль отдавать. Но котлеты!!

Ещё раз очень внимательно исследовала эти котлеты. На мой взгляд, всё нормально. Хорошие котлеты. А дома Саша. Его нужно срочно кормить! Эх, была не была!

Я отдала подозрительным типам ложки и двести пятьдесят рублей. А мне отдали свёрток с котлетами.

Мясо! Настоящее мясо! Котлеты! Нет, я не стану жарить их. Я сварю из них мясную похлёбку. Если варить по чуть-чуть, нам с Сашей их на две недели хватит. Котлеты очень крупные. Пожалуй, даже довоенные котлеты были чуть-чуть меньше. Мы спасены!

— Зря ты это, девочка, — слышался у меня за спиной незнакомый голос.

— А? Что? — оборачиваюсь я.

— Зря, говорю, ты это делаешь.

— Зря? Что зря, бабушка?

— Бабушка? Какая я тебе бабушка? Мне тридцать пять лет.

— Ой. Извините, пожалуйста.

— Впрочем, сейчас все выглядят не так, как на самом деле. Ты вот, например, как мальчишка-оборванец выглядишь. Пока не заговоришь, так и не поймёшь, что ты девочка.

— Просто эти вещи теплее, чем мои собственные.

— Я догадалась. А с котлетами — это ты зря. При всей Его любви, такого Он не простит.

— Но почему? Хорошие ведь котлеты!

— Хорошие?

— Хорошие. Я очень внимательно их осмотрела. Свежие.

— Ты что, так ничего и не поняла?

— А что я должна была понять?

— Девочка, из какого мяса сделаны эти котлеты?

— Да не всё ли равно? Я и не спрашивала. Хоть из кошки, хоть из крысы. Не важно!

— Из кошки? Когда последний раз ты видела в Ленинграде живую кошку, девочка? А крыса... Сколько же крыс нужно на одну котлету? Крысу проще целиком сварить, если уж поймашь её. И мясо, как ты говоришь, свежее.

— А... А из кого же тогда?

— А ты подумай. Каких достаточно крупных животных сейчас много в Ленинграде? Настолько крупных, чтобы из них имело смысл делать котлеты.

— Эээ...

— Просто посмотри вокруг, девочка.

— Ой.

— Ты поняла...

Мамочка. Они, они из... Про это почти не говорили. Так, шёпотом в очередях. Что где-то кто-то. И я тоже как-то не думала про это. Хотя сама ведь два раза уже видела на улице лежащие в снегу трупы со спущенными штанами, у которых кто-то вырезал попу и части бёдер. Голые кости торчали наружу.

Это были людоеды! Я только что с самыми настоящими людоедами

разговаривала! И они мне продали котлеты. Понятно теперь, что это за котлеты. Они всё же обманули меня!

Я стала оглядываться по сторонам, ища продавцов котлет. Но их нигде не было. Да и вряд ли они согласились бы отдать мне обратно деньги и ложки. К тому же, если уж на то пошло, они не обманывали меня. Это я дура набитая. А с их стороны сделка честная. Я действительно получила именно то, что и просила — свежие крупные котлеты из мяса. Они честно отдали их мне. Это у меня не хватило ума спросить, из какого мяса эти котлеты сделаны.

Ну, я и дура!

Поднялась вьюга. Ветер. И, вроде, похолодало. Мне и через три кофты и Сашино пальто холодно. Замерзаю. Наверное, все минус тридцать сейчас. И очень сильный ветер.

Что ж, стоять на месте смысла нет. Повернулась, и пошла домой. У меня всё равно не осталось ничего на обмен. Я осталась без денег и без красивых ложек. Чего уж тут, назовём вещи своими именами. Я просто просрала их. Иначе не скажешь. А вместе с ними — и наши с Сашей жизни. Кушать такие котлеты или, тем более, кормить ими Сашу, я не смогу даже ради спасения моей или его жизни.

А что делать с самими котлетами? Они жгли мне руки через варежки. Просто бросить их на землю казалось мне неправильным. В конце концов, я придумала. Сделала небольшой крюк и зашла на ближайший пункт сбора трупов. А там тихонько и незаметно метнула страшные котлеты в грузовик с телами. Если им повезёт, их похоронят...

Глава 24

Ночь. Лежим, обнявшись с Сашей. Думаю, это последняя его ночь. Следующей ночи у моего брата не будет. А у меня, наверное, будет ещё две или даже три ночи. Уже без Саши.

Вой сирен на улице. По висящему внизу подъезда графику, этой ночью на чердаке дежурят Круглов и Смирнов. Последние три раза Сашу заменяла я. Теперь Смирнову придётся отдуваться за двоих. Сегодня я не приду. Не могу.

Как громко воют сирены. А если Валька не успеет? Одному действительно сложно. Но я ведь не могу!

Впрочем... К чему тянуть? Зачем мне лишняя безнадёжная ночь рядом с Сашиным телом? Разве не лучше последние капли сил истратить сейчас? Может быть, я тогда тоже смогу умереть завтра, как Саша. И с Валеёй хорошо бы попрощаться. Пусть он выживет и чаще вспоминает меня после победы.

Да! Я выпуталась из Сашиных объятий и встала. Ходить я пока могу! И я пошла. На чердак. Была наша очередь дежурить. А ещё хочу пожелать Вале удачи.

Какая высокая лестница у нас. Так много ступенек. Когда же они закончатся? Фух. Пятый этаж. Вот, Валькина квартира. Но он наверняка уже на чердаке, тревогу минут двадцать назад объявили. Нужно спешить. А то Валя там один.

Последние ступени, дверь на чердак, открываю её и... Что такое? Полная темнота. Валька не зажёл керосинку?

Где стоит керосинка, я знаю. Прямо рядом с входом стол. Там она и стоит всегда, чтобы можно было и в темноте найти. Пошарив руками, керосинку быстро нашла. Она заправлена и спички рядом. Так положено.

Чиркнула спичкой, зажгла фитиль. Странно. А Вали тут нет. Никого нет. Я одна. А так всё как обычно. Слуховые окна завешаны светомаскировкой, четыре бочки со льдом, два ящика с песком. Но где Валя? Неужели и ним что-то случилось. Когда я видела его сегодня, он собирался идти за водой на Неву. Выглядел он тогда вполне здоровым, насколько это слово применимо в наших условиях.

Как бы то ни было, теперь мне уж точно нельзя возвращаться в постель. При бомбёжке чердак нельзя оставлять без дежурного. Весь дом сгореть может.

Я взяла со стола спички и горящую керосинку и прошла к специально для неё прибитому крюку. Повесила на крюк лампу, а сама прошла ко второй. Тут две лампы керосиновых всегда зажигаем. Света от одной на весь чердак не хватает. В темноте же ходить по чердаку очень неудобно. Там и столбы и пол неровный. Вполне можно стукнуться обо что-то или упасть.

Холодно. Горят две керосиновых лампы. Зато не страшно. Ночь, холод, вой ветра и сирен, гул самолётов в небе, хлесткие выстрелы зениток. А мне не страшно. Я почти умерла. Чего мне бояться?

Или это от голода? Какие-то мысли стали тягучие. Как муха в меду. Муха. Мёд. Хочу мёд. С блинами. Или без блинов. Или блины без мёда. А Лёнька со сметаной любит. А я сметану не люблю. Потому что дура. Сметана вкусная. А Лёнька на войне. Он жив ещё?

Действительно, тягучие мысли. Может, я уже умираю? Когда не хватает еды, организм ведь сначала отключает от снабжения наименее важные органы. Самый важный орган — это мозг. Раз давать сбои начал уже и мозг, значит еды не хватает даже ему. А если еды не хватает мозгу, то это может означать лишь одно — этой еды в организме нет совсем.

Пожалуй, я присяду на пол. Или даже прилягу. Нельзя, я знаю. Но я так устала.

БУДУМП!! БАЦ!! Пшшшш...

Зажигалка!!

Толстенные защитные рукавицы я надела уже давно, поверх своих варежек. Подбегаю к сыплющей искрами зажигалке, хватаю её рукавицами и, отворачивая лицо в сторону от неё, тащу к ближайшей бочке.

С осени эту бочку полностью заполнили водой. Но сейчас в ней один лишь лёд, примерно две трети бочки льда. Она давно промёрзла насквозь. Вот туда я зажигалку и бросаю. Неважно, что воды нет. Там только железо бочки и лёд. Поджигать нечего. Пошипит немного зажигалка, да и перестанет.

Вот, только что помирала, а как бомба упала, так и взбодрилась. Даже бежать к ней пыталась. Не зря я сюда поднялась, ой не зря. Ведь пожар был бы! Как хорошо, что я не осталась лежать в постели. Я же не знала, что Вали тут нет. Думала, он подежурит. Да и далеко не каждое дежурство бомба по дому попадает. Даже если и попадает, то чаще по крыше скатывается вниз, на землю. А сегодня фашисты не только попали, но и зажигалка смогла провалиться на чердак. А это самое опасное. Очень велика вероятность пожара.

БУДУМП!!

Ещё бомба? Опять? И где она? Не вижу. Что-то происходит на крыше надо мной. Какое-то шуршание там. А, понятно. Бомба упала, но крышу не пробила. Так там и вертится. А вот... вот она куда-то перемещается. Покатилась вниз и...

Ой!!

Вторая бомба, что катилась по крыше, наткнулась на рваную дыру в кровле, которую только что пробила первая, и провалилась на чердак. Быстрее, схватить её и в бочку!

БУДУМП!!

Опять?!

Как могу быстро ковыляю к бочке и кидаю вторую зажигалку к первой, которая тоже ещё шипит и пытается расплавить лёд. Оборачиваюсь.

Мамочки. Пожар!!

Третья зажигалка упала прямо рядом со слуховым окном. И пока я возилась со второй, успела поджечь там старое одеяло, из которого светомаскировка сделана. Вот почему по двое дежурят на чердаке. Мне же не разорваться!

Одеяло горит уже довольно сильно. А на полу сыплет во все стороны искрами зажигалка. Только ноги у меня бегать отказываются. Ну, пожалуйста, ножки, ну в последний раз. А потом будем отдыхать. Долго-долго отдыхать. Быстрее!

Я всё же дошла. Одеяло всё в огне, но я в защитных рукавицах. Поэтому просто руками отдираю его от гвоздей, которыми оно прибито, и целиком выбрасываю вниз, во двор. Хорошо, что стёкол в слуховых окнах давно не осталось. Не нужно возиться с открыванием. Следом за одеялом во двор полетела и горящая зажигалка. Пусть теперь там попытается снег поджечь.

А у меня тут всё ещё пожар. Одна из подпорок, на которых держится крыша, горит уже довольно сильно и тухнуть не собирается. И воды ни капли. Она вся замёрзла. Что делать?

Или есть вода? Чёрт, конечно есть! Быстро прошаркала до той бочки, куда бросила две первые зажигалки. Так и знала. Они лёд частично растопили. Спасибо. Воды не слишком много, но больше трети пожарного ведра грязной воды со льдом я из бочки зачерпнула. И скорее назад, тушить.

А потом ещё раз. И ещё. Три раза с ведром ходила к бочке. Но залила, успела. Дерево ведь всё проморожено, разгорается не слишком охотно.

И вот я стою около слухового окна в защитных рукавицах и с пустым

ведром в руке. Смотрю в морозную декабрьскую ночь. Коленки дрожат. Я понимаю, что этой ночью потратила слишком много энергии, которой и так не было. Организм отдал последние резервы. Пусть. Это был мой последний бой, но это был славный бой. Я не зря поднялась на чердак.

Жалко, что я теперь не смогу зашить Сашу в простыню, как хотела. Теперь ему, как и мне, придётся просто так лежать в кровати, пока весной наши тела не найдут и не вынесут сборщики трупов. Интересно, кто умрёт первый, я или Саша? Наверное, всё-таки он.

И всё равно сегодня я победила. Пусть и в последний раз. И у меня есть даже маленькая награда. Вид на ночной город. Очень красиво. Я и не видела такого. Ведь окна всё время закрыты светомаскировкой. А теперь светомаскировку я выбросила. Она сейчас догорает внизу. Я же могу смотреть в окошко.

Да, я умираю. Умираю я, но не наш город. Отсюда хорошо видно, что город жив и способен очень больно кусаться. Несмотря ни на что.

Куда-то стреляют зенитки, огни прожекторов беспорядочно ползают по небу, грохочет артиллерийскими орудиями Петропавловская крепость, стреляют корабли на Неве. Город не сдался. Город ведёт бой. Ещё один бой.

Вот один из прожекторов на что-то наткнулся в небе. Он дёрнулся, стал шарить вокруг. К нему тотчас присоединился второй прожектор. И вот один из них высветил чёрный крылатый силуэт. Фашист. Почти сразу же в него упёрся второй прожектор. Самолёт метался из стороны в сторону, пытаясь уйти в спасительную тьму, но ему это не удавалось. Вот его освещают уже четыре прожектора сразу. И тут вокруг него начали вспухать чёрные облачка разрывов. А потом самолёт просто развалился. Он не падал на землю красивым горящим метеором. Нет, он просто взорвался в воздухе. Наверное, случилось прямое попадание снаряда.

А где-то далеко-далеко, за Невой, прожектора тоже кого-то поймали. Вижу, как в одном месте три луча сразу синхронно движутся в небе. Мне отсюда не видно, далеко, но я надеюсь, что и там наши тоже собьют ещё одну фашистскую гадину.

А я так и стою у окна с ведром в руке. И мои губы сами шепчут:

Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать!

Дали отбой воздушной тревоги. Вот и всё. Окончен мой последний бой. Сегодня я победила. И уйду победителем.

Поставила на место пожарное ведро, сняла и положила защитные рукавицы. Погасила одну керосинку, а вторую сняла с крюка и унесла на стол около двери. На стене над столом прибит график дежурств на чердаке. Рядом с ним на верёвочке висит карандашный огрызок. Я взяла этот огрызок и жирной чертой зачеркнула строчку с надписью: «Круглов-Смирнов». Пусть живые теперь ищут нам замену.

Погасила керосинку и навсегда ушла с чердака, аккуратно прикрыв за собой дверь. Вниз идти проще. Только ступени скользкие, во льду. Можно упасть.

Но я дошла. Дошла до нашей квартиры. Саша был ещё жив. Уже залезая к нему под одеяло, я подумала, что дверь в квартиру запирать на ключ сегодня не стоило. Впрочем это было уже не важно. Я легла. И я знаю, что легла в последний раз. Встать с этой кровати я больше не смогу никогда...

Глава 25

- ...Ты что творишь? Смотри, что ты наделала!
- Иыыыы!
- Не реви!
- Иыыыыыыы!
- Не реви! Нельзя реветь, когда кашу ешь! Открывай рот. Ну, живо!
- Бяк.
- Что ты валишь?! Куда ты валишь изо рта?! Аккуратнее!
- Миш, чего ты орёшь на неё, как боцман на салагу?
- А чего она кашей плюётся? Я ей сую, а у неё всё вываливается.
- С детьми нужно ласковее. Не нужно кричать. Она пугается и получается ещё хуже. Так мама мне объясняла.
- Да? Такой умный? На, попробуй сам впихнуть в неё эту чёртову кашу.
- Давай. Слезь со стула.
- Ну-ну. Давай, корми. А я посмеюсь.
- Леночка, кашку покушаем с тобой?
- ...
- Ну, не плачь. Миша больше не станет кричать. Не плачь, рыбка. Давай, слёзки вытрем. Где твоя тряпочка? Вот. Открывай ротик. Молодец. Давай, ещё ложечку.
- Бяк.
- Лёнь, да она просто издевается над нами.
- Погоди, Миш. Может, она кашу не хочет.
- Что значит «не хочет»? Мама велела сварить кашу и накормить. И я накормлю!
- Так это что, ты варил, не мама?
- Ну, я. А что такого?
- Ну-ка, ну-ка... Фе. Миш, ты сам-то пробовал, что сварил?
- Не. Я манную кашу не люблю.
- Подгорела, несолёная, с комками. Я бы тоже такое не стал есть.
- Извини, сварил, как сумел. Я не повар тебе.
- Всё, убери эту гадость. Леночка, а молочко тёплое будешь пить?
- Угу.
- Как ты хочешь, с печенькой или хлеб с маслом сделать тебе?
- С печенькой.

- А с какой? Вот, гляди, какие у нас есть.
- Вот эту. И эту.
- Бери, зайка. Вот твоё молочко. Пей аккуратно, не облейся...

* * *

- ...А ну иди сюда, поганец!
- Чё?
- Иди-иди.
- А чё?
- Ты зачем мою сестру обижаешь?
- Она первая начала.
- Как это? Первая подошла и стукнула тебя?
- Она мне шнурки на ботинках узлом связала.
- А он мне червяка в тапочек засунул, пока мы спали.
- Это за то, что ты мне в компот соли насыпала.
- Да, а в кукольный домик кто песок сыпал?
- А зачем ты моих кузнечиков выпустила? Я их собирал-собирал.
- Потому что нельзя обижать животных. Им же больно!
- Так, всё, хватит, мелюзга! Мне с вами некогда разбираться, меня ребята ждут. Значит так. Вредить друг другу перестали и живёте дружно. Вы же соседи. А ты, Сашка, если будешь опять Ленку за косу дёргать, я тебя тоже кое за что подёргаю. Понял? Понял, я спрашиваю?!
- Понял.
- Так-то вот. Всё, я побежал. Некогда мне.
- Вот так-то, Круглов. Я же предупреждала тебя, что Мишке расскажу всё.
- Ябеда. Ленка-пенка.
- Сашка-букашка...

* * *

- ...Мишка! Мишка, иди сюда!
- Чего, мам?
- Ты Ленке банты привязывал?

— Ну, я. А чего?
— Это что такое? Вот это разве бант?
— А чего? Нормально получилось. Мы как раз их на той неделе в клубе проходили. Вот я и решил попробовать, как завяжется.
— И как, завязалось?
— Да. Хорошо завязалось.
— Что это вообще такое?
— Это фламандский узел, иначе именуемый встречной восьмёркой. Очень прочный.
— Я вижу. Лен, только твой ненормальный старший брат мог догадаться завязывать девочке бантики морскими узлами. Мишка!
— Чего?
— Как его развязывают-то?
— Эээ... Это мы ещё не проходили.
— Значит так, сыночек, вот тебе ребёнок, как хочешь, так ей эти ленты и снимай. Сумел завязать, сумей и развязать.
— Это, мам, может, лучше я её в парикмахерскую отведу?
— Зачем?
— Ну, подстригут. А то я пока не умею такие узлы развязывать...

* * *

— ...Лёнь, у вас же на двоих пушек втрое против моих было!
— Ну и что? А кто говорил, что искусство флотоводца важнее? Не ты разве?
— Ну, я. Только всё равно, пушки — есть пушки.
— А ты ещё и сжульничать хотел.
— Когда это?
— А зачем ты Ленке дал под управление этого монстра? Думаешь, я не понял? Ты просто хотел, чтобы он в бою не участвовал. Самый мощный корабль решил заранее из игры вывести. Разве не так? Ну, честно.
— Так. Угадал. Я думал, она это чудовище даже из гавани вывести не сможет. На камни посадит.
— Не стыдно так жульничать? А ещё старший брат. Ребёнка обмануть хотел. Смотри, мол, Лена, самым грозным кораблём управлять будешь! Эх, ты.
— Она ведь и правда им управляла.

— А ты, Лена, молодец. Хорошо мы с тобой нашему великому флотоводцу нос натянули. Будет знать теперь, как с нами связываться. Ты как раз вовремя подошла. Он уж зажал меня. А тут ты сзади. От Мишкиных фрегатов только перья в разные стороны полетели.

— Ещё бы! У него же по шестьдесят пушек на каждом борту. Да каких пушек! И обшивка дубовая в метр толщиной. От него самого ядра только отскакивали, а как он ударит, так каждым залпом новый корабль в щепки разносит.

— Не оправдывайся, Мишенька. Давай, дуй за мороженым. Проиграл — так проиграл!..

* * *

— Понять приказ «Ослябе» и «Пересвету» оторваться от кордебаталии и... Ленка! Что это такое? Ты почему не спишь ещё?

— Всё-всё-всё. Сплю уже.

— А ну быстро, зубами к стенке и закрыть глаза. Поняла?

— Да-да.

— Смотри, ещё раз замечу, что ты глаза открыла, не стану дальше читать!

— Я сплю, Миш, уже, сплю. Читай дальше, пожалуйста!

— Ладно. Понять приказ «Ослябе» и «Пересвету» оторваться от кордебаталии и атаковать капудан-пашу с левого борта!

— Есть «Ослябе» и «Пересвету» оторваться от кордебаталии и атаковать капудан-пашу с левого борта!

— Господин бригадир, турки открыли огонь!

— Не отвечать!

— Фёдор Фёдорович, а что ж мы не стреляем-то?

— Смысла не вижу, Дмитрий Степанович. Смотрите, у них почти всё недолёты.

— А если...

— Не нужно. Подойдём поближе.

— Пробоина ниже ватерлинии!!

— Господин бригадир, пробоина ниже ватерлинии!!

— Что Вы кричите, господин капитан. Я не глухой. Заводите пластырь.

— Слушаюсь. Прикажете открыть ответный огонь?

— Нет. Не отвечать. Туркам не отвечать. Ближе, ещё ближе.

- Господин бригадир, турки готовятся к abordажу!
- К abordажу?
- Так точно, к abordажу, господин бригадир!
- Что ж. А вот теперь... ОГОНЬ!!!

Глава 26

Бум!

Бац! Бац! Бац!

Шлёп! Буц! Бабах!!

Стук. Кто-то стучит.

Бам! Бам! Бам!

Кто-то стучит. Во входную дверь.

БУБУХ!! БУБУХ!! БУБУХ!!

Ногой стучит. В дверь. Зря я её закрыла.

БУБУХ!! БУБУХ!!

Как не хочу вставать. Я так хорошо умирала. Такие сны красивые. Саша. Надо же, ещё жив. И я жива. И кто-то стучит. Зачем? Что им надо? Мы же умерли. Тут никого нет.

БУБУХ!!

Опять стучит. Встать? А я смогу? Если смогу, нас похоронят нормально. Нужно встать. Не хочу тут до весны валяться на кровати. Может, мне даже гроб сделают. Хотя это вряд ли. Доски лучше сжечь. Тепло.

БУБУХ!! БУБУХ!!

Ох. Не уgomонится. Ладно, пойду схожу. Если дойду. Не хотела ведь вставать больше никогда.

Как далеко. Раньше дверь ближе была. Её кто-то перенёс, пока я спала?

Нет, это просто я иду медленнее. Скорость, время, расстояние. Как в учебнике. Задачки. Я так все и не решила. Не успела. Некогда. Я глупая. Ложки профукала. Кушать не купила.

БУБУХ!!

Ну, кто так стучит? Я же иду. Скорее, ползу. Сейчас.

БУБУХ!! БУБУХ!!

Ой, не стучите. Вот, открываю уже. Ого. Это дядя Игорь. Откуда? Он же на войне.

— Здравствуй, девочка.

— Здравствуйте.

— Ты что тут делаешь? А где все?

— Здравствуйте, дядя Игорь. Я Ваша соседка, Лена. Вы не узнали меня?

— Лена? Ты — Лена?!

— Да. Что, не похожа? Это от копилки копоть. И от пожара.

— Лена...

— Сейчас люди не похожи на себя, дядя Игорь. Хорошо, что Вы пришли. У нас ещё почти тридцать рублей есть. Я отдам Вам. Они нам не нужны больше.

— Лена? А мои дома?

— Ваша жена, тётя Шура, умерла. Замёрзла на улице. Я видела тело.

— Умерла?! Шурка умерла?!!

— Не кричите. Сейчас это нормально. Многие умирают.

— Да? Тебе легко говорить. Это не твоя ведь мама умерла!

— Дядя Игорь, мою маму убили фашисты. Снарядом. За то, что она собирала капустные кочерыжки. А мой папа пошёл проводить дедушку. И не вернулся. Его тоже убили фашисты.

— Извини, Лена, я не знал. А мальчишки мои? Как они?

— Вову я похоронила в субботу. Он умер.

— Вовка умер?!

— Да. Умер. От голода. Не шумите.

— А... А Саша?

— Не знаю. Когда я слезала с кровати, вроде бы был жив. Сейчас не знаю.

— Но...

— Слышите, машина гудит. Это Вас, наверное. Давайте, я отдам деньги и ступайте. Вы тут не поможете ничем, дядя Игорь. Только в комнату не входите. А то там Саша. Расстроитесь. Я Вам вынесу деньги.

— Сашка!!!

Не слушая меня, дядя Игорь рванулся вглубь квартиры. Сначала он открыл дверь в свою комнату. Но там никого не было. Только обледенелая мебель. Дядя Игорь развернулся, и бросился уже к нашей комнате. За что-то запнулся, стукнулся, что-то упало на пол. А потом в комнате стало светло. Дядя Игорь сорвал с окна светомаскировку.

Когда я вошла, дядя Игорь стоял возле нашей с Сашей кровати и изумлёнными глазами смотрел на своего сына. Конечно, тот изменился до неузнаваемости. Ведь в последний раз он видел его в конце июня.

С улицы уже несколько раз нетерпеливо и требовательно гудела машина. А вот кто-то ещё вошёл в квартиру. Ведь дверь я так и не закрыла.

— Круглов! — недовольный голос в коридоре. — Круглов, ты тут? Круглов!!

— Тут!

— Ты чего застрял здесь? Шибанов уже кипятком писает. Пошли быстрее. Круглов?

— У меня тут... сын вот.

— Где? Уй, ёёё! Погоди.

Заходивший в комнату незнакомый мне боец развернулся и бегом рванул к выходу. А дядя Игорь повернулся ко мне и сказал:

— А я вот, хлеба вам привёз. И тушёнки. А сахар я уронил в воду. Не довёз.

— Спасибо. Поздно.

— Я хлеба привёз. Кушать.

— Он не сможет есть хлеб. Слишком поздно.

И тут я опять вспомнила завещание Анны Сергеевны: «Никогда не сдаваться». Или не поздно?

— Сахара совсем нет?

— Нет. Он размок весь. И грязный стал. Я его выбросил. Мешочек только от него остался.

— Мешочек? Мешочек от сахара?

— Да.

— Где он? Где этот мешочек?

— Здесь. У меня.

— Давайте. Быстрее.

Дядя Игорь стал копаться в своём сидоре, а я думала, что это, возможно, надежда. Можно ведь сварить мешочек от сахара. Он сам должен был пропитаться сахаром. И если немедленно напоить Сашу сладким кипятком... Я же пока и хлеб в состоянии кушать. Хлеб!!

Дядя Игорь выложил на стол буханку хлеба. Целую буханку!! Это же богатство! А он как небрежно с хлебом обращается! Просто взял рукой и положил. Будто это кирпич или отвёртка или что-то ещё не слишком важное, а вовсе не хлеб. Он никак не может найти в сидоре мешочек от сахара. Роемся. И вытаскивает оттуда ещё одну буханку. И ставит её на стол рядом с первой. Хлеб!!

Наконец, дядя Игорь мешочек нашёл. Повернулся ко мне, держит этот мешочек. Хотел дать его мне, но я не могу ни о чём думать. Хлеб!! На столе лежит хлеб!

Наверное, у меня было странное выражение лица. Дядя Игорь бормочет себе под нос: «Ох ты ж, господи». А потом хватает со стола буханку и рукой, не отрезая, отламывает от неё здоровенный кусок граммов на триста. И суёт мне: «Кушай, пожалуйста».

Хлеб!! Во мне проснулся зверь. Мне дали хлеб! Кушать! Но я сильнее

этого зверя. Я знаю, что организм истощён. И даже триста грамм хлеба сразу сейчас для меня слишком много. Зверь внутри меня бесится, ревёт и требует жрать. Я с трудом запихиваю его вглубь и заставляю себя не жрать, а кушать хлебушек маленькими кусочками, по чуть-чуть откусывая от горбушки. И очень тщательно жевать. Как вкусно! Как же невероятно вкусно!!

— Что здесь происходит? — в комнату быстрым шагом входит высокий человек в расстёгнутом полушубке. Под ним вижу военную форму с петлицами артиллерийского капитана. Следом за ним идут ещё трое бойцов. — Круглов?!

— У меня вот, дети, тащ капитан. А я сахар уронил.

— Какие дети? Что за дети?

— Сын вот. И дочка.

— Погоди. Круглов, ты же говорил, что у тебя два сына.

— Говорил.

— А теперь что? Уже сын и дочка?

— Получается, так.

— Ничего не понимаю. А ну, давай рассказывай всё сначала!..

Глава 27

Тепло. И уютно. Горит наша коптилка, мерно тикает по радио метроном, весело гудит огнём буржуйка. Рядом со мной спит Саша. Теперь уже именно спит, а не валяется, потеряв от голода сознание.

Я хочу кушать. И есть еда. Но кушать мне нельзя. Я и так обожралась за этот день. Сегодня я съела триста граммов хлеба, четверть банки тушёнки, две ложки сгущенного молока, стакан жидкого супа из пшена. И сладкого чая выпила кружек пять. Это очень много.

Нас спасли. Надо же, нас спасли. Чудо какое. Дядя Игорь приехал с Большой земли. Какие-то пушки они новые приехали получать. Удивительно. Наш Ленинград не только обороняется, он работает. И делает оружие не только себе, но и для других фронтов. Осаждённый город снабжает оружием страну за блокадным кольцом.

Когда командовавший группой бойцов капитан понял, что тут происходит, он выписал дяде Игорю увольнительную. У него специально на крайний случай была с собой пара бланков с печатью. Этот случай капитан признал крайним. Сначала, правда, нам пришлось растопить буржуйку. Своих чернил у капитана не было, мои же все, конечно, замёрзли. А перед этим ещё нужно было и щепок наколоть. Запас у нас закончился, а так как я легла умирать, то и не потрудилась сделать новых. Впрочем, всё равно топор бы не удержала. Я после своих ночных подвигов вернулась домой полностью опустошённая. Удивительно, как у меня хватило сил доползти и открыть дяде Игорю входную дверь.

Или мне теперь нужно называть его папой? Он, кажется, удочерил меня. Сашку я братом серьёзно считаю. Значит, дядя Игорь — мой папа? Но у меня же ещё и настоящие братья есть. Двое. И оба совершеннолетние. Наверное, такой вопрос без их согласия решать нельзя. Думаю, официально сейчас моим опекуном должен считаться Мишка. Он старший. Только его нет. И Лёньки нет. И дяди Игоря нет. Все на войне.

Дядя Игорь ушёл три часа назад. Капитан увольнительную ему до восемнадцати часов выписал. И настрого приказал не позже восемнадцати быть на Финляндском вокзале. Иначе он его в дезертиры запишет. На вокзале к военному коменданту обратиться. Или к его дежурному помощнику. Капитан обещал предупредить их о дяде Игоре.

Я настояла на том, чтобы дядя Игорь ушёл за два часа до назначенного срока. Он, конечно, ходит быстро и город знает, но всё равно. Мало ли что

там по дороге случиться может. Зачем рисковать? Не надо. А Саше лучше стало. Он заснул.

Хотя сначала я думала, что его уже не спасти. У него судороги начались. Капитан со своими бойцами, вручив дяде Игорю увольнительную, быстро собрались и ушли. Они спешили. Правда, перед уходом они с нами своим сухим пайком поделились. И не блокадным, а с Большой земли. Они только этим утром прибыли в Ленинград, а вечером должны были уже уехать обратно. По нашим меркам они все богачами были. Да и мы с Сашей теперь богачи. Бойцы нам столько всего оставили!

У нас есть три целых буханки хлеба и одна отъеденная примерно на треть. Две закрытых банки тушёнки и одна открытая, две банки сгущенного молока (из них одна открытая), большая шоколадка, пачка чая, четыре брикета горохового концентрата, два брикета пшена и полкило сахара! Такое ощущение, будто мы с Сашей каким-то добрым волшебством невероятно разбогатели, и теперь просто утопаем в роскоши.

Когда капитан ушёл, пожелав нам с Сашей удачи и обязательно дожить до победы, мы с дядей Игорем сразу принялись спасать Сашу. Согрели воду, что ещё оставалась в чайнике. Это был тот самый снег, что я набрала вчера на улице. Вода была плохая, но идти за новой было некогда. Саша умирал. Он уже и пить не мог.

Дядя Игорь разжал Саше зубы ручкой ложки, а я по чуть-чуть, капельками, вливала ему в рот тёплую сладкую воду с молоком. Я две чашки так влила, когда Саше немного полегчало. В себя он не пришёл, но зато сам стал глотать и даже немного пытался пить. Дядя Игорь смог вынуть из Сашиного рта свою ложку. Дальше я одна могла поить Сашу. Поэтому попросила дядю Игоря сходить на колонку принести хорошей воды. И побольше. Чтобы мне не таскать.

Сама же я продолжала поить Сашу. Буржуйка наша горела непрерывно. Сейчас было не до экономии дров, мы Сашу спасали. В комнате стало настолько тепло, что я сняла с себя свитер, оставшись лишь в кофте, а иней растаял даже на дальней от буржуйки стене.

Вернулся дядя Игорь. Принёс бидон и ведро с водой. Я сама с ведром никогда за водой не ходила. Полное ведро мне не то что не донести, я и не подниму его. Я с чайником всегда ходила по воду. А дядя Игорь сильный. Он и ведро притащил. Только он долго ходил. Целый час, наверное. Я уж и беспокоиться начала, что с ним.

С ним же ничего страшного не произошло. Он на колонке застрял, воду набирать помогал. Там же лёд не чистит никто сейчас. Из колонки вода течёт. Она замерзает на морозе. Приходят люди, набирают воду.

Иногда проливают, иногда роняют свои вёдра или с чем там они пришли. А иногда и сами падают. Это всё тоже замерзает.

В результате, сейчас добраться до колонки совсем непросто. Она вся ледяным барьером окружена. Там скользко. Кто послабее, тот часто не может к колонке приблизиться. Или отойти от неё так, чтобы воду не расплескать. Страшнее всего — упасть после того, как воду наберёшь. Эта вода на тебя же и выльется. А она ледяная. И мороз минус тридцать. Где сушиться-переодеваться? Дома тоже ведь холодно! А тёплых вещей нет. Всё самое тёплое уже надето и промокло. Причём воду всё равно нужно принести, даже и в мокрой одежде.

Поэтому нередко наиболее крепкие из тех, кто за водой пришёл, более слабым помогают. Набирают воду и выносят в безопасное место, где не скользко. Вот этим дядя Игорь и занимался на колонке. Он как пришёл туда — там две старушки (а может и не старушки, сейчас не разберёшь) и мальчика стоят около колонки со своими кастрюльками. А воду не набирают — не отваживаются к колонке подойти, упасть боятся.

Помог им дядя Игорь, набрал воды. А тут ещё идут. И ещё. Так и набирал он всем воду, пока не надоело это ему. Забрал он своё ведро и бидон, да и вернулся. Но лишь для того, чтобы воду поставить. А сам зашёл в свою комнату, взял там топор и опять ушёл. Сказал, что пойдёт лёд вокруг колонки срубят нахрен, чтобы люди подходить могли.

Пока он ходил, я Саше на новой воде бульон из тушёнки сварила. Почти без мяса. Специально самый жир выбирала. Бульон пах просто невероятно, ошеломляюще. Я не удержалась и попробовала ложечку. Что-то просто запредельно вкусное!

Но это для Саши. Себе я из этого бульона кусочки мяса выудила и скушала. Саша жевать ведь не может пока. Влила в Сашу бульон и тот, наконец-то, заснул. По нему видно, что спит, а не в беспамятстве.

Потом вернулся дядя Игорь, спросил, чем ещё помочь. Я его попросила изрубить в щепки остаток нашего бревна. Мне рубить тяжело. Саша как-то беспокойно возиться в кровати начал. Просыпаться не просыпается, только ворочается. Потом я поняла, что это было. Он в туалет хотел, а проснуться не мог. Дядя Игорь возился с дровами, я, как Плюшкин, считала и пересчитывала нежданно свалившееся на нас богатство, а с Сашей неприятность случилась. Он описался.

Брат же не в себе был. Ну, не смог он проснуться и ведро попросить! Хорошо, у нас ещё оставался запас чистого белья для Саши. Ещё с тех времён, когда была вода в кране и силы стирать. Мы с дядей Игорем согрели воды, он раздел Сашу, протёр его мокрой тряпочкой, переложил в

мою кровать и одел в чистое.

Бельё-то ладно. Бельё мы чистое нашли ему. А вот штаны шерстяные! Он ведь и штаны испортил. В другое время я бы постирала, конечно. Но сейчас не могу. У меня и сидеть-то не очень получается. Я хотела под кроватью лужу вытереть — так едва не упала. Голова кружится. Опять пришлось дяде Игорю работать. Он и лужу вытер, и штаны постирал, и снова за водой сходил. Мне же пришлось снять с себя Сашины лыжные штаны и вернуть ему. Без тёплых штанов он ночью замёрзнет обязательно. Это сейчас тепло у нас, так как печку не гасим сегодня. Ладно, себе я на ночь что-нибудь придумаю, а завтра постиранные штаны высохнут. В конце концов, ещё две пары чулок натяну. У меня есть.

Дядя Игорь ещё и проблему дров нам решил. Увидев, насколько прожорлива буржуйка, он сравнил её аппетит с кучей щепок в углу и понял, что дров нам едва до середины января хватит, как ни экономя. Тогда он сказал, что нехрен эти деревяшки жалеть, после войны новые купим, ещё лучше. И разрубил на щепки всю деревянную мебель из своей комнаты. То есть шкаф, комод, стол, четыре стула, этажерку и все книжные полки. Самую лучшую одежду и посуду он нам принёс, а остальное на полу своей комнаты свалил. И книги тоже там оставил. Но сказал, что, если что, можно и книгами топить. Только начинать нужно с тех, что он ближе к двери положил. Чем дальше вглубь комнаты — тем книги ценнее.

Дядя Игорь так разошёлся, что, покончив со своей мебелью, даже раму у себя в комнате высадил и её тоже изрубил на дрова. А потом я едва успела остановить его, когда он пытался снять с петель дверь. И её хотел рубить. Но это не надо. Стёкол-то нет в его комнате. А дверь хотя бы защищает от снега и ветра с улицы. Да и некогда уже. Пора. Заканчивается его увольнительная.

Мы очень жалели, что Саша так и не пришёл в себя и не смог увидеть папу, но дальше тянуть было некуда. Уже шестнадцать часов. Осталось два часа. Дядя Игорь поцеловал сына, потом меня, и ушёл. Так мы с Сашей снова остались вдвоём.

Я выпила ещё одну кружку чая (не кипятка, а чая! сладкого! какая роскошь!), а затем залезла к Саше под одеяло. Мне тоже нужно поспать. Я так много ела сегодня!

Жалко. Безумно жалко мне Вовку. Пять дней. Ему не хватило всего пяти дней! Вова умер двенадцатого вечером. А семнадцатого утром, то есть сегодня, приехал его папа. Несчастные пять дней! Помню, как Вова в свои последние два дня постоянно просил дать ему молочка. А у нас не было. Сейчас же, как насмешка судьбы, на подоконнике стоят сразу две банки с

надписью: «Сгущённое молоко».

Вова.

Суки фашистские.

Сашка. Ну, уж его-то я теперь спасу. Обязательно. Ведь у нас есть еда. У нас! Есть! Еда!!

Наверное, я слишком сильно сжала Сашку в объятиях. Или это мои слёзы, что текут по его щекам, разбудили его? Мой брат пошевелился, открыл глаза и сказал:

— Знаешь, Лена, мне такой странный сон снился. Как будто папа приехал и привёз покушать...

Глава 28

— Нет, Саша. Просто так лежать в постели я тебе не разрешаю. Ты не бревно, а человек.

— Лен, ну не получается встать у меня. Не получается, хоть ты плачь. Ноги не слушаются. И опухло всё. Ты ведь видишь. Мне лучше уже, но всё равно не могу встать.

— Нельзя просто лежать! От этого пролежни будут. И вообще, тебе самому разве не надоело? Найди себе занятие.

— Какое?

— Нужно чем-то заниматься. Что-то делать. Хотя бы учебники читать. Но лучше что-то руками делать.

— Руками?

— Да. Так ты быстрее поправишься, я уверена.

— Ты так считаешь? Что если я что-то буду делать, то скорее встану?

— Конечно. Сидеть ты ведь можешь!

— Сидеть могу.

— Вот. Человек сидя много дел делать может. Если бы у нас тетрадки были, я бы тебя задачки решать заставила. Но тетрадок нет.

— Тетрадок нет.

— Я сейчас за хлебом, оттуда сразу в школу пройду, суп съем. И там тимуровский отряд собирают. Я вступить хочу. Может быть, задержусь. Не теряй меня. А ты, пока нет меня, придумай себе занятие. Хватит валяться и радио слушать! Понял?

— Понял.

— Всё, я пойду. Не скучай тут.

— погоди. Пстой, Лен.

— Что ещё?

— Лен, я придумал.

— Чего придумал?

— Занятие себе. Что можно делать сидя. И сил много для него не нужно.

— Молодец. А что ты придумал?

— Пообещай, что не будешь смеяться.

— Такое смешное занятие?

— Просто, я стесняюсь.

— Меня? Это не глупо разве?

— Глупо. Но всё равно стесняюсь. Про это вообще никто не знал. Только родители и Вовка. Я всегда дверь в комнату запираю на ключ, когда начинаю.

— Какая секретность! И что, Вовка знал и не разболтал всему двору? Да быть такого не может! У него ведь язык, как помело. Был.

— Нет. Ты совсем не знала его, Лен. Он не такой. Ты знаешь, он животных очень любил. Летом мы с ним в зоосад ходили по два-три раза в неделю. Его старший носорог узнавал. Он всегда ему что-то приносил. Яблоко или морковку или булку. Обязательно с подарком приходил. А когда носорогов увозили в июле, мы с Вовкой их провожали. И не беспокойся, он понимал, когда можно трепаться, а когда надо молчать.

— Так чем же ты там занимался-то?

— Обещай не смеяться и никому никогда не рассказывать.

— Обещаю. Не стану смеяться и никому не скажу.

— Сходи в нашу комнату, принеси синюю коробку. Раньше на шкафу стояла, где сейчас — не знаю. Найдёшь, она большая. Осторожно, коробка довольно тяжёлая.

— Хорошо. А что в ней?

— Собачья шерсть.

— Чего??

— Собачья шерсть...

Даже вот и не знаю, что было сильнее — моё удивление, когда я узнала главную Сашину Тайну, или моя растроганность от того, что теперь я точно уверена — он принял меня. Саша считает меня членом своей семьи. Своей сестрой. Такое действительно можно доверять лишь ближайшим родственникам.

Да если бы я прознала про это до войны, то непременно всем бы сразу рассказала. Всем-всем, кто согласился бы слушать. Всему двору. Всей школе. Саша правильно скрывался. Его бы затравили. Мальчишки, порой, бывают удивительно жестоки. Девчонки, впрочем, тоже. Сашке не помогло бы даже то, что он самый сильный в классе. Ему пришлось бы драться по пять раз на дню.

Впрочем, это всё касается мирной жизни. Сейчас вещи выглядят совершенно иначе, чем раньше. Пожалуй, Саша зря опасается. Сейчас его тайна никого не заинтересует. Вон, тот же Валька Смирнов, с кем я на чердаке дежурила. До войны для него было бы Величайшим Открытием, узнай он, чем именно Сашка Круглов вечерами занимается в своей комнате. А сейчас? Допустим, рассказала бы я ему про Сашино увлечение. И что?

Валька равнодушно пожал бы плечами и сказал, что ему всё равно. У него мама умирает от голода и такие глупости его не интересуют. И вообще, это Сашино дело. Хочет он этим заниматься — пусть. Ему, Вальке, совершенно на это наплевать.

Жалко Вальку. Пропал он. Скорее всего, не вернулся домой, как и мой папа. Он, вроде, ещё сильный был, когда за водой на Неву ушёл. Не слабее меня. Вряд ли бы он умер от голода в тот же день. Наверное, нет его в квартире.

Вчера утром мне стало настолько лучше, что я поднялась на пятый этаж выяснить, что с ним случилось. Не выяснила. Мне никто дверь не открыл, хотя я минут десять стучала. Точно знаю, что семнадцатого числа там ещё Валькина мама оставалась. Но утром девятнадцатого дверь не открыли. И даже звуков я никаких из-за двери не слышала. Думаю, Валя не вернулся с Невы, а его мама... два дня без хлеба.... встать сама она не могла.

Какое же счастье, что Сашкин папа так вовремя приехал! Это просто чудо какое-то! У нас с Сашей столько еды! Но есть мы будем очень экономно. Очень-очень. После того, как я едва не умерла от голода, во мне что-то поменялось. Я стала невероятно жадная. Постоянно боюсь, что еда может опять закончиться. Вот, вроде, теперь еды просто фантастическое изобилие. Но я всё равно над каждой крошкой трясусь. Никому не дам ничего. И не скажу даже, что у нас такая гора еды дома. Только с Сашей буду делиться. А больше ни с кем. Скорее бы Саша опять смог ходить! Тогда он придёт в школу и ему дадут суп. Он станет ещё сильнее.

Сашка. Брат. Глупый, стеснялся он рассказать мне о своём увлечении. Это после того, что было-то. Я же его практически с того света вытягивала. Восемнадцатого числа весь день рядом с ним просидела. Я даже не пошла выкупать хлеб!! Это вообще что-то невероятное. За два дня карточки профукала. Полкило хлеба. С ума сойти! Жутко жалко этот потерянный хлеб!

Но я и сама была очень слабой. У меня постоянно кружилась голова, если я не лежала. А Саша вообще никакой был. Мне его оставлять страшно было одного. За этот день он половину банки сгущённого молока выпил с чаем. Со сладким чаем! Себе я молоко не наливала. Только Саше. Это ведь лекарство. Я же кушала хлеб, а ещё сварила чуть-чуть горохового концентрата. Жидкую гороховую кашу с жиром от тушёнки Саша тоже поел. Ну, как поел. Покормила я его. С ложечки. Он сам и ложку-то держать не мог.

Конечно, не только кормить брата мне приходилось, всё остальное

тоже нужно было делать за него. И ведь он в сознании был, говорить мог. Всё понимал он, что вокруг происходит. Только двигаться сам почти не мог. Ему руку поднимешь вверх — он так и лежит. Сам даже опустить её не может.

Мне очень-очень неудобно перед Сашей. Но кроме меня помочь ему было некому. Рядом совсем никого не было. Мне всё приходилось делать за него. Всё-всё. Огромным облегчением для меня стало, когда вчера утром Саша сказал, что ему лучше и он попробует справиться сам. Теперь мне можно закрыть глаза и просто поддержать ему ведро. Остальное он сделает без меня.

И после такого этот дурачок ещё стеснялся рассказать мне о своём увлечении. Нет, ну какой же он глупый! Да что в этом такого страшного-то? Подумаешь, вязать он любит. Ну и что? Тоже мне, тайна! Это всё началось четыре года назад. Сашка тогда нашёл на какой-то помойке старую коробку. Там было несколько небольших разноцветных клубков шерсти, вязальные спицы и старый, ещё дореволюционный, самоучитель по вязанию.

Сашка притащил это всё домой и, ради интереса, попробовал вязать сам. Ему это дело так понравилось, что с тех пор вязанием он заболел. Оказывается, абсолютно все варежки, носки и шарфы, в которых ходили зимой Сашка и Вовка, были связаны Сашкой собственноручно. Более того. Даже тот толстый свитер, что сейчас надет на мне, тоже этой весной связал Сашка.

Причём на этом Сашины таланты в рукоделии не заканчиваются. Настоящие шерстяные нитки купить совсем не просто даже в мирное время. И Саша, по необходимости, научился ещё и прясть. У него и веретено своё было! В синей коробке, которую я с трудом оторвала от пола в Сашиной комнате (примёрзла она), была собачья шерсть. Не нитки, а именно шерсть, что состригли с собак. Правда, шерсть уже постиранная, псиной она не воняла. Эту шерсть специально для Саши весной купили на рынке.

Конечно, всё смёрзлось в ком. Но Сашу это не смутило. Он обещал шерсть оттаять около буржуйки, а к Новому Году связать мне новые варежки. Потому что мои уже прохудились, а белые перчатки, конечно, красивые, но в них сейчас холодно.

Какая-то сегодня очередь длинная за хлебом. К счастью, она не стоит на месте. Двигается потихоньку. Три человека осталось передо мной. Пожалуй, возьму-ка я за два дня хлеб. Чтобы завтра не ходить сюда. Хочу сходить к дедушке. Может, они там живы ещё?

Конечно, это жутко далеко. Пешком, да по морозу. Но надо идти. И

отнести им покушать. Вдруг, живы? Да, да, я помню. Ни с кем не хочу делиться едой. Только с Сашей. Но... дедушка и бабушка в число этих «ни с кем» не входят. С ними тоже поделюсь.

Я уже два месяца не видела их и не знаю, что там происходит. Идти раньше было бесполезно. Я бы не дошла. Да и толку-то идти? Мне всё равно нечего было им отнести. А сейчас есть что. Сил, правда, маловато. Но сегодня я хорошо покушаю в обед. На ночь ещё покушаю. Возможно, кашу с тушёнкой сделаю. Много, целую кружку! Да сладкий чай. Да хлеб. И четверть шоколадки с собой возьму. Если мне в пути станет плохо от голода, подкреплюсь. Нет, дойду точно. Сегодня не рискну, я вот завтра дойду. Решено!

Моя очередь. Пока продавщица вырезала мне из карточек за 19 и 20 декабря, я услышала сзади знакомый голос. Толик. Толик Мелкий. Тоже за хлебом?

Взяла я свой хлеб, обернулась, и узнала его. Точно, Толик. Но на этот раз не в тёплой женской шубе. Он пришёл в своём сером пальто. А эту самую шубу, скатанную в колбасу и небрежно обвязанную верёвкой, держит в руке. Толик идёт вдоль очереди и всем предлагает прекрасную тёплую женскую шубу за двести граммов хлеба. Потому что у него умирает мама.

А люди в очереди виновато отводят глаза в сторону. Да, шуба хорошая. И мальчика жалко. И его маму жалко. Но отдавать хлеб (хлеб!!), свой хлебушек не хочет никто. Даже за шубу.

Мне тоже жаль Толика. Но хлеб я ему не отдам. Самой нужен.

У него мама умирает.

Не отдам!!

Не отдам. Мама умирает. Не отдам?..

Глава 29

...Сколько же их много! Наш город, наш прекрасный Ленинград, стал похож на какой-то ужасный кошмар. Мертвецы. Их сотни. Даже на Невском! Их не успевают убирать даже тут! Мимо проехал грузовик. Мертвецы стоят в кузове. Их поставили на ноги плотно-плотно и обвязали проволокой, чтобы не вываливались. Мужчины, женщины — все вперемежку. Между взрослыми местами воткнуты и дети.

Как страшно.

Навстречу мне санки. На санках лежит кое-как завёрнутое в ковёр тело. Санки тянут за собой трое детей лет так десяти. Две девочки и непонятно кто. Упираются, тянут. Тянут. Люди идут мимо. Никто не поможет. А они тянут. И я не помогу. Я иду в другую сторону. Мне очень далеко.

Трамвай. Стоит посреди улицы на путях, как какое-то сказочное ледяное чудовище. Весь в снегу. Прохожу мимо. В окошко вижу пассажиров. Двое мужчин и женщина. Сидят на сиденьях, как будто едут. Наверное, давно сидят. Ступени трамвая все в снегу. Скорее всего, шли мимо, устали, залезли посидеть отдохнуть. Так и сидят.

А я иду к дедушке. Несу ему кушать. Если он жив ещё. Я несу целую буханку хлеба и брикет гороха. Ещё кусочек шоколадки, но это не дедушке. Это мне. Если по дороге ослабею. На всякий случай, у меня с собой есть ключ от их однокомнатной квартиры. Потому что сейчас такое время. Очень может быть, что открыть мне дверь уже некому. Хотя я и надеюсь на лучшее.

Меня в эту экспедицию собирали, как на Северный полюс. На мне та самая чёрная шуба, за которую Толик пытался выменять хлеб. А поверх Сашкиной меховой шапки повязана шаль, которую тоже Толик дал. Сказал, что она очень тёплая. И он прав, действительно тёплая. Мне не так уж и холодно. Тяжело только идти. Сугробы, ветер. Валенки тёти Шуры слишком большие для меня, зато я влезла в них, надев четыре пары шерстяных носков.

Какой-то человек с портфелем лежит на снегу, раскинув руки. Явно недолго лежит. Снег ещё не покрыл его. Наверное, его ждут дома. Ждут, надеются. А он уже не придёт. Куда он шёл? Кто знает. Возможно, мой папа тоже так же шёл, шёл, и не дошёл. У него и нога больная была.

А теперь я иду. Дома ждёт брат Саша, а я иду. Он ждёт. Верит, что я

обязательно вернусь. И я вернусь. Непременно вернусь. Потому что без меня он пропадёт. Я не имею права не вернуться.

В самом деле, тёплая шуба. Только она мне велика. Это шуба мамы Толика. Нет, я не обменяла её на хлеб. Толик дал мне её на один день, когда узнал, что я пойду к бабушке, пешком, через весь город.

У Толика умирает мама. Я знаю, как это бывает. У меня вот точно так же умирал Вова. Молочка всё просил. Но где же я возьму его? А потом умирал Саша. Саша ничего не просил. Он просто молча лежал. И чтобы накормить Сашу, я обменяла серебряные ложки и все наши деньги на котлеты. Котлеты, которые нельзя было кушать.

Толика тоже обманули на толкучке. Поэтому и шубу он принёс в булочную. Боялся, что снова обманут. Он вчера вечером на толкучку ходил и выменял у какой-то женщины за мамино золотое обручальное кольцо плавленый сырок. Довольный, вернулся домой, кормить маму. Но оказалось, что Толика обманули. Внутри упаковки, точно повторявшей фабричную, было что-то совершенно несъедобное. Какая-то застывшая сероватая масса без запаха. Есть это точно было нельзя.

И коробочку, и её содержимое, Толик показал мне, когда я зашла к нему в гости. Не просто так зашла, конечно. Я брикет гороха принесла им. Жалко горох. Но у нас ещё два целых брикета осталось и один чуть отъеденный.

Ну не могла, не могла я иначе!

Мама же умирает!!

Я ведь помню, как я в отчаянии металась, пытаюсь найти Саше хоть какую-нибудь еду. А еды нигде не было. Никто не давал мне еды.

Я верю, что продержаться нужно чуть-чуть. Совсем чуть-чуть. Говорят, по льду Ладоги постоянно, и день и ночь, везут в Ленинград продовольствие. Может быть, уже завтра или послезавтра хлебную норму поднимут?! А у Толика за эти два дня умрёт мама. Потому что я пожадничала. Как я в зеркало после этого смотреть буду на себя?

Никто не взял у Толика шубу. Мы с ним вернулись к дому, я попросила его подождать у подъезда, а сама поднялась к себе за горохом. Сашка сидел на кровати, опершись спиной на подушки, и прят шерсть. Никогда его таким не видала. Очень смешной.

Я взяла брикет гороха, отрезала половину от нашей сегодняшней хлебной нормы, а ещё отломала кусочек от шоколадки. Кашу из концентрата варить долго. Если маме Толика совсем плохо и она не может ждать, дам ей шоколадку. Саша ничего не сказал мне, когда я выносила продукты. Считал, что раз выношу — значит так надо.

Дома у Толика было жутко холодно, почти как на улице. Буржуйка у них была, но не было стёкол в окне. Окно заделано кое-как, а потому в щели задувал ветер. А ещё было темно. Конечно, в окне-то фанера. Да и с дровами у них явно хуже, чем у нас с Сашей. По сравнению с их кучкой наша сваленная в углу комнаты гора щепок выглядела просто Эверестом.

На столе стояла какая-то консервная банка. В ней что-то было налито, и плавала какая-то не то тряпочка, не то верёвочка. Эта тряпочка-верёвочка слабо горела, огонёк колыхался на ветру от окна.

Когда мы с Толиком вошли в комнату, то сразу уловили гнетущую атмосферу, витавшую в воздухе. Мы опоздали? На деревянных ногах Толик подошёл к лежащей на кровати женщине. Но нет, та была ещё жива и даже в сознании. Толик сказал ей, что мы принесли покушать. Кашу.

Вскоре я всё поняла, мне объяснили. Кроме мамы Толика, в комнате была ещё одна женщина, я сразу не заметила её в темноте. Это соседка, тётя Люся. И ещё её дочка Варенька. Они переехали к ним ещё в октябре, так было теплее. У тёти Люси не было буржуйки, и она не смогла раздобыть даже фанеру, чтобы заделать окно. Просто заткнула его подушками.

Варенька умерла. Пока Толик ходил за едой, Варенька умерла. Это из-за неё маме Толика так плохо. Варенька родилась уже после начала войны, в конце августа. Ей не было ещё и четырёх месяцев. Она не могла есть совсем ничего, кроме молока. Поэтому мама Толика отдавала тёте Люсе часть своей пайки, чтобы у той не пропало молоко. Но неделю назад молоко всё равно пропало, хотя тётя Люся по нашим меркам питалась хорошо. Ведь кроме своей, она ещё и пайку Вареньки съедала. Та была слишком мелкой, чтобы самой кушать её. Да плюс мама Толика тётю Люсю за счёт себя подкармливала. К сожалению, это не помогло. Вареньке пытались давать сосать через марлю хлебный мякиш и варили болтушку из муки. А позавчера Толик принёс ей из школы стакан соевого молока. Только её это не спасло. Фашисты убили и её тоже. Она прожила всего четыре месяца.

Толик сразу стал растапливать буржуйку, чтобы начать варить кашу маме. Я отдала той кусочек шоколадки и оставила Толика возиться у плиты, а тётю Люсю — готовить дочь к похоронам, а сама в подавленном настроении пошла в школу. Кушать дрожжевой суп.

Жалко Вареньку.

Ну, а уже ближе к вечеру, часа в четыре, кто-то начал часто барабанить в нашу дверь. Я открыла её, и обнаружила на лестничной площадке Толика. Тот срывающимся от волнения голосом сказал мне, что в наш гастронм

привезли продукты. Он сейчас бежит туда и займёт очередь и мне тоже. Быстрее, пока не кончилось!

Нам повезло. Мы отстояли почти два часа, но купили еду! По мясным карточкам давали сушёную рыбу. Одну рыбину с ладонь взрослого мужчины величиной на карточку. А по детским сахарным — по сто пятьдесят граммов соевых конфет. Удалось взять и то и другое.

К сожалению, у Саши больше не детская карточка. Ему двенадцать лет исполнилось, и на декабрь Саше выдали уже карточку иждивенца. А по таким карточкам конфет вчера не давали. Очень обидно. Но Толик купил конфет не только на свою карточку, но и на Варенькину. А потом разделил её конфеты пополам и половину отдал нам.

Всё равно, Вареньке они были больше не нужны...

Глава 30

— ...Саш, а я помню, каким он был тогда. У него по углам такие вроде как цветочки были сделаны, а посередине две единички вылеплены. Мне же одиннадцать лет исполнилось.

— А мы с Вовкой тогда тоже тебе подарок сделали на День Рождения. Только ты не заметила ничего.

— Вы? Подарок? Какой ещё подарок? Не ври, не дарили вы ничего.

— Дарили. Говорю же, ты не заметила просто.

— И что же вы подарили мне такого?

— Как, что? Мы с ним за весь день, за всё 9 мая, ни одной пакости не сделали тебе. Это и был наш подарок, поняла?

— Нда. Что ж, спасибо. Знатный подарок.

— Какой смогли. Давай перевернём его? А то неудобно стало.

— Давай. Точно, тут больше.

— Вкуснотища.

— Не говори. Хорошо, что баба Таня забыла про него.

— Угу. А может, она всё же жива? В госпитале где-нибудь.

— Вряд ли. Ты же сам видел, каким почерком последняя запись сделана.

— Да. Ну, а вдруг?

— Не надо, Саш. Я уже поплакала. Не надо.

— Фу, у тебя пальцы керосином воняют. Как ты ешь такими руками?

— Других у меня нет. Устала я, Саш. Не пойду сейчас на колонку. А воды в чайнике только на утро нам осталось, ты выдул всё за день. Нечем руки помыть.

— Хочешь, я тебя покормлю?

— Ты?

— Да. Ты же кормила меня.

— Ты сам то, когда руки мыл в последний раз?

— Давно. Врать не буду, давно. Но у меня они хотя бы не в керосине.

— Ладно, уговорил. Корми. А то действительно какой-то странный привкус во рту. Наверное, это от керосина.

— Тихо, Лен! Сводку передают!

Я полулежу в своей кровати, опираясь о подушку спиной. Рядом, в этой же кровати, Сашка. На коленях у нас, поверх одеяла, лежит грязный противень. Сашка пальцами отковыривает от него засохшие сладкие

комочки и попеременно вкладывает их то в свой, то в мой рот. Но сразу мы не глотаем их, конечно. Мы медленно сосём их. Так вкусно!

Сладкие комочки — это всё, что осталось от большого пирога с джемом, который баба Таня испекла в мае на мой последний День Рождения. Я случайно этот противень нашла в самой глубине комода на кухне. Вообще-то, я там спички искала. Со спичками как-то плохо стало. В магазинах пропали они. Не зря дедушка Кондрат советовал спички запасать, ой не зря.

Я так думаю, тогда, в мае, баба Таня, убирая со стола, задвинула противень подальше, намереваясь помыть его на следующий день. Но на следующий день, 10 мая, они с бабушкой приезжали в гости к нам. И остались у нас ночевать. Домой они вернулись лишь вечером воскресенья, 11 мая. Баба Таня, видно, закрутилась, да так про противень и забыла. А сегодня я нашла его. Какое счастье!

Ой, по радио только что передали, наши станцию Войбокало заняли. А это ведь тут, у нас, на Ленинградском фронте! Не только под Москвой наши наступают, у нас тоже! Под Москвой же из Волоколамска фашистов выгнали. Бегут, бегут они, сволочи!

А дедушка Кондрат умер. Сердце не выдержало. Он вечером двенадцатого декабря умер, в тот самый день, что и Вова. Может быть даже, в тот самый час. Радио говорит, пять тысяч трупов сук фашистских насчитали под Войбокало. Ну и правильно. Мало ещё их набили.

Баба Таня письмо мне написала. Вернее, не мне, а родителям. Она не знала, что мамы и папы уже нет в живых. Из этого следует, что папа до них тогда не дошёл. С ним что-то по пути туда случилось. Бедный папочка. Я ведь как чувствовала, так не хотела его отпускать. А он ушёл. С палочкой своей. У него ножка болела, холодно было. Но он пошёл. Суки. Ненавижу!!

Всё нормально, Саш. Это я папу вспомнила. Извини, я больше не буду реветь. Спасибо.

Сашка слезу у меня на щеке заметил. Утешает. Самый вкусный комочек отковырял мне, с кусочком засохшего джема. Добрый он, Сашка. И как я раньше не замечала этого?

Баба Таня тоже умерла, наверное. Только не дома, а где-то на улице. Письмо она в комнате на столе оставила. Знала, что рано или поздно кто-нибудь придёт к ним. Только она маму или папу ждала, письмо для них. Не думала она, что я приду.

Это письмо — что-то вроде завещания. Еды у них никакой не было, но кое-что ценное имелось. Баба Таня прощалась в письме со всеми нами и писала, что очень нас любит. Просила обязательно сберечь Леночку. То

есть, меня. И ещё она написала, куда спрятала всё ценное. Только она так это написала, чтобы понять мог лишь кто-то из нас. Вдруг, чужие такое письмо нашли бы? Но я её прекрасно поняла. В каком месте у них в квартире до войны стоял глиняный котёнок, я помнила.

Мне достались спрятанные для меня двести сорок рублей денег, золотые кольца бабы Тани и дедушки Кондрата, золотые серёжки, а также дедушкин золотой зуб, который баба Таня сама вырвала ему пассатижами после его смерти. В письме было написано, что серёжки она дарит мне на Новый Год и просила без крайней необходимости их не продавать. Это серёжки её прабабушки.

Дедушку баба Таня похоронить смогла. В смысле, отвезла его на моих саночках к пункту сбора трупов. Такие вот сейчас в Ленинграде похороны. Наверное, при перевозке и надорвалась. Самая первая запись в письме-завещании сделана 13 декабря. Баба Таня, похоже, чувствовала, что умирает. И каждый раз, когда выходила куда-то из дома, обязательно приписывала на листочке с письмом, куда она пошла и когда. В последний раз она вышла из дома в 11 часов 17 декабря. Пошла хлебные карточки отovarивать. А я в это время дома поила Сашу чаем с молоком и ждала дядю Игоря, который пошёл за водой на колонку.

Я недолго пробыла в квартире дедушки. Чего мне там делать? Ценных вещей, помимо тех, что спрятала бабушка, у них не было. Спички только забрала, а то дома два коробка всего осталось. Спичек и соли дедушка запас много. И сдавать спички, как продовольствие, никто от него не требовал. Соли же у нас и своей хватает. Зато спичек я целую упаковку взяла. От души дедушка запасся ими, ничего не скажешь.

Пока спички искала на кухне, противень с остатками пирога случайно обнаружила. А там много на него налипло! Никто ведь даже не пытался его чистить. Как покушали пирог в мае, так и оставили противень.

Нужно было трогаться в обратный путь. Сколько сейчас времени, я не знала. С собой часов не было у меня, а в квартире дедушки все часы, конечно, давно встали. По ощущениям, что-то около двух. Скоро и темнеть начнёт. Стала думать, как всё унести.

У меня был противень, упаковка спичек да плюс моя котомочка, в которой я принесла хлеб и горох. И тащить мне это предстоит через весь город. Пока раздумывала, про витамины вспомнила. Я когда в гости приходила, баба Таня всегда мне витаминку давала из баночки. Она и сама их кушала. У неё обязательно запас был. Конечно, а нам с Сашей витамины ой как нужны сейчас. Саша говорит, что с нашим питанием цингой заболеем запросто.

Витамины я нашла быстро, знала ведь, где лежат. Две полных баночки и одна почти пустая. Её я сразу открыла и одну витаминку съела немедленно. С баночками вещей у меня стало ещё больше. Особо не тяжело, но идти далеко больно.

А потом я про санки вспомнила. Ну, конечно, санки ведь есть! Они специально для меня санки купили. Я когда зимой в гости приезжала, иногда ночевать оставалась. И ходила на горку кататься. Вот, чтобы мне из дома свои санки не тащить, баба Таня ещё одни и купила. Они в кладовке должны стоять.

Зашла в кладовку, сняла с крюка висящие на стене санки. Хотела уже уйти, как заметила кое-что интересное в углу около двери. Неужели там...

Точно. Так и есть! Ну, дедушка и хомяк! Запасся. Спасибо тебе, дедушка Кондрат. Спасибо. Очень пригодится. Я керосин нашла. Почти полную канистру! Это, конечно, не еда. Но керосин тоже нужен. Освещение. А то у нас всего пара литров осталась дома. А тут целая канистра. Наверное, ещё с июня стоит.

Да, керосин нужен. Но как я попру его? Двадцатилитровая канистра почти полна. Я её поднять не могу даже двумя руками. Но о том, чтобы бросить тут такое богатство и речи не было. Наверное, во мне что-то есть от дедушки Кондрата. Я такой же жадный хомяк, как и он.

Канистру из квартиры я вытягивала волоком. Хорошо ещё, квартира на первом этаже была. Потом полчаса, если не больше, крепила свой груз на санках. Ветер ещё поднялся. А я такая неуклюжая в своей шубе. И руки замёрзли сильно. В варежках неудобно ведь узлы завязывать.

Домой я шла долго-долго. Целую вечность. Всё время хотела скушать шоколадку, но держалась. Шоколадка — это на крайний случай. Пока ведь держусь я. Тем более, прежде чем в обратный путь трогаться, я кусочек хлеба грамм на сто скушала. Дедушке с бабушкой хлеб больше не нужен, вот я и отрезала от той буханки, что для них принесла. А шоколадку лучше поберечь. Мало ли, когда ещё пригодится.

Самое сложное же испытание сегодня ждало меня уже в нашем подъезде. Эту чёртову канистру с керосином предстояло как-то затащить на третий этаж. Ух, как я намучалась с ней! Долго-долго, по одной ступеньке, поднималась. Два раза падала. Ступени-то все во льду. Тут нередко воду проливают, когда несут домой с колонки. Я тоже однажды с чайником упала в подъезде, разлила всё.

Ну и, измазалась вся в керосине, конечно. Там крышка у канистры не слишком плотно закрывалась. Руки вымазала, Сашка верно заметил. Шуба, что Толик дал, тоже в керосине, хотя и не очень сильно. Пожалуй, нужно

будет с Толиком керосином поделиться. Нам двадцать литров не надо. Это слишком много.

Буржуйка давно остыла. Холодно стало. Явно заметно ниже нуля уже температура в комнате. Зато мы с Сашей сытые. Нет, по довоенным меркам мы очень голодные. Но сейчас в Ленинграде мало кто может себе позволить такой обильный ужин, какой у нас сегодня был. Мы съели полную кружку гороховой каши с тушёной (одну на двоих), грамм по сто хлеба и выпили по кружке чая с соевой конфеткой. Саше я ещё и кусочек сахара в чай положила и молока капнула. А потом мы вкусный майский противень от остатков пирога чистили. Там ещё даже осталось немножко, не всё съели.

Воздушную тревогу объявили. На улице сирены воют. Саша предлагает спать. Завтра противень дочистим. Он поставил его на стул, надел шапку и улёгся. Я погасила коптилку, надела свою шапку и легла рядом. Мы хорошо накрылись. У нас четыре толстых одеяла, да плюс пятое под нами, на матрасе. Чтобы снизу холод не пробрался. Поверх одеял ещё и пальто. И всё равно в шапках спим, а то голова мёрзнет.

Но едва устроилась я поудобнее за Сашиной спиной, как тот недовольно сказал:

— Лен, вот что хочешь со своими руками делай, но убери их от моего лица. Керосином же воняет!..

Глава 31

Ой, дура я. Что ж без санок-то попёрлась такую даль? Не могла сообразить, что оттуда тащить чайник в руке ну совсем неудобно. И тяжело. Дура. Санки не взяла. А как сейчас удобно было бы на саночках везти чайник! Эх!

Я на Неву за водой ходила сегодня. Ни одна колонка не работает. Опять что-то с водопроводом случилось. Наверное, бомба попала. Сейчас приду домой, сварим тюрю из хлебных крошек, пообедаем с Сашей. Тот обещал пока я за водой хожу хлеб весь наш высушить на буржуйке, но не кушать. Меня подождёт.

У нас вчера двойной праздник был. Ну, один праздник общий, для всего Ленинграда, а второй только для нас с Сашей. Общий праздник — хлебную норму подняли. Подняли! Норму хлеба подняли!! Впервые за всё время норму не уменьшили, а увеличили! И очень сильно увеличили. Нам с Сашей теперь по двести граммов хлеба полагается! Это такая радость для всех была! Вчера, когда я в булочной в очереди стояла, видела, что некоторые люди даже плакали, получая такой непривычно большой кусок. Так много хлеба!

А второй праздник, наш с Сашей, это то, что Саша встал с кровати. Встал! Сашка встал! И даже до стола дошёл. Правда, потом сел на стул, у него голова кружится. А сегодня утром Саша вылез из кровати и ушёл за шкаф. Он теперь поганым ведром может без моей помощи пользоваться.

Очень хорошо, что хлеба со вчерашнего дня стало больше. Вовремя. А то Саша опять мог бы слечь. Кроме хлеба у нас дома есть ещё три конфеты и немного чечевицы. Те продукты, что оставили нам красноармейцы, как-то очень быстро закончились. Сначала их, казалось, было бесконечно много. Потом стало просто много. Потом «прилично». Потом «имеются». Потом «есть в наличии». А потом они кончились. Обидно.

Конечно, это я в основном виновата. Не знала, что я такая транжира. А шоколадку, такую замечательную и такую большую шоколадку, я даже и не попробовала. Ни кусочка мне не досталось. А я так хотела шоколадку.

Всё из-за того, что я в тимуровский отряд вступила. Он у нас в школе не по классам. Просто у кого сил хватает, ходит помогать тем, кому плохо. Всего нас там тридцать два человека сейчас в отряде. От третьеклассников до семиклассников. Отряд совсем недавно сформировали и пока ещё даже непонятно, кому нужно помогать. Это вот и было моим самым первым

заданием в отряде. Я по выданному мне списку адресов ходила по квартирам и выясняла, что случилось с людьми. В списке были ученики нашей школы, кто давно в школе не появлялся. Сашка тоже в этом списке был, но про него я сразу сказала, что тут помощь не требуется. Сами справимся.

Я сначала думала, что это очень простое задание. Действительно, что там сложного-то? Зайти, узнать, да отметить на листочке карандашом, сколько человек живы, нужна ли помощь, а если нужна, то какая. На самом деле всё оказалось совсем не просто.

Ходить по домам — страшно.

Я за три дня такого ужаса насмотрелась! Иногда дверь мне никто не открывал. Иногда открывал живой скелет, который непонятно как ходит. Некоторые с ума сошли. Однажды женщина, что открыла мне дверь, сказала, чтобы я ни в коем случае не заходила в крайнюю правую комнату. Там живут людоеды, муж и жена. У них два маленьких ребёнка было. Одного они убили и съели ещё в ноябре, а теперь вот и второго доедают. Говорит, и меня тоже убьют и съедят.

Не знаю, правду она мне сказала или сумасшедшая была. Я испугалась, развернулась, и ушла. Но самое страшное — это когда дверь в квартиру не заперта. Открываешь — внутри тёмный холодный коридор. И ни звука. Ожидать же можно чего угодно.

Так, пришла я проверить, что случилось с Сонькой Николаенко, моей одноклассницей. В третьем классе мы с ней даже на одной парте сидели полгода. Дверь в квартиру не заперта. Никого нет, на крики никто не откликается. Но я знаю, какая её комната, заходила пару раз. Прохожу, открываю дверь. Ой, до сих пор мороз по коже, как вспомню.

В центре комнаты висит и чуть покачивается от ветра из окна женский труп на верёвке. Наверное, давно висит. А на кровати у стены тоже труп. Ребёнок лежит. Я с огромным трудом признала в этом страшном чёрном лице Соньку. Сонька. Вот это вот чёрное и сморщенное — болтушка Сонька? Неправда. Это ведь неправда!

Сонька была единственным ребёнком в семье. Не было у неё ни сестёр, ни братьев. Только мама с папой и всё. Наверное, папа на фронте, а мама не выдержала, когда умерла Сонька и повесилась сама. То есть, это я так думаю. На самом деле не знаю, конечно, что у них случилось.

Я прошлась по квартире Соньки. Из шести оставшихся комнат две закрыты, две пусты, в одной мёртвая женщина на кровати, а в последней, шестой, тела людей. Трупы. Девять человек, из них двое — совсем маленькие дети лет так двух. Наверное, это та женщина, что в кровати

умерла, перетаскала сюда всех мертвецов.

Ходить по чужим квартирам очень страшно. Конечно, я знала, что сейчас люди часто умирают. Бывает, умирают целыми семьями. Да что там далеко ходить. Мы с Сашей тоже чуть не умерли. Вот не приехал бы дядя Игорь — сейчас и я мёртвая лежала бы в кровати рядом с мёртвым Сашей. К Соньке папа с фронта не приехал, покушать не привёз. И она умерла.

Ещё два раза я такие полностью вымершие квартиры находила. А ещё четыре раза встречала опечатанные домоуправлением квартиры. Значит, там тоже все умерли, но трупы вывезли, и пустую квартиру опечатали.

У Кольки Бровкина папа умирал. Я не могла смотреть на такое. Колька сидит рядом с кроватью и держит папу за руку. А тот утешает Кольку и говорит, что скоро будет весна и наши обязательно разобьют фашистов.

Но ведь у меня дома так много еды! А если бы я вот так сидела рядом со своим умирающим папой? Не выдержала. Сходила домой и принесла им половину брикета гороха, полбуханки хлеба и кусочек шоколадки. Колькиному папе было совсем худо, еда была нужна срочно.

Так вот и повелось. Почти у всех дома кто-то был на грани. И пока у меня оставались ещё продукты с Большой земли, я как-то пыталась помочь. Насколько могла. Я же сама умирала от голода, знаю, что это такое.

Труднее всего было расстаться с банкой сгущенного молока. Мне безумно жалко было её отдавать. Маслова, конечно, вредина. А когда она украла у меня во втором классе мой красивый финский карандаш, мы с ней даже подрались в раздевалке. Помню, как она тащила меня за косу, а я в это время била её кулаком в живот. Да, Верке я бы ни за что не отдала молоко. Но когда я увидела её младшую сестру Лизу, этот свёрток с огромными глазами, который сжимал в ручке марлечку с завернутым в неё кусочком хлеба и пытался сосать его беззубым ртом... Я принесла им молоко. Не хочу, чтобы она, как Варенька, не дожила до победы.

Самый последний кусочек шоколадки я отдала Сашке. Ему было нужнее, чем мне. Я специально скормила его Сашке, так как знала, что если этот кусочек не съесть, то я скоро найду кого-то, кому он ещё нужнее.

Зато Саша встал! Завтра я поведу его в школу. Там будет или дрожжевой суп или каша из чечевицы. И хлеба теперь намного больше дают. Всё будет хорошо! Думаю, самое страшное уже позади. Мы выжили, дальше будет проще.

Ой, а что это там происходит? Это зачем они так построились?..

Глава 32

Бидон. Чайник. Чайник. Ведро. Кастрюля. Ведро. Ведро. Ведро. Кастрюля. Ведро.

Одна за другой ёмкости с водой проезжают мимо меня. Я двумя руками беру их из рук высокого давно небритого мужчины, делаю два шага и передаю мальчишке чуть ниже меня ростом. Возвращаюсь на два шага обратно, забираю новую ёмкость и снова делаю два шага навстречу мальчишке.

Иногда, когда я передаю ведро или чайник, мы с мальчишкой какое-то время держимся за ручку или дужку четырьмя руками сразу. У нас с ним так смешно руки одеты. У мальчика на левой руке явно слишком большая для него взрослая мужская кожаная перчатка, а на правой — серая варежка с надписью «Лена» на тыльной стороне ладони. У меня на левой руке варежка с такой же надписью «Лена», а на правой — шерстяная перчатка, которая когда-то была белой.

Вообще-то, на левой руке тоже перчатка надета, только её не видно сейчас. Я эти перчатки под варежки надеваю, чтобы теплее было. В одних перчатках холодно, они тонкие. Но даже такие перчатки это больше, чем ничего. А у мальчика, когда я встала рядом с ним, правая рука совсем голой была. Он всё время в карман её прятал. Ему очень неудобно было. Передавать же вёдра одной рукой он не мог. Сил не хватало. Вот так и получилось, что вскоре я ему правую варежку дала. Ему нужнее, чем мне.

Надпись «Лена» на варежке — это Сашина работа, конечно. Она не вышита, а вывязана. Сашка как-то там в этом месте хитрым способом вязать начал. Какими-то необычными петельками. В результате эти петельки все вместе сложились в легко читаемую надпись «Лена». Хорошие варежки у него получились. Тёплые и толстые. Сашка и носки мне связал уже новые, а сейчас дома себе вяжет варежки. Завтра в школу идти готовится.

Сашка! Чёрт, он же потеряет меня! Да уже потерял! Я ведь на колонку только пошла за водой. Это полчаса времени нужно, туда и обратно сходить. Меня же дома уже часа три нет! Я ж сначала все окрестные колонки обошла, чтобы убедиться в том, что воды нет нигде. А потом к Неве потащилась. Ох, ну не дура ли? Нужно было домой заскочить, санки взять. Заодно и Сашку бы предупредила. Он наверняка уже извёлся там от беспокойства. Не знает ведь, что со мной всё в порядке.

А теперь уж и не уйдёшь. Как я уйду? А воду кто передавать будет?

Небритый мужчина рядом со мной покачнулся и едва не пролил очередную кастрюлю. Потом он пробормотал: «Извините» и вышел из цепи. Но не ушёл, прошёл и встал в другую цепь, что параллельно нашей тянется на расстоянии метра в три. По той цепи пустые вёдра и чайники передают в обратном направлении.

Всё понятно. У него сил не хватает вёдра с водой передавать, но пустое ведро передать может. Теперь мне приходится делать с ведром не два, а четыре шага. Но нет, мальчишка в моей варежке на полшага приблизился ко мне. И женщина слева стала проходить чуть дальше. А вскоре подошла и встала между мной и этой женщиной какая-то девушка с противогазом на боку. Мальчишка сделал полшага от меня. Продолжаем передавать вёдра.

Всё это молча. Никто не говорит ни слова. Холодно. Всем холодно. Но никто не уходит. Хлеб!! Бомба повредила водопровод и на хлебозаводе отключили воду. А если не будет воды — не будет и хлебушка. Поэтому когда подходит кто-то новенький, долго объяснять ему ничего не нужно. Я тоже так подошла, мне сказали, что нужна вода для хлебозавода. Я выбрала место в цепи, где она мне пожиже показалась и встала между мальчиком и небритым мужчиной. Причём уже со своим чайником. Тот сразу из середины цепи поехал на завод.

А вон, кстати, и он. По цепи напротив меня пустым возвращается с завода мой зелёный чайник. Сейчас он доедет до Невы, там его наполнят, и он снова отправится на завод.

Какое-то шевеление происходит. А, сообщение по цепи передают. Говорят, не нужно больше наполнять ничего, кроме вёдер. На завод пустые вёдра подвезли, только в вёдра воду набирать. Их выливать удобнее. Но мой чайник всё равно уехал к Неве. Там велели складывать пустые невёдра. Потом хозяева свою посуду заберут.

Конечно, вёдра набирают не целиком. Едва на треть их наполняют водой. Полное ведро сейчас мало у кого хватит сил поднять. Я бы точно не смогла. И так руки отваливаются уже.

Тяжело.

Темнеть начало. А я ведь в одиннадцать ушла из дома. Представляю, каково там Сашке сейчас. Блин. Ну, что стоило мне зайти предупредить его? Дура безмозглая!

Наконец, когда я очень сильно устала, и уже совсем было решила перейти в цепь для передачи пустой тары, по этой цепи передали сообщение, что больше пустых вёдер не будет. Передать те, что уже в цепи

и всё. Более воды заводу не надо. Достаточно.

Вот к Неве проехало мимо меня последнее пустое ведро. Небритый мужчина развернулся и ушёл. А минут через десять я в последний раз сделала свои два шага навстречу мальчишке и отдала ему последнее ведро с водой. Всё! Ой, как руки болят!

Хотела пойти чайник свой искать у реки, а меня за рукав дёргают. Оборачиваюсь — тот самый мальчишка. Варёжку мне мою протягивает. Спасибо говорит. Я не взяла. Как же он, без варёжки-то? У меня дома старые варёжки ещё есть. А потом Саша новую мне свяжет. Бери себе, говорю. Тебе нужнее. Опять спасибо. И тоже ушёл.

Даже не знаю, как зовут его. Два часа рядом стояли, но так и не познакомились.

Нашла на берегу свой чайник. Хм. Кто-то уже наполнил его водой. А вот это здорово, не надо самой к проруби лезть. Подняла я чайник, да и пошла. Домой. Кушать хочу — жуть!

Знала бы, что так надолго иду, конфету бы взяла с собой. Вот дура, ну что стоило конфетку в карман сунуть? Сейчас бы покушала.

Ну, ничего. Уже близко. После поворота наш дом станет виден. Вон, как раз из-за этого поворота какая-то девчонка вышла, навстречу мне идёт. У неё пальто почти как моё, такое же красное. Правда, моё дома сейчас лежит. Я в Сашкином пальто вышла, оно теплее. Да и шапка её тоже на мою похожа, на белую, в которой я ночью сплю.

Что-то какая-то фигура у этой девчонки знакомая. Нет, пальто у неё не похоже на моё, оно вообще точно такое же! И шапка такая же! Так это же...

Сашка!!

Он тоже увидел и узнал меня. Остановился. Ждёт, пока я подойду. Сашка! Сашка, который три недели не выходил из дома, сегодня вышел на улицу. А вещи мои он надел, потому что больше нечего было. Ведь его пальто и шапка ушли на мне.

Подхожу ближе, смотрю, а он плачет. Стоит на месте, смотрит на меня и молча плачет. Какой глупый, ну зачем, зачем он вышел на улицу?! Он ведь ещё слабый! А Саша мне говорит:

— Лена, а я искать тебя пошёл. Ты так больше не делай, пожалуйста...

Глава 33

Вот интересно, и откуда они берутся, а? Вши эти несчастные. В мирное время-то не было их ни у кого. А тут расплодились как-то. Откуда взялись — непонятно. Бороться же с ними очень сложно. Лучше всего, понятно, помыться и постирать одежду. А ещё лучше прокипятить. Угу. Только где мыться-то? И стирать как? Сейчас это совсем не просто.

Чтобы постоянно не чесаться, я придумала способ хотя бы временного уменьшения количества этих паразитов на мне. Утром разжигала буржуйку, дожидалась, пока она раскалится, заставляла Сашку отвернуться к стене, а потом быстро раздевалась, стоя прямо рядом с буржуйкой. Любопытные, кстати, ощущения. Стоять голой можно только вплотную к буржуйке, прямо около неё. Так и получается, что одному боку горячо, обжигает, а второй бок мёрзнет.

Раздевшись, я брала молоток, раскладывала на столе свою одежду и простукивала ей молотком швы. Особенно в белье, там вшей больше скапливалось. Потом я вытряхивала из тряпокдохлых вшей, одевалась, брала чайник и уходила за водой. Пока я ходила, Сашка успевал так же простукать свою одежду.

Конечно, всех вшей таким способом не убьёшь. Кого-то я пропускала. Они ещё и в волосах у меня были. Но всё равно, на какое-то время их становилось меньше. Обычно, до вечера. В кровати-то они тоже были и как только мы с Сашей туда забирались, вши к нам возвращались.

А сегодня я помылась! Даже голову с мылом помыла. Сначала Саша подстриг меня, как сумел. Он коротко стриг, как мальчика. Ничего страшного, после победы снова косу отращу. Зато в коротких волосах вшей меньше будет. Конечно, получилось у Саши неровно и некрасиво, но пусть хоть так. Потом я его тоже подстригла. И так же неровно, как и он меня. Ну, а после стрижки купание началось. Так здорово! Я ведь последний раз в баню ещё в начале октября ходила, сейчас закрыты все бани. Но праздник же. Сегодня ведь Новый Год. Мы с Сашей решили, что назло всем фашистам у нас сегодня обязательно будет праздник. Мы с ним будем встречать Новый Год!

Уже три дня готовимся к нему. Позавчера по Сашиной крупяной карточке я купила бутылку водки. Крупы всё равно никакой не было и пришлось брать то, что давали, пока не начался январь и карточка не пропала. Вместо крупы, отчего-то, давали водку. По детским карточкам

ничего не давали, а по Сашиной дали.

Эту водку мне потом весьма удачно удалось обменять на комок сладкой земли. Очень большой комок, с мою голову размером. Это с Бадаевских складов земля. Там когда в сентябре пожар был, сахар расплавился и растёкся по земле. Как с едой плохо стало, люди принялись ходить к бывшим складам, да растёкшийся по земле сахар собирать. Вместе с землёй, понятно. Такую землю нужно залить водой и долго варить. Потом дать отстояться. Сама земля осядет на дне, а вода сверху будет сладкой и её можно пить.

Вчера мы продолжили готовиться к празднику. Стирку я устроила. Постирала простыню, а также бельё и рубашки себе и Саше. Не те, что на нас, понятно, а другие. Чтобы в чистое переодеться на праздник. Саша мне три рубашки своих отдал, из числа тех, что ему самому малы. Их, вообще-то, для Вовы берегли, но теперь это мои рубашки. Я ведь сейчас всё время в штанах хожу, а носить платье со штанами совсем неудобно. Своих же рубашек у меня почти не было. Всего две штуки, что я с синей юбкой надевала. Но они обе летние — тонкие и с короткими рукавами.

А сегодня, 31 декабря, у нас банно-прачечный день. Дров уже извели раза в три больше, чем в обычный день. И ещё будем жечь. Праздник! Пусть Гитлер сдохнет от злости, у нас праздник!

И мы с Сашей помылись! Воду я вчера полдня таскала. И сегодня таскала, мало воды оказалось. Сначала я мылась в тазике около буржуйки, а Саша сидел за столом и вязал. Потом мы поменялись. Я, уже чистая, сидела у стола и читала, Сашка же у меня за спиной плескался.

Теперь вот я в магазин пошла, а Саша дома остался стирать. Он всё ещё слабее меня. Мы простыню на постели поменять решили к Новому Году. Одну я вчера постирала, а сегодня мы сняли с кровати ту, что там лежала весь последний месяц. Саша её теперь и стирает, пока в комнате тепло. Мало ли, вдруг ещё захотим простыню менять. У нас чистая уже будет.

Ой, очередь! Очередь в гастрономе! Скорее. Что-то привезли. Дяденька, Вы последний? Тогда я за Вами. А что дают-то?..

Когда я вернулась с покупками домой, то прямо так и ахнула. Ёлка! Сашка всё же сделал это! Действительно, добыл ёлку. Какое чудо! А я ещё не верила ему, когда он сказал, что обязательно что-нибудь придумает и у нас будет ёлка.

Сашка молодец, придумал. Он нашёл кисточки и краски моего папы и ёлку просто нарисовал гуашью на задней стенке шкафа! Шкаф у нас

поперёк комнаты стоит, не у стены. Вот Саша и нарисовал на нём большую зелёную ёлку.

Конечно, получилось немного кривовато, Саша ведь не художник. Ну и не важно! Всё равно у нас ёлка есть. И мы сейчас даже украсим её настоящими ёлочными игрушками. Саша уже вбил в ветки нарисованной ёлки маленькие гвоздики, на них игрушки вешать можно. Он меня ждал ёлку украшать, так как не знал, где у нас в комнате ёлочные украшения хранятся.

Теперь пришла моя очередь Сашу удивить. Я подошла к столу и стала выкладывать на него свои трофеи. К празднику в наш гастроном продукты подвезли. Я купила сегодня полкило мясного студня, полкило соевых конфет, три картофелины и бутылку пива. Пиво давали по детским карточкам вместо крупы. Кроме пива ничего не было. Пришлось взять, а то завтра эта карточка всё равно сгорит. В буквальном смысле сгорит. Мы ей печку растопим, ни на что другое она уже будет непригодна.

Кроме перечисленных продуктов я принесла ещё кусочек шоколадки на 25 грамм и баночку шпрот. Совсем крошечную баночку, я раньше даже и не знала, что такие малюсенькие вообще выпускают. Причём шоколад и шпроты я не покупала. Их бесплатно раздавали по детским хлебным карточкам. Достаточно было предъявить детскую хлебную карточку, как на ней делали пометку и выдавали шпроты и кусочек шоколадки. Бесплатно. Это был подарок детям от Ленгорисполкома.

Как обидно, что у Саши больше не детская карточка! Несправедливо. Мы с ним учимся в одном классе, живём в одной комнате, даже спим в одной кровати. Но мне дали шпроты и шоколад, а ему — нет.

А потом я вытащила из глубины шкафа коробку с ёлочными украшениями, мы её открыли и... Мамочки! Клад!!

Лёнька. Милый мой хороший любимый братик Лёнечка. Как же я рада тому, что ты у меня такой ленивый лентяй! Спасибо тебе, Лёнечка. Спасибо!

В прошлом году, как я помню, разряжал новогоднюю ёлку Лёнька. Мишка был уже в армии, я убежала кататься на санках, а Лёнька убирал игрушки. Но ему, видимо, некогда было. Куда-то он спешил. Вот и покидал Лёнька в ящик с игрушками всё, что висело на ёлке. А сейчас мы с Сашей это нашли.

Мы разобрали всю коробку, достали оттуда всё-всё, боясь что-нибудь пропустить. Нам удалось найти шесть завернутых в фольгу грецких орехов и двенадцать конфет. Причём не соевых, а настоящих, довоенных конфет «Мишка на севере».

А я подумала, что когда Вова умирал от голода, еда лежала от него в двух шагах. Если бы мы нашли эти конфеты тогда, возможно, он сейчас был бы жив. Ему ведь всего пяти дней не хватило. Как обидно.

При свете коптилки мы с Сашей нарядили нарисованную ёлку настоящими игрушками. Потом же начался праздник. Мы встречали Новый Год. Назло фашистам, встречали!

Открыли бутылку пива, и выпили по половине стакана. Ни я, ни Саша пиво раньше не пробовали. Обоим нам оно не понравилось, но о том, чтобы его выбросить и речи не было. Ведь пиво — это не вода. Думаю, по питательности оно не сильно уступает дрожжевому супу, который нам в школе дают. Тот тоже жидкий, одна вода. Пиво придётся выпить. Причём сегодня выпить, иначе за ночь оно обязательно замёрзнет в бутылке.

Я поставила вариться сладкую землю, а Саша расколол два грецких ореха. Конечно, они давно высохли, но мы всё равно съели их. Студня мясного поели. До войны я такую дрянь, как этот студень, в рот ни за что бы не взяла. А сейчас кушала с удовольствием. И ещё бы съела, если бы было.

У нас очень хороший праздник получился. В комнате около буржуйки стало тепло. Мы с Сашей сняли с себя кофты, оставшись в рубашках, а я причесалась и даже нарядилась немного. Я надела золотые серёжки, которые мне баба Таня подарила. Впервые в жизни надела настоящие взрослые серёжки. До этого у меня только детские были, почти игрушечные. А сегодня вот и настоящие надела. Наверное, я глупо выглядела. Ведь верхняя одежда на мне вся была Сашкина, из которой он вырос. И штаны и рубашка — его. Да ещё и подстрижена была как мальчик, причём неровно. Но при этом — золотые серёжки в ушах. Подошла к зеркалу полюбоваться на себя, а из зеркала на меня худой рыжий мальчишка смотрит. Н-да, ну и видок. Точно, мальчишка-неряха. Причём этот идиот зачем-то женские серёжки себе в уши вставил. Хотела было надеть платье, но передумала. Всё же, прохладно у нас, если от печки отойти. Так буду ходить, наплевать, что Сашка улыбается при виде меня. Он сам, кстати, и виноват. Это он так криво подстриг меня.

Допив пиво, я слила воду из кастрюльки с землёй и насыпала в эту воду чайной заварки. И мы с Сашей пили сладкий чай с настоящими конфетами. А ещё мы слушали радио.

Совинформбюро передало, что наши продолжают гнать фашистов. Сегодня Калугу освободили. Трофеи большие. Потом товарищ Жданов выступал по радио. Мы же с Сашей рядом сидели на стульях у раскалённой буржуйки, держались за руки и пили горячий сладкий чай.

Товарищ Жданов закончил, и радио нам переключили на Москву. Теперь выступал уже сам товарищ Сталин. Говорил об итогах года, чего мы добились, и что фашистам удалось разрушить. И что в наступающем году всё будет хорошо и мы победим. Про Ленинград товарищ Сталин тоже сказал. Он сказал, что героическая оборона города не позволила фашистам перебросить дополнительные войска под Москву. И что наше продолжающееся зимнее наступление во многом — заслуга ленинградцев.

Я открыла баночку шпрот и размазала по одной рыбке на двух сушёных кусочках хлеба. Себе и Саше. Мы ели их медленно-медленно. Ведь праздник!

А потом по радио стали передавать бой курантов.

И ещё у нас был салют. У нас был самый настоящий праздничный новогодний салют! Мы давно уже научились по звуку определять, какие именно орудия стреляют в городе. Знали, когда стреляют от нас, а когда по нам. Поэтому сразу поняли, что это такое. Ровно в полночь, одновременно с двенадцатым ударом курантов на Спасской башне в Москве, раздался знакомый грохот. Это корабли стоящего на Неве Балтфлота ударили по фашистам из всех орудий сразу!

А Саша рядом со мной слегка сжал мне ладонь пальцами и тихо-тихо, но очень зло прошипел себе под нос:

— С Новым Годом, суки...

Глава 34

Шаги. Кто-то всё-таки идёт. А я уж и уходить хотела. Думала, не откроют. Но нет, всё же не все там умерли. Медленные, шаркающие шаги. Слышу, как поворачивается ключ в замке.

Наконец, открылась дверь. Передо мной ребёнок лет пяти-шести, в пальто и шапке. В коридоре темно. Ребёнок держит в руке горящую свечу. Никак не пойму в её свете, мальчик это или девочка. Спросила его, не он ли будет мальчик Боря? В ответ какой-то неразборчивый шёпот.

Ребёнок закрыл дверь и жестом приглашает меня пройти куда-то вглубь квартиры. Я прошла вместе с этим ребёнком в его комнату. Темно и холодно, окно фанерой заделано. Всё освещение — свеча в руке ребёнка. Так это он или не он? Опять спросила, не Боря ли он. На этот раз говорить ребёнок не пытался, просто кивнул мне. Наконец-то. Полдела сделано. Я его нашла, он жив и даже способен ходить. Отлично!

Объявила Боре, что я из школы и сегодня в нашей школе будет новогодняя ёлка. Но не только для школьников, а вообще для всех ребят, кто придёт туда. А после представления будет горячий обед! Из трёх блюд, причём даже без выреза из карточек! И будут давать подарки.

Слова об обеде Боря очень сильно заинтересовали. Он заволновался и опять стал что-то шептать. Но я не поняла ничего, слишком уж тихо он говорил. Давай, говорю, пошли. В чём ты на улицу выходишь?

Боря же, я вижу, расстроился. Качает головой и показывает рукой на свои ноги. Наверное, хочет сказать, что не дойдёт.

Вот ещё, глупости какие! Не дойдёт он, видите ли. Дойдёшь, со мной дойдёшь, как миленький. Я санки привезла с собой, внизу подъезда стоят. Одевайся, я на санках тебя довезу и туда и обратно! Ёлка в школе! Праздник! И у тебя тоже сегодня будет праздник. Будет!

Этот мальчик Боря в списках нашего отряда был помечен как ослабевший. Это означало, что самостоятельно дойти до школы он не может, но пока ещё не умирает. Я вот, например, дойти до школы могу, а потому ослабевшей не считаюсь. Хотя кушать хочу постоянно. Саша тоже больше не ослабевший. Он, кстати, опять дежурить на чердаке начал. С первого января записал себя в график. Только напарник у него теперь не пропавший неизвестно куда Валька, а тётя Люся, у которой дочка Варенька умерла. Она хоть и в другом подъезде живёт, но чердак у нас общий.

Привезти в школу на санках ослабевших ребят — это была инициатива

Кольки Говорунова из 6-А. Он на сборе первый сказал, что прийти сами смогут не все. Давайте, говорит, на санках привезём тех, кто сам не дойдёт, но празднику радоваться ещё может. То есть не совсем умирающих. Тем более, им эта ёлка нужнее. Кольку, конечно, поддержали, а потом его же и отправили к директору, объявить наше решение. И список ему дали, кого привезти хотим дополнительно. Там в списке 18 ребят было от пяти до восьми лет.

Без директора такой вопрос решать нельзя, обязательно уведомить нужно. Ведь 18 дополнительных ребят — это ещё 18 обедов и столько же подарков. А с едой сейчас очень плохо. Учёт строжайший, чуть ли не по ложкам. Мне даже представить страшно, чего стоило Алевтине Васильевне выбить эти дополнительные 18 обедов. Но она с нами согласилась. Везите, говорит, накормим и их. А сегодня, 4 января, ребята кто посильнее у нас в отряде, пошли по адресам на санках везти задохликов в школу. Мне вот Боря достался. А Саша в школе сейчас, столы двигает, посуду расставляет.

Боря, смотрю, одеваться не спешит. Впрочем, он и так одет уже. Да и недалеко школа наша, летом минут за десять отсюда дойти можно. Сейчас дольше, конечно. Сугробы кругом. Ну, раз Боря не делает ничего, придётся мне самой. Взяла я у него свечку и полезла с ней в шкаф. Порылась там и нашла какую-то старую шаль. Ладно, сойдёт. С виду она тёплая. Ещё и одеяло шерстяное с кровати захватила. Пошли, Боря. Я тебя в шаль укутаю, на санки посажу, и сверху одеялом накрою. Ой, да не понимаю я, что ты там шепчешь. Пойдём, праздник сегодня!..

Привезла я Борю в школу, мы поставили у входа санки, и зашли внутрь. Тёмный мрачный коридор, окна с выбитыми стёклами, в снегу на полу протоптаны тропинки. Ничего, Боря, сейчас ты удивишься. Я и сама удивилась, когда в первый раз увидела.

Провела я Борю к нашей школьной столовой, вошли внутрь и... мы сразу как будто в другой мир попали. Наши учителя и старшеклассники совершили буквально чудо. Во всех окнах стёкла. Где-то нашли их и застеклили окна столовой. Электрическое освещение. И тепло. Очень тепло. В школу привезли уголь. Немного, но привезли. Наш школьный истопник сейчас на фронте, но девчонки-старшеклассницы и без него смогли запустить школьную кочегарку. Причём так, чтобы отапливать одну только столовую. Топить всю школу бесполезно, стёкол-то нет в окнах. Да и угля мало.

Боря стоит у двери, держит меня за руку и, кажется, не верит своим глазам. Тепло, светло, едой пахнет. И ёлка, большая новогодняя ёлка,

украшенная игрушками. Настоящая, не нарисованная. Правда, на самом деле это сосна, ёлку не достали. Ну, и какая разница? Да хоть кактус! Всё равно у нас праздник!

Я помогла Боре снять пальто и шапку и отвела его к другим ребятам похожего возраста, что тихо сидели у стены на лавочках. В мирное время тут, конечно, сейчас стоял бы страшный галдёж. Но сейчас дети сидят тихо и почти неподвижно. Да, а у Бори, когда я сняла ему шапку, оказались на голове волосы точно такого же огненно-рыжего цвета, как и у меня. Интересно, меня специально послали за Борей, потому что мы оба рыжие, или это случайно так получилось?

Постепенно собрались почти все, кто должен был прийти. Не хватало двоих. Одна девочка из 1-А ослабела настолько, что её уже нельзя было везти сюда даже на санках. А Горелов из 2-Б сейчас в госпитале с воспалением лёгких. Он шёл домой с колонки, упал и пролил на себя всю воду. Пока он возвращался к колонке за новой водой да пока тащил её домой, сильно замёрз. И дома холодно было. Вот так и попал он в госпиталь.

Начался праздник. Бородатый учитель физики играл на баяне, ребята, кто посильнее, водили хоровод вокруг сделанной из сосны ёлки, приходил Дед Мороз со своей Снегурочкой. Я тоже участвовала в подготовке этой ёлки, потому знаю, как все старались расшевелить, развеселить малышню, заставить их хоть на время забыть о царящем вокруг ужасе, дать возможность улыбнуться. Вот, чтобы рассмешить их, придумали необычного Деда Мороза и Снегурочку.

Дедом Морозом нарядили самую мелкую девчонку из 3 класса. Снегурочкой же наоборот был самый высокий старшеклассник. Кажется, из 10-А класса. По-моему, получилось очень смешно. У Деда Мороза посох на полметра выше головы. Посох всё время падал, и Снегурочке приходилось его поддерживать. Борода у Деда Мороза тащилась по полу. А сзади из-под шапки у него торчали две смешные косички. Снегурочка же была вдвое выше Деда Мороза, а над верхней губой у неё были хорошо заметны небольшие усики.

Забавно было слушать, как Дед Мороз писклявым девчачьим голоском называет Снегурочку внученькой, а та отвечает ему густым басом. Малыши, даже самые слабые и хмурые, постепенно начали улыбаться и даже хихикать. Только мой Боря и ещё пара мальчишек сидели с унылым видом. Я знаю, это самое страшное. Сейчас так и умирают. Человек сначала перестаёт всем интересоваться, потом ложится, а потом его везут на пункт приёма трупов.

Но Боря, всё же, улыбнулся. Когда Дед Мороз случайно наступил на свою бороду, и она у него отвалилась, не выдержал даже Боря. Снегурочка со словами: «Что ж ты так неаккуратно, дедуля?» крепила бороду обратно, а Боря смотрел на это и улыбался.

А потом ребят пригласили к столу, и начался обещанный обед. На первое был суп из капусты, на второе крошечная, с грецкий орех, котлетка с какими-то подозрительного серого цвета макаронами, а на третье — сладкий компот. И всё это горячее!

Я тоже очень хотела кушать, но количество обедов было строго ограничено. Лишних не было. Те два, что остались, решили отнести первокласснице, которая так ослабела, что на ёлку не смогла даже приехать.

Обед закончился очень быстро. Порции-то были крошечные. Ребята наверняка и вчетверо больше съели бы, если бы было. Я забрала Борю, помогла ему одеться, обмотала поверх пальто шалью и мы с ним ушли. Сашка остался в школе, помогать убрать со столов и помыть посуду. Правда, там мыть особо и нечего было. Дети свои тарелки в самом буквальном смысле слова вылизывали. На тарелках вообще ничего не оставалось. Да, а перед уходом Боре ещё и подарок дали — небольшой бумажный пакетик.

Пока ехали к Бориному дому, Боря как-то сомлел. Кажется, спать захотел. На этот раз дома у Бори была мама. Она затискала и зацеловала ребёнка, а меня обозвала идиоткой. Борова мама за хлебом ходила. Вернулась из булочной — а сына нет дома. Куда бежать, где искать — непонятно. Нда. Это я, конечно, сглупила. Фактически ведь, похитила ребёнка. Нужно было записку оставить.

Борова мама разожгла буржуйку и стала укладывать Борю спать. А я ещё раз извинилась, положила на стол Борин пакетик с подарком, и тихонько шмыгнула за дверь.

По дороге домой я зашла в булочную за нашими пайками, а потом в гастроном. Очереди там нет — значит и еды нет, пошла дальше. Вообще, нужно бы попробовать в столовую сходить. Девчонки рассказывали, что в столовой лучше питаться, чем самому продукты покупать. Конечно, в столовой из всех карточек вырезать будут, но это всё равно выгоднее получается. Еды больше и она разнообразней. Наверное, завтра попробуем с Сашей в столовую пройти. А сегодня у нас ещё одна картофелина есть, и масла от шпрот чуть осталось. Сварю из этого суп сейчас.

Наконец, я дома. Сашка уже вернулся из школы, около стола сидит, держит в руке рыжую бумажку. Какой-то у него вид странный.

— Саш, печку разожги. Я суп из картошки сварю нам. А завтра в столовую пойдём, хорошо?

— Лен, тут такое дело...

— Какое дело? Печку, говорю, разожги.

— Понимаешь, я вернулся из школы, а она там лежит.

— Кто лежит? Где лежит?

— В почтовом ящике, на входной двери.

— И что там лежит?

— Вот. Она.

— А что это такое?

— Лена, ты только не плачь, пожалуйста.

— ?

— Лен, Мишу убили. Это похоронка...

Глава 35

У Мишки даже и могилы нормальной не будет. Как и у мамы с папой. Как у Вовы. Хотя у Вовы ещё есть надежда. Я ведь прицепила ему на шею коробочку с запиской о нём. Даже если его через сто лет откопают, всё равно могут перезахоронить и написать на могиле имя. У Мишки же этого не будет никогда.

Впрочем, он ведь всегда мечтал стать моряком. Вот он и стал им. Думаю, если бы можно было спросить об этом самого Мишку, он и сам предпочёл бы быть похороненным именно так — в море. Миша очень любил море.

Мы с Сашей нашли в атласе место, где погиб Миша. В похоронке был указан квадрат со стороной примерно в двести километров. Это случилось 12 октября, где-то в южной части Норвежского моря. Как погиб Миша неизвестно. Написано только, что «верный воинской присяге, проявив героизм и мужество».

А ещё в похоронке было написано, что она является документом для возбуждения ходатайства о пенсии. Может быть, с ней нужно было в военкомат пойти? Но я не уверена, что мне полагается пенсия в связи с гибелью Миши. Он ведь не отец мне, а брат. Отец у меня вообще пропал без вести. Мёртвым его никто не видел. Конечно, скорее всего, его давно уже похоронили в братской могиле, как и тысячи других ленинградцев. Но полной уверенности в этом нет.

Кроме того, я просто боюсь идти в военкомат. Ведь мы с Сашкой вдвоём живём. Ему двенадцать, а мне вообще одиннадцать лет. Взрослых вовсе нет в квартире. У Сашки, конечно, папа жив, а у меня Лёнька есть. Надеюсь. То есть, мы вроде как не совсем круглые сироты. Но дядя Игорь и Лёнька на войне. Вот и опасаясь я, как бы кто не заинтересовался двумя живущими самостоятельно детьми. Нас с Сашкой ведь могут в детский дом отправить.

С другой стороны, в детдоме смерть от голода точно грозить не будет. Даже вот не знаю, что и лучше. Один раз спасло нас с Сашей настоящее чудо. А если опять еда закончится? Нового чуда ждать?

И всё равно, ни я, ни Саша уходить в неизвестность из родного дома, где всю жизнь прожили, не желаем. Тут у нас всё своё, всё такое родное и знакомое. Здесь наш дом. Хлебную норму увеличили, а мы, к тому же, вот уже неделю, как в столовую начали ходить с Сашей. Действительно,

питаться в столовой лучше, чем дома. Мы не один хлеб едим теперь.

Вот и сейчас мы с Сашей из столовой домой возвращаемся. Сегодня давали на первое суп, то есть тёплую воду, в которой иногда встречались кусочки капусты, а на второе чуть-чуть макарон с соевой котлеткой. На третье была какая-то светло-бурая чуть сладковатая жидкость, которая в меню скромно называлась «чайным напитком». За это нам в столовой из всех карточек вырезают, кроме хлебной. Хлеб в столовой не дают. Некоторые с собой приносят, но мы с Сашей так не делаем. Мы хлеб дома кушаем, это ведь самое вкусное, что только есть на свете. В общем, приспособились как-то. Если бы не обстрелы, бомбёжки и жуткий холод, то за себя с Сашей я была бы спокойна.

Впрочем, обстрелов и бомбёжек меньше стало. Во всяком случае, того кошмара, что был в сентябре-октябре, уже нет. Наверное, Гитлеру его пушки и самолёты где-то в другом месте понадобились. А может наши большее отвечать стали. Я заметила, что теперь едва фашисты начинают стрелять по городу, так им сразу же отвечают наши артиллеристы. И зениток у нас больше стало, и истребители советские теперь чаще над городом появляются. Прошлой ночью, например, Сашкина очередь была на чердаке дежурить, а он всю ночь в кровати провёл, рядом со мной. За всю ночь тревогу ни разу не объявили, хотя зенитки, вроде, и стреляли. А может и нет. Привыкла я давно к их выстрелам, не замечаю даже уже. Примерно так же я до войны на карканье ворон реагировала. Вроде как «меня это не касается».

Сашка пихает меня локтем в бок, показывает что-то. Ой, там пожар, машины пожарные приехали, народ толпится. Точно, тревогу же объявляли, пока мы с Сашей в очереди за обедом стояли. В столовой бомбоубежище было, но мы не полезли туда. Да и тревога-то всего минут двадцать была, потом отбой дали. Фашистов, значит, или сбили или отогнали. Но куда-то, получается, попали всё-таки гады, подожгли что-то.

Чего там горит-то? А, понятно. Эти сволочи детскую библиотеку подожгли. Ту самую, куда Мишка ходил. Я и Лёнька тоже туда записаны были, но мы редко ходили. Как-то мы не очень любили читать. А вот Мишка любил, особенно если про море или приключения. Мишка очень много читал, а потом часто мне пересказывал. Мне самой читать не очень нравилось, но слушать, как Мишка пересказывает прочитанную книгу, я очень любила. Вечером лягу спать, а Мишка садится рядом с моей кроватью на стул и тихонько, чтобы не мешать остальным, рассказывает мне о морях, плаваниях, экспедициях, исследователях, путешественниках. Очень интересно.

Мишка. Суки.

Одноэтажное здание библиотеки уже всё охвачено огнём. Вижу, что его не спасти. Да и пожарные не столько тушат, сколько стараются не допустить того, чтобы на соседние дома огонь перекинулся.

На противоположной от пылающего здания библиотеки стороне улицы прямо на снегу гора книг. Рядом стоят две женщины. Подойдя поближе, я узнала одну из них — она в библиотеке раньше работала, я книги у неё брала. Помню, как она прорабатывала меня за то, что когда я принесла сдавать сборник русских народных сказок, у того корешок немного порвался. А я вовсе не виновата была. Это Сашка меня за косу дёрнул, а я огрела его этими сказками по голове. Я же не знала, что от этого у них корешок порвётся. Но ей разве объяснишь? Минут десять нотацію мне читала.

А теперь вот эта библиотекарша и ещё кто-то стоят рядом с кучей книг на снегу. Что-то говорят. Чего? Ну, хорошо. Это можно.

Они просят всех прохожих взять с собой хоть сколько-то книг, чтобы они не пропали. Они, оказывается, сами, вдвоём, выносили их из горящего здания, хотели спасти. Некоторые подходят к куче, берут. Мы с Сашкой тоже по паре книжек взяли. Я специально самые рваные выбрала, которые другие люди не брали. Это Мишка меня научил. Он говорил, что в библиотеке именно так нужно книги выбирать. Если книга ветхая, значит, либо очень старая, либо интересная. Её читали много, вот и истрепалась. Так мне и говорил, раз, мол, сама не разбираешься, ищи самые рваные книги.

Дома посмотрим, что подобрали, на морозе этим заниматься неудобно. В крайнем случае, книги можно и в печке сжечь. Хотя это будет некрасиво по отношению к этим женщинам. Они книги спасали из огня, а я жечь собралась их. Нехорошо. Нет, не будем жечь. Да и дрова-то есть пока. К тому же, мы с Сашей больше времени стараемся в школе проводить. Утром вообще буржуйку не зажигаем, сразу из постели отправляемся в школу. Нам только пальто надеть — вот мы и готовы. Спим-то полностью одетые.

А в школе занятия опять начались. Стёкла в столовой пока ещё целы. Для всех окон столовой ставни сделали, окна закрыты ставнями всегда. Электричество в столовой есть, тепло есть — чего надо ещё? В нашей кочегарке старшеклассники по очереди дежурят. Угля мало, но мы посчитали, что если отапливать только одну столовую, то должно хватить почти до конца марта. В школе даже туалет работает. Правда, туалет не отапливается и света там нет. Но всё равно это удобнее, чем ведро за шкафом.

Все классы занимаются вместе, в этой столовой. Нам там очень тесно, по трое за партами сидим. И неудобно. Соседние уроки на наш накладываются, и получается фигня. У нас контрольная по математике, а мне с одной стороны про французскую Коммуну рассказывают, а с другой про химические свойства калия. При этом ещё слышу, как какой-то отличник бойко перечисляет все европейские столицы.

Зато в школе тепло! Там так тепло, что мы и пальто и шапки снимаем. Домашнее задание мы тоже в школе делаем. Дома-то темно и холодно. Мы теперь даже портфели домой не уносим, так они в партах и лежат. С тетрадями вот только совсем плохо. Настоящих тетрадей почти ни у кого не осталось. Пишут кто на газетах, кто на книгах. Мы с Сашей, наверное, лучше всех устроились. Я раскопала в папиных вещах запас альбомов для рисования, он в них эскизы афиш рисовал. Там у него было шесть чистых альбомов и один заполненный примерно наполовину. Вот мы с Сашей теперь в таких альбомах и пишем, на прекрасной белой бумаге. Нам все завидуют. Правда, эти наши альбомы-тетради вынужденно используются на всех предметах сразу. Поэтому путаница там страшная, тяжело бывает найти что-то. Но по-другому никак. Тетрадей нет, и не предвидится.

В школе нас ещё и кормят обедом. Как правило, это опостылевший дрожжевой суп или каша из чечевицы и соевое молоко. Иногда ещё какой-то витаминный отвар из хвои дают. Его мы с Сашей тоже пьём, хотя нам он, наверное, и не нужен. У нас ещё запас довоенных витаминок не закончился, каждый вечер по одной съедаем. Я думаю, что проблема голода перед нами больше не стоит. С довоенным изобилием, конечно, и сравнивать смешно, но угроза голодной смерти отступила.

Но это мы с Сашей такие везучие. Нас дядя Игорь спас в самый критический момент. В самые страшные дни середины декабря, когда город выживал из последних сил, мы получили возможность хорошо питаться. Когда 25 числа норму хлеба повысили, мы с Сашей уже и так были выздоравливающими. А ведь для многих это повышение нормы произошло слишком поздно.

Столовые вот стали открывать в городе. Там снабжение лучше, чем в магазинах. В столовой накормят обязательно, а в магазин идёшь совершенно безо всякой уверенности в том, что удастся хоть что-то купить. Я вот в новом году ещё ни разу ничего купить не смогла. Как 31 декабря принесла домой продукты — так и всё. Больше в наш магазин не завозили совсем ничего. А столовая работает. Но ведь очень многие сейчас просто не в состоянии до этой столовой дойти. И нынешние 200 граммов хлеба — это, конечно, гораздо больше декабрьских 125 грамм, но всё равно этого

очень мало, если никакой другой еды нет.

Наш отряд помогает, конечно, по мере сил. Но всем мы не поможем, да и тем, кому помогаем, помогаем лишь делами, но не едой. За водой ходим, дрова для буржуйки рубим, если есть что рубить. За хлебом ещё можем сходить. А вот никакие другие карточки, кроме хлебных, отоваривать не помогаем. Так мы на сборе решили, потому что очень уж много времени и сил отнимают попытки что-то получить по мясным или крупяным карточкам, причём даже безо всякой гарантии успеха.

У нас каждый в отряде взял шефство над какой-нибудь одной семьёй. Сейчас чаще семьями спасаются и умирают тоже семьями. Ведь когда кто-то в семье начинает сдавать, остальные пытаются поддержать его за свой счёт и сами незаметно переходят грань. Так Сашка пытался спасти Вовку, я потом пыталась спасти Сашку, в результате едва не умерли все.

По моей просьбе, меня к семье Верки Масловой прикрепили. Очень мне её младшую сестру жалко. Её, кстати, Лизой зовут. Кроме Верки, её мамы и Лизы, с ними в комнате живёт ещё и соседка, баба Рита. Когда я впервые пришла к ним, баба Рита уже не вставала, а Верка едва могла ходить на опухших ногах по комнате. Мама Верки чувствовала себя относительно неплохо, так как съедала две пайки. Но всё равно у неё молоко пропало и Лизе стало нечего кушать. Моя банка сгущенного молока пришлось очень кстати. Конечно, ни капли этого молока никому, кроме Лизы, не давали. Только это ведь всего одна баночка. Её надолго не хватит.

Но Веркина мама справилась, достала еду. Верка рассказала мне, что мама куда-то уходила, а затем вернулась без обручального кольца, но с целым килограммом сушёного гороха и большим куском студня. Всё это её мама съела одна, ни с кем не делилась. Зато через два дня молоко к ней вернулось, и Лиза была спасена.

Ходить за водой или рубить дрова Масловым не требовалось, с этим вполне Верина мама сама справлялась. Моё шефство заключалось в том, что я возила саму Верку на санках в столовую, где она по своим карточкам могла получать обед. Когда я первый раз посадила её за стол, а потом принесла и поставила перед ней похлёбку с отрубями, Верка даже заплакала. Похлёбка же в её тарелке закончилась быстрее, чем я успела принести ей второе.

А мне теперь нужно нового подшефного себе искать. Сегодня я в последний раз помогла Верке — донесла ей в школу её портфель. Верка шаталась, иногда цеплялась за меня, но шла сама. Она пришла в школу! И сегодня она обедает два раза — в школе и в столовой. А если бы я тогда не принесла им банку сгущённого молока, то они, пытаясь спасти Любу,

скорее всего, умерли бы все, кроме, возможно, Веркиной мамы. Потому и говорю, что умирают и выживают обычно семьями.

Ну, вот мы и дома. Темнеет. Поднимаемся с Сашей на наш этаж, подходим к двери, и в слабом сумеречном свете видим, что в почтовом ящике у нас что-то лежит. Сердце бешено забилося в груди. Опять похоронка? Лёнька? Дядя Игорь? Может, дядя Серёжа?

Торопливо, срывая ногти, распахиваем в четыре руки ящик. Серый бумажный треугольник. А это не похоронка. Письмо! Письмо!!

Лёнька!

Лёнька письмо прислал!!

Он жив!!!

Глава 36

(Два письма)

* * *

Дорогие мама, папа и Ленка!

Это я, ваш Лёнька. Почему не отвечаете на мои прошлые письма? Я очень волнуюсь за вас всех. Мы знаем, что Ленинград окружён и у вас там плохо с продовольствием. Как у вас дела? Все ли живы и здоровы? Не писал ли что-нибудь наш brave моряк Мишка? Я сам написал ему, но мне он пока не ответил.

Может быть, мои прошлые письма не дошли до вас? Я уже три раза писал, а вы всё молчите. Пожалуйста, ответьте хоть что-нибудь. Я очень волнуюсь.

Если мои письма не дошли, то повторю ещё раз. Служу я сейчас на Западном фронте, в 16-й армии. Я теперь танкист. Я механик-водитель на танке Т-26. Меня учили два месяца, прежде чем доверили управлять танком в бою. Самый первый раз в бой я попал 8 сентября, когда мы пытались отбить у фашистов деревню <ЗАМАЗАНО ЧЁРНЫМ>. Было очень страшно, пули щёлкали по броне. Но наш танк не подбили, хотя и деревню мы тогда не отбили.

Танк у нас хоть и старенький, 32 года выпуска, но вполне исправный. У нашего танка две башни и в каждой башне стоит пулемёт. Пулемёты можно быстро снять и вынести из танка, если нужно. Один раз мы так делали, потому что кончилось горючее. Мы сняли пулемёты и оборудовали две пулемётные позиции в окопе. Хотели танк взрывать и дальше воевать с пехотой. К счастью, горючее скоро подвезли и пулемёты мы вернули обратно в танк.

Некоторые говорят, что Т-26 — это плохой танк. Пушечные ещё на что-то годны, а пулемётные — вообще дерьмо. Не верьте им, это не так! Наш танк очень хороший. А командир нашего

танка сержант Николай <ЗАМАЗАНО ЧЁРНЫМ> говорит, что если у кого руки из жопы растут, а вместо головы валенок, то ему хоть какой танк дай, всё равно проиграет.

Сейчас я расскажу вам про бой, который случился 17 ноября недалеко от города Клин. Фашисты наступали с утра и к обеду выбили наших из первой линии окопов. Наши бойцы отступили во вторую линию и тут на помощь подошли мы. Мы — это наш танк. Нас ещё с ночи послали на усиление. Послали три танка — наш, пушечный Т-26 и новенький Т-34. Пушечный по дороге сломался, а у водителя Т-34 точно руки из жопы. Он правой гусенякой в какую-то канаву ухитрился съехать и танк у них на бок перевернулся. Козёл косорукий, а не водитель. Потому так и получилось, что из трёх посланных танков поддерживать наших в обороне добрался только наш, который самым слабым из трёх все считали.

Дали приказ контратаковать фашистов и выбить их из наших окопов. А как атаковать? Наших бойцов человек сто пятьдесят осталось, да и устали все. Там фашистов больше в окопе сидит. И ещё у фашистов два бронеавтомобиля были. Но приказ дали, нужно атаковать. Поднялись наши и в атаку побежали, а впереди наш танк единственный.

Только фашисты стрелять начали и наши залегли. Тогда Николай и говорит мне, давай, мол, Лёнька, жми на них, да и остановись прямо над окопом. Так я и сделал. На всей скорости подлетели мы, да над окопом резко и встали, только земля в разные стороны. Вот и стоим враскоряку, окоп прямо под танком проходит и в обе стороны тянется.

Николай развернул правую башню направо, а Димка свою левую — налево. Да и принялись с двух стволов окоп поливать. Я после боя ходил смотреть, что мы натворили. Это мясорубка была какая-то. Только один наш танк не меньше семидесяти фашистов расстрелял в окопе. Окоп прямой, спрятаться там негде, а фашисты тесно сидели, в нитку прямо по линии огня вытянулись. Да и расстояние совсем маленькое. Там одна пуля по несколько фашистов могла насквозь прошить. А Николай с Димкой каждый по четыре магазина расстреляли.

По нам бронеавтомобили стрелять стали, только наши 13 мм брони им не по зубам были. Я бронещиток опустил над своей смотровой щелью, а пули прямо градом по броне бьют. Мы по

автомобилям не стреляли, знали уже, что в лоб из пулемёта не взять нам его. Но потом один фашистский автомобиль захотел, то ли нам с борта зайти, то ли на нашу пехоту напасть, поехал вперёд, да неосторожно сам борт свой подставил. Наш командир не растерялся, быстро поменял магазин в пулемёте, вставив с бронебойными пулями. Да бронебойными метров с трёхсот фашисту в борт! Тот проехал ещё немного, и встал. Там всех внутри побито в кашу!

Вот, а была бы у нас одна башня, не смогли бы мы так. Тот же Т-34 новенький здесь один бы не справился, а мы справились. А Т-34 фашисты бы гранатами закидали. Нас же не смогли, к нам не подобраться им было.

Самое опасное, это если бы прямо под танком фашисты оказались. Броня в днище у нас слабая. В упор её и из винтовки можно пробить. Но фашистов под нами не оказалось. Наверное, все разбежались в стороны, когда мы к окопу летели.

Приказ мы тогда выполнили и фашистов выбили. Не выдержали они атаки одного советского Т-26, побежали. И последний их броневомобиль уехал, пятясь задом. Мы ему ничего сделать не могли, жалко, что наш пушечный Т-26 сломался, был бы он с нами, не ушёл бы никто! А пока фашисты удирали к лесу, мы им ещё добавили из пулемётов. Штук тридцать положили на поле. И в плен наши их человек двадцать взяли, в основном раненых. Поэтому Т-26 — это очень хороший танк, если его правильно использовать.

А за этот бой нас всех троих представили к медалям «За отвагу». И может быть, у меня скоро будет самая настоящая боевая медаль!

Расскажите это всё деду и бабе Тане. Передайте Ленке, чтобы вела себя хорошо и слушалась. И пусть она скажет Сашке Круглову, что я про его уши помню. Обязательно оторву их, если будет продолжать свои выходки.

Пожалуйста, ответьте мне скорее, я очень волнуюсь!!

Механик-водитель танка Т-26, будущий кавалер медали «За отвагу» и ваш сын Леонид.

Написано 5 декабря 1941 года в селе <ЗАМАЗАНО ЧЁРНЫМ>.

Здравствуй, дорогой мой любимый братик Лёнечка!!!

Это я, Лена, твоя сестрёнка. Огромное спасибо, что написал письмо, я сильно ждала его. Никаких других писем от тебя ещё не приходило, это первое. Наверное, почтовое сообщение с Большой землёй недавно наладили.

Милый мой братик, мне очень тяжело писать тебе такое. Крепись. Я уже прошла через это и смирилась, а тебе сейчас пригодится всё твоё мужество. Мы с тобой остались вдвоём. Кроме меня, у тебя больше никого нет. Все умерли, Лёня. Все-все.

Первой умерла наша мамочка. Я поехала с ней собирать с поля остатки капусты, потому что у нас не было кушать дома. А фашисты начали стрелять из пушек, и нашу милую мамочку убило снарядом. Она накрыла меня собой и защитила. Но сама она погибла. И я даже не знаю, где она похоронена, её увезли чужие люди.

Потом погиб Миша. Я сама совсем недавно узнала про это. Мне пришла на него похоронка. Миша погиб 12 октября, где-то на юге Норвежского моря. Как он погиб, я не знаю, не спрашивай меня. Наверное, их подводную лодку утопили фашисты. Мише больше не пиши.

Следующим погиб наш папочка. Он пошёл к дедушке, проведать его, и не дошёл. Было очень холодно, трамваи не ходили, он ослабел от голода, у него ножка болела, но он всё равно пошёл. Я знаю, что папа не дошёл, потому что потом сама ходила к дедушке. А вот я дошла и вернулась нормально. У дедушки я узнала, что он тоже умер.

Наш дедушка Кондрат умер 12 декабря, у него не выдержало сердце. Про это написала в записке баба Таня. Она писала на бумажке, когда выходила куда-то из дома. Последняя запись на той бумажке — она пошла в 11 часов 17 декабря за хлебом. Я пришла к ним 20 декабря. Кроме этой бумажки, дома никого не было. Баба Таня умерла где-то на улице. Сейчас у нас это нормально, Лёня. Я пока к дедушке от дома шла, десятки мертвецов видела на улице. И это ещё собирают их постоянно. Специальные похоронные команды есть.

Все умерли, Лёня, мне очень жаль. Остались только мы с тобой.

И поэтому, Лёничка, я не разрешаю тебе геройски погибнуть. Ты должен, ты обязан выжить. Выжить, победить, и вернуться домой с Победой. Иначе я обижусь на тебя.

По поводу ушей Саша Круглова можешь не беспокоиться. Саша — мой брат. И твой тоже теперь. Обижать Сашу я не позволю никому, даже тебе. Мы столько уже пережили с ним вместе, что на пять жизней хватит. Да, ты был в бою, а я нет. Но, Лёня, извини, только тут у нас тоже бой. В декабре вообще бой был за каждый день. Прожил ещё один день, покушал хлеба, чтобы не умереть ночью — вот и победил фашистов ещё раз. И так день за днём, Лёня, день за днём.

К нам приезжал Сашин папа, дядя Игорь. Он нас и спас, потому что привёз покушать. Если бы он не приехал, сейчас я бы уже была мертва. Если встретишь случайно дядю Игоря, скажи ему ещё раз спасибо от меня. Он тоже на Западном фронте воюет, как и ты, только я не знаю, в какой армии. Знаю только, что в артиллерии служит.

У Саша тоже все умерли. Его мама, тётя Шура, замёрзла на улице. А Вовочка Круглов умер 12 декабря, как и наш дедушка. Он от голода умер. Вова всё время молочка просил, но у нас молочка не было. Мне очень жалко Вову, он тоже стал моим братом.

У нас с Сашей всё хорошо. Мы с ним вдвоём остались в живых из всей нашей квартиры. У нас есть буржуйка и запас дров. Спим мы с ним вдвоём в моей кровати, потому что очень холодно. Спим в тёплой одежде и в шапках. Отопления нет, воды нет, электричества тоже нет в доме. Но у нас в комнате уцелели стёкла! Это очень важно, Лёня, потому что без стёкол гораздо холоднее. Как здорово, что окна у нас выходят в наш узкий двор-колодец! Бомбе трудно попасть внутрь двора, а взрывы на улице нашим стёклам не страшны.

С едой стало лучше в последнее время. Мы начали ходить в столовую, там хорошо кормят. У нас есть что кушать. Но всё равно в Ленинграде ситуация очень тяжёлая. Тем, кто подошёл к грани в конце декабря, очень тяжело сейчас, хоть хлебную норму и повысили. Нам с Сашей легче, нам дядя Игорь сильно помог. Мы не слишком голодаем. Недоедаем, конечно, но на фоне

других ленинградцев мы ещё о-го-го!

В общем, Лёначка, за меня и Сашу можешь не беспокоиться. Мы приспособились. Если шальным снарядом или бомбой не убьёт, то мы выживем. И мы тут не просто выживаем, ты не думай. Мы помогаем, как можем. Мы и на чердаке дежури́м, зажигалки ловим. Я сама дежурила не раз. Это не страшно совсем, Лёня. Я пожар один раз потушила на чердаке, одна. Осенью мы лом цветных металлов собирали для заводов Ленинграда, и я тоже собирала. И бутылки пустые ещё собирала, в них потом горючую смесь заливали, чтобы жечь фашистские танки. А ещё мы в тимуровском отряде, помогаем ослабевшим. И у нас в школе была новогодняя ёлка, праздник назло фашистам. Была музыка, Дед Мороз из Вари Степановой и горячий обед для детей. А я на ёлку Борю похитила и меня его мама потом обозвала идиоткой.

И это не только мы так. Ленинград — это не обуза! Мы работаем! Дядя Игорь же не проведать нас приезжал. Он за новыми орудиями приезжал, вот зачем. Наш Ленинград делает оружие для всей страны! Даже в блокаде, всё равно мы работаем!! Мы — не обуза! И мы сражаемся, Лёнь. Наша артиллерия стреляет каждый день. Балтфлот жив, он тоже сражается! Лёня, Ленинград — это не ад. Совсем нет. Нам тут трудно, тяжело, но мы стараемся помочь стране.

Лёначка, у меня к тебе будет одна огромная просьба. Пожалуйста, когда ты будешь в Берлине, найди там развалины дворца, в котором жил Гитлер, отковырай от них какой-нибудь кусочек и привези мне. Я очень-очень тебя прошу, Лёначка. Пожалуйста. Подари мне такой обломок дворца Гитлера.

Спасибо тебе, Лёначка, за то, что ты жив. Погибать я тебе не разрешаю.

*Ленинград, 18 января 1942 года. Твоя сестрёнка Ленка и
твой младший брат Александр.*

Глава 37

...Хорошие всё-таки печки нам выделили. Гораздо лучше, чем та, что у нас с Сашей дома стоит. Большие, удобные и... прожорливые. Дрова со страшной скоростью жрут. Нам, конечно, дров привезли довольно порядочно, но поленница близ входа тает с угрожающей скоростью. А до конца января ещё почти целая неделя. Дрова нужно экономить.

Поэтому мы только одну печку топим, которая в спальне стоит, а вторую комнату, что должна быть игровой, пока что вовсе закрыли. Отапливать сразу две комнаты у нас дров не хватит. На улице сейчас страшный холод. Кажется, за всю зиму ещё настолько холодно не было. За те четыре дня, что мы с Сашей ночуем тут, уже дважды отключали воду, от холода водопровод лопался. Правда, через несколько часов вода возвращалась. Конечно, сейчас столовые, как и все предприятия пищевой промышленности, считаются стратегически важными объектами. Водопровод для столовой чинят в кратчайшие сроки.

Ведь если не будет воды, столовая не сможет приготовить еду. Руками не наносишься от колонки. Думаю, именно то, что здесь работает водопровод, а совсем рядом находится столовая во многом и определило выбор под детский сад столь неподходящего на первый взгляд места.

Мы с Сашей теперь работаем. По-настоящему работаем, без шуток! На февраль нам обещали выдать карточки служащих и даже платить зарплату. Нам положили по сорок рублей в месяц плюс бесплатное питание по нашим карточкам.

Сейчас в Ленинграде много безнадзорных детей. Собственно, я и сама такая. Но мне скоро двенадцать лет, я уже почти взрослая. А есть совсем мелкие дети, даже трёхлетние, что иногда по несколько суток остаются вовсе без присмотра. Не все из них, конечно, сироты. Просто многие родители не могут приходить домой ежедневно. Вот и сидит такой ребёнок один в замороженной квартире и ждёт, пока кто-то не вернётся и не принесёт ему покушать. Иногда не один день ждёт. Хорошо, если есть печь, дрова и ребёнок способен сам разжечь огонь. Но бывает так, что ребёнок слишком мал, и сам огня развести не может. Такой сидит не только без еды, но и без воды, так как вода в квартире быстро превращается в лёд.

Чтобы спасти подобных детей в январе у нас начали организовывать дополнительные круглосуточные детские сады, а также и детские дома для сирот, так как существующих было категорически недостаточно.

Но детскому саду нужно ведь не только помещение и мебель. Нужны ещё и воспитатели. И где же взять-то их, дополнительных? Первого попавшегося человека с улицы ведь не возмёшь, с детьми нужно уметь работать.

Проблему нехватки воспитателей решать стали комсомольцами. Из райкома спустили приказ выделить столько-то человек для работы воспитателями в детских садах. Мы с Сашей заявили на заседание комсомольской ячейки нашей школы и тоже попросились воспитателями, хоть мы и не комсомольцы пока.

Это я Сашу уговорила, он сначала не хотел. Дело в том, что я очень боюсь того, что нас с ним тоже заберут как безнадзорных и отправят в детдом. А я не хочу в детдом. И когда я узнала, что комсомольцев призвали идти в детсады воспитателями, то решила тоже пристроиться туда каким-нибудь помощником воспитателя. Идти куда-то устраиваться на работу я просто боюсь. Во-первых, делать ничего не умею, а во-вторых, при устройстве на работу очень даже легко может всплыть то, что мы с Сашей без взрослых живём. Вот и решила я пристроиться к комсомольцам.

Ребята над нами с Сашкой посмеялись, но нас взяли. Конечно, не воспитателями, а нянечками. Ну там, полы помыть, там-сям помочь, пуговицу пришить. В общем, на подхвате. Может, ночью подежурить, детсад-то круглосуточный. И мы вроде как уже не совсем безнадзорные получаемся с Сашей.

Детсад наш совсем крошечный. У нас всего одна группа детей, в которой сейчас всего 29 человек в возрасте от 4 до 8 лет. Да, двое самых старших уже учились в школе, в Вовка Баранов даже успел первый класс окончить. Но всё равно их в детский сад определили.

На всё это хозяйство был всего один по-настоящему взрослый человек. Пожалуй, даже чересчур взрослый. Нашей заведующей, Галине Степановне, в декабре исполнилось 77 лет, она уже шесть лет не работала. Но зато опыт богатейший имеет, впервые в женский сиротский приют она пришла работать ещё во времена Александра II. И всю жизнь проработала с детьми.

Не хватает ведь настоящих, опытных воспитателей. Вот, вспомнили даже о пенсионерах, если они ещё в состоянии работать. Помогают Галине Степановне две комсомолки из нашей школы, десятиклассницы Маринка и Елена. Я так с этой Еленой в первый же день договорилась. Чтобы её со мной не путали, она на имя «Елена» откликаться будет, а я останусь Леной. Ну, и Сашка ещё с нами.

Помещение для детсада определили, на первый взгляд, совсем

неподходящее, но это лишь на первый взгляд. На самом деле, правильно сделали, подходит помещение. Нас поселили в доме, где была столовая. Только в столовую вход с улицы, а к нам вход со двора. До войны там находилась какая-то контора городского управления ресторанов. Сейчас эту контору то ли перевели куда, то ли вовсе закрыли и помещение пустовало.

Нашему садику отдали три комнаты на первом этаже — две большие и одну малюсенькую. В малюсенькой раньше был кабинет какого-то мелкого начальника, там даже обшарпанный письменный стол сохранился. И во всех трёх комнатах в окнах были стёкла! Как и в нашей квартире, тут окна во двор-колодец выходили и не пострадали.

Ещё у нас был свой туалет (он работал, когда была вода) и умывальник. Если же пройти по коридору мимо умывальника дальше, то этот коридор приводил в служебные помещения столовой, откуда можно было выйти и в обеденный зал. То есть, не выходя на улицу, мы могли попасть в столовую. Естественно, к этой столовой нас и прикрепили. Наверное, детсад специально при столовой сделали, и маленький он такой от того, что лишних пустующих помещений рядом не было. Из обеденного же зала столовой можно было спуститься в бомбоубежище.

Так что очень подходящее для детсада место. Есть вода, туалет, не выходя на улицу, можно попасть в столовую и даже в бомбоубежище. А когда станет теплее, можно будет выводить малышня во двор гулять. Во дворе двое качелей сохранилось. Они были металлические, а потому никто на дрова их не разобрал, только доски от сиденья и спинки унесли с них. Не беда, весной починим!

Сейчас двор весь снегом занесён. Сугробы почти достают до окон первого этажа. А позавчера утром меня детский плач разбудил. Так-то дети у нас спокойные и молчаливые, не орут, не бегают, как до войны. В основном, на одном месте сидят, поближе к печке. Но позавчера утром заплакали, причём не один-двое, а чуть ли не половина сразу. Я встала с постели, ничего не пойму. Рёв кругом, малышня ко мне жмётся, Сашки нет нигде. Галина Степановна встала, тоже не понимает ничего. А потом я увидела в окне его. Ужас какой, не удивительно, что дети напугались.

А Сашка — осёл. Не мог сообразить обратно светомаскировку повесить, детей перепугал. Оказывается, ночью из какого-то окна над нами выкинули труп мужчины. Так делают иногда те, у кого не хватает сил вынести своего покойника по лестнице. Иногда покойников прямо на лестнице оставляют, а иногда в окна выбрасывают. Этого вот выбросили.

Он упал ногами вниз и воткнулся в снег прямо около нашего окна. Сашка снял светомаскировку — а он стоит и будто бы в окно к нам

смотрит. Ветер волосы у трупа шевелит, очень страшно, хотя я на трупы уже на всякие насмотрелась. Казалось, должна была бы уж и привыкнуть. Но этот какой-то особенно страшный.

Я быстро вернула светомаскировку на место, чтобы не пугать детей. Пока мы с Галиной Степановной малышню успокаивали, Сашка на улице с трупом разбирался. Он прокопался к нему лопатой и положил так, чтобы из окна нам не видно было. А потом уже, когда девчонки пришли наши, Сашка вместе с ними выволок тело на улицу, чтобы его сборщики трупов нашли и увезли.

Кстати, Сашку через полчаса будить буду, пора. А я посплю тогда, спать хочу сильно. У нас с Сашей опять одна кровать на двоих, но спим мы теперь не вдвоём, а по очереди. Мишка писал мне, давно, ещё до войны, что на подлодке такое называется «горячая койка». У них там места ведь мало на лодке, вот и спят они по очереди. Один встаёт, идёт на вахту заступать, а на его место, в ещё тёплую постель, сразу кто-то другой ложится. Так и мы с Сашей.

Мишка. Брат. Буквам меня учил, с ложечки кормил, в кино водил. Больше я никогда не увижу его. Он больше никогда не скажет мне: «Ну что, рыжая, допрыгалась?», как он любил говорить. Хоть бы Лёнька выжил, иначе как же я одна-то? Ну, Сашка есть теперь, конечно, но Лёньку я тоже люблю. Хоть бы он выжил!

От Лёньки ещё два письма пришло, причём оба сразу, в один день. Но это не ответы на моё письмо, а старые письма. Одно самое первое, ещё от начала июля, про то, как он в эшелоне ехал написано. А второе он отправил в конце октября. Вернее, это уже третье, судя по всему. Второе Лёнькино письмо не дошло. Может, дойдёт ещё?

В третьем письме Лёнька рассказал, как чуть не попал в окружение. Их конно-механизированная группа выскользнула в самый последний момент, а пехота, что шла за ними, не успела. Пехоту фашисты окружили. И ещё Лёнька написал, как в засаде сидел и ждал колонну фашистов, чтобы напасть неожиданно. Там у них пять танков в засаде было. Но фашисты засаду заметили и расстреляли из пушек. Четыре наших танка сгорело там, а Лёнькин уцелел, потому что чуть в стороне стоял. Лёнькин танк должен был пехоту отсекал, так как единственный был пулемётным. Все остальные танки у них были пушечные. И фашисты Лёнькин танк сразу не заметили. А когда заметили — было уже поздно.

Потом была погоня, за Лёнькиным танком фашисты гнались и пытались его расстрелять, но у них ничего не вышло. Фашистский танк догнать не смог, потому что ему, чтобы выстрелить, нужно сначала

остановиться, а Лёнькин танк не останавливался, а удирал. Фашисты три раза стреляли по Лёньке из пушки, но не попали. Нет, танк и на ходу стрелять может, конечно. Но попасть из движущегося танка по движущейся мишени совершенно нереально. Разве что с очень близкого расстояния. В общем, отстал фашистский танк. Лёньку могли догнать мотоциклисты, но, к сожалению, они не стали этого делать. Фашисты не идиоты, чтобы догонять танк на мотоцикле. А вдруг бы догнали? Танк бы их сразу на ноль помножил, причём даже не останавливаясь.

Дядя Игорь тоже письмо прислал. Спрашивал, как мы там и сообщал, что они успешно перебрались на большую землю вместе со всеми шестью новенькими орудиями. И они уже успели из этих орудий пострелять по фашистам. В ответ мы сообщили дяде Игорю, что живы и по сравнению с другими Ленинградцами питаемся хорошо. А ещё написали про Лёньку, что он тоже на Западном фронте воюет танкистом и дали адрес Лёнькиной полевой почты.

Ой, Тарасик опять одеяло на себя утянул всё и Женька мёрзнет. Вот, поросёнок! Подошла к ребятам, поправила одеяло им. Хотя и топим в комнате и окна все заткнули и заклеили, а всё равно температура у нас не сильно выше нуля. Холодно. Ребята по двое или даже по трое спят, причём в одежде. Так теплее, да и кроватей не хватает.

Вообще, у нас не хватает буквально всего. Про еду молчу, это и так понятно. Кроме кроватей у нас из мебели есть старый шкаф, два стула и письменный стол, что мы перетащили в спальню из нашей каморки. На этот стол мы кучей пальто и шапки складываем, вешалок-то нет у нас. Постельного белья тоже нет, хорошо хоть одеял хватает. Одеяла нам привезли.

А кроватей у нас всего восемь штук. Правда, они двухъярусные. Мы их как можно ближе к печке поставили. Одно место на первом ярусе занимает Старенькая Галина Степановна, одно мы с Сашкой, а на оставшихся 14 местах спят наши 29 ребят. Наиболее сильные, конечно, наверху расположились. То есть, не наиболее сильные, а наименее ослабевшие, так будет вернее. Да и они-то забраться наверх или слезть оттуда могут лишь с моей или Сашиной помощью.

Вот для этого-то мы с Сашей по очереди и дежури́м ночью. Вдруг, кому-то слезть понадобится? Печку ещё топим и в туалет водим ребят, кто помладше. Старшие сами справляются, а младшим тяжело. Ночных горшков у нас тоже нет, а туалет наш, вообще-то, на взрослых рассчитан. Кроме того, там темно и холодно. Малыши просто боятся туда идти в одиночку.

Так мы с Сашей и дежури́м. А спать... ну когда время появляется, тогда и спать. Как получится, в общем. Мы ещё полы моем, на кухне помогаем, воду таскаем, если отключают. Хватает дел, в общем. Галина Степановна больше с детьми возится, развлекает их, играет с ними. Книжки им читает. Детские книжки Галина Степановна свои принесла, из дома. У неё много детских книжек и больше половины из них ещё дореволюционные. Ну, а мы с Сашей по хозяйству. Школу вот только нам, похоже, придётся бросить. В школу мы ходить перестали. Как и все работники детских садов, мы с ним переведены на казарменное положение. Да и на самом деле, некогда учиться. Тут поспать-то некогда, какая уж школа?

Всё, время. Сашкина очередь. Подошла к нашей кровати, растолкала брата и вытянула его сонного из кровати. Пока он зевал и тёр глаза, сама быстрее залезла под одеяла в нагретую кровать. Закрывает глаза, спать!

И в этот момент на улице мерзко завывали сирены. Опять налёт. Тьфу, заразы. Нужно вставать, будить всю малышню, спускать их с верхних полок и тащиться через столовую в бомбоубежище.

Ну, а спать мне когда?..

Глава 38

— ...Глупости ты говоришь, Лена.

— Почему это глупости?

— Лена, в твоём представлении детский дом — это что-то среднее между тюрьмой и казармой. Поверь, это не так.

— Не так?

— Конечно, не так. Я полвека проработала в приютах и детдомах. Полвека, Лена. Я их разные видела, но ни разу, ни разу не было ничего хотя бы отдалённо напоминавшее тюрьму.

— Но почему нельзя оставить всё как есть, Галина Степановна?

— Это от меня не зависит. В детский сад нянечками я вас взяла. Откровенно говоря, из жалости взяла, хотя вы справлялись в целом неплохо. Для новичков, а так, конечно, опытная нянечка справилась бы лучше. Но в детдом взять нянечкой одиннадцатилетнюю девочку я не смогу.

— А в чём разница-то? Работа, что ли, другая?

— Работа такая же. А разница — в руководстве. Надо мной тоже ведь руководство есть. В детсад взять тебя на работу я смогла, в детдом не смогу. Сашку ещё можно попробовать, ему хоть двенадцать лет. А одиннадцатилетнюю мне никто не разрешит взять, даже и пытаться не стану.

— Мне 9 мая тоже двенадцать лет будет.

— Вот и приходи 9 мая.

— Так нам что, уходить?

— Вы можете остаться, но я уже сказала тебе, как. Оставайся, Леночка. Формально ты вполне подходишь, никто не придерётся. Родители погибли, брат на фронте. В детском доме тебе самое место. Ты хорошая девочка, Лена. Да и ребята к тебе уже привыкли.

— Нет, не хочу в детдом.

— Ты снова сможешь ходить в школу, нянечку найдём.

— Нет. Там у меня дом.

— В детдоме кормят лучше. В детдома даже в декабре, в декабре (!) завозили не только хлеб. Иногда и мясо было, я знаю, общалась с другими заведующими.

— Дом! Ну, как Вы не поймёте, Галина Степановна, там дом! Я родилась там и выросла!

— Мне очень жаль, Лена. Действительно, жаль.

— До свидания, Галина Степановна. Полы мы помыли, лямку Сергееву на штаны я пришила. Саш, пойдём с ребятами прощаться. Мы уходим.

— До свидания, Лена. Если передумаете, возвращайтесь. Мы будем рады вам...

Заходящее солнышко светит, свежий снег хрустит под валенками. Мы с Сашкой идём вдвоём домой. Вот и всё, окончилась наша трудовая жизнь. Сейчас нам нужно ещё зайти в домоуправление за карточками на февраль, а то завтра нам хлеб не продадут в булочной.

Ой, хлеб! Уже неделя прошла, а я всё радуюсь. Хлеб! Хлеба стало много! По карточкам служащих мы с Сашей всю эту неделю получали аж по триста граммов. Триста граммов хлеба в день! Так много! Теперь, правда по 250 станем с завтрашнего дня получать, но и это много. Всё никак не могу забыть эти страшные 125-граммовые кусочки. Разве забудешь такое?

Больше мы не работаем в детском саду. Теперь я снова — безнадзорный ребёнок, а Саша — иждивенец. Непонятно только, на чьём он иждивении. На моём, что ли?

Всё потому, что с завтрашнего дня, с воскресенья 1 февраля, наш детский сад упраздняется. Вернее, на его базе создаётся новый детский дом. Детей, которым нужен именно детский сад, переведут в другие детсады. Но таких немного, человек шесть или семь. Остальные у нас действительно безнадзорные, хотя и не обязательно сироты.

Вон, брат и сестра Ковалёвы, например. Женьке восемь лет, а Петьке четыре. Так у них отец домой пару раз в неделю всего приходит, кушать приносит. Мама у них умерла ещё в декабре, и они всё время сидели вдвоём в холодной квартире.

Впервые Ковалёвы пришли к нам в садик 24 января. В этот день как раз хлебную норму повысили, все были радостные. На улице погода была хорошая, и мы решили вывести малышню на прогулку. А то, что они всё время в доме-то сидят? Ненадолго, на полчаса, просто воздухом подышать. Одели всех, вывели, походили с ними по двору, а потом вернулись обратно. Минут через десять слышится стук во входную дверь. Сашка открыл, а там они стоят, Ковалёвы.

Худющие, одни глаза огромные на лице. Мальчишка в шаль замотан, на девчонке взрослая мужская шапка, она её всё время поправляла, так как та на глаза ей сползала. Просятся к нам, они нас во дворе в окошко

увидели. Возьмите, говорят, и нас в детский сад. Но мы их не взяли.

Нельзя. Без карточек — нельзя. С этим очень строго. Галина Степановна сама чуть не плачет, но говорит, что нельзя. Миленькие, говорит, приносите свои карточки, возьмём обязательно. А у них нету карточек, карточки папа уносит с собой на работу. Ну, что с ними делать?

У нас как раз обед наступает, сейчас наших ребят накормят. Хоть суп из дуранды или отрубей, хоть каша из чечевицы, но что-то обязательно будет. Пока мы с Сашкой в садике работали, за это время столовая дважды закрывалась для посетителей из-за недостатка продуктов. Но наши ребята без еды не остались ни разу, для детского сада продукты подвозили. Нас обязательно кормили три раза в день. Хоть чем-нибудь, но кормили. А если был налёт и сидели в бомбоубежище, то конфеты раздавали, и нормально кормили уже после налёта. Я сама конфеты и раздавала.

Сашка уводит наших в столовую, обедать, а Ковалёвы так и стоят вдвоём у двери. У них карточек нет. Я сказала им подождать и сама прошла в столовую, где к ребятам обратилась нашим. Давайте, говорю, поделимся с ними, они же умирают. Ведь хлеба больше сегодня дали, давайте чуть-чуть поделимся. Взяла я пустую тарелку, отломила от своего кусочка чуть-чуть и на тарелку положила. А потом наши ребята подходили по очереди и тоже маленькие кусочки хлеба на тарелку клали. Всего мы так граммов триста, наверное, собрали. А может и больше, я не взвешивала. Сергеев же из кармана конфету достал и тоже на тарелку положил. Говорит, с вечера ещё она осталась у него.

Принесла я тарелку с кучей крохотных кусочков хлеба обратно в нашу спальню. Вот, говорю, мы собрали вам. Кушайте. Женька сразу один кусочек Петьке в рот сунула, один себе, а потом шапку сняла свою и в неё остатки ссыпала. У неё под шапкой ещё платок был повязан. Спасибо, говорит, тётенька. А завтра можно прийти?

Так мы их и подкармливали три дня. Потом же они пришли вместе с папой, который и метрики их принёс, и карточки. С тех пор Ковалёвы в нашем садике живут и больше их не нужно подкармливать. Они, как и все, горячий обед получают.

Вот, по привычке сказала «в нашем». А он больше и не мой уже. Так уходить не хотелось оттуда. Кто ребятам книжки читать будет? Галине Степановне тяжело, у неё зрение слабое. Днём ещё читает кое-как, а вечером, при свете коптилки, читать почти не может. Ну, сегодня-то ладно. Сегодня Елена подежурит, она и почитает. Но каждую ночь она не может ведь приходить.

Но в детдом я всё равно не хочу! Не хочу!! Я домой хочу. Сейчас

придём, буржуйку затопим, тепло будет. За водой схожу, чай попью. У меня две конфеты есть. Нет, что я говорю?! Не пойду я за водой. Сейчас не декабрь месяц, сейчас всё иначе. За водой Сашка ходит. На детсадовской еде он окончательно вылечился и теперь уже он сильнее меня. Вот и пусть воду таскает. Причём в ведре, сейчас он и ведро сможет унести.

Надо, наверное, нам опять в график дежурств записаться, зажигалки ловить. Пожалуй, я вместе с Сашкой запишусь, вдвоём на чердак лазить станем. Фашисты что-то обнаглели в последнее время. Наверное, пытаются отыгаться за то, что им под Москвой по зубам дали. Как бы у нас тут опять штурм города не начался. Этой ночью тоже налёт сильный был, мы до четырёх утра в бомбоубежище спали, сидя на лавочках.

Всё, почти пришли. Вот и наш... дом?

Эээ...

Как? Как же так? Наш дом? Но... но у нас ведь там всё, все вещи, вся наша жизнь. Документы, деньги, довоенные фотокарточки, ёлочные игрушки, мои старинные золотые серёжки, зелёный чайник, книги дяди Игоря, Сашкины вязальные спицы, там всё! Всё это сейчас скрыто под огромной кучей битого кирпича и покорёженного кровельного железа. По этой куче бродят какие-то люди, а из-под неё местами всё ещё слабо курится дым. Этой ночью наш дом разбомбили фашисты. Наверное, прямое попадание фугаски.

Сволочи. Сволочи!! Они убили родителей, убили Мишку, Вову, дедушку, бабушку, четырёхмесячную Вареньку. Теперь, наверное, погиб и Толик Мелкий, который давал мне на один день свою шубу. И они разрушили мой дом. Мой любимый дом! Суки!!!

Саша взял меня за руку и сказал:

— Успокойся, Лена. Когда наши придут в Германию, они заплатят за всё. За всё. И за это тоже. Они заплатят.

— Мне жаль, что Гитлера можно будет убить только один раз.

— Мне тоже. Пошли.

— Куда? Куда нам идти теперь?

— Обратно. Мы с тобой передумали насчёт детского дома...

Глава 39

Наш районный ЗАГС тоже оказался страшным местом. Очереди. В ЗАГСе очереди, длинные очереди. Там поставили дополнительные столы, и всё равно очереди. Стоят очереди к столам с табличками «Регистрация смертей». Мы с Сашей также отстояли одну такую очередь и разом зарегистрировали смерти всех наших умерших родственников.

А вот к столику «Регистрация рождений и браков» очереди не было, мы с Сашей сразу прошли. Женщина за столом удивлённо посмотрела на нас, а люди вокруг шутят, что мы жениться пришли. На самом же деле, мы пришли получать новые метрики на себя, так как наши погибли в разрушенном доме. Мы не просто так пришли, нам Галина Степановна уже один документ выписала.

Сашке она вручила украшенный штампиком нашего детсада листочек, на котором написала, что податель сего действительно является Александром Игоревичем Кругловым, что она и подтверждает. И номер его старой метрики написала, он у неё был записан. Похожая справка, понятно, мне тоже досталась.

В детдом нас взяли, конечно, без разговоров. Мы теперь детдомовцы и находимся на иждивении у государства. Единственное, 1 февраля мы с Сашей остались без завтрака. Всем детям дали по 50 грамм хлеба с кусочком соевого маргарина и сладковатый «чайный напиток». Нам же с Сашей достался лишь кипяток. Хорошо, у меня две конфеты были в кармане, их мы и съели.

Но уже в обед нас кормили на общих основаниях, а хлеба дали даже на 50 грамм больше, чем остальным, так как мы утром хлеб не получили. Это Галина Степановна, несмотря на то, что было воскресенье, смогла выбить две дополнительные порции. В столовой, как на предприятии оборонного значения, был действовавший телефон, вот она с его помощью большинство вопросов и решала. Очень удобно, не нужно никуда тащиться по морозу. Тем более, она уже старенькая и ходит плохо.

Состав детей по сравнению с детским садом поменялся, но незначительно. От нас ушли семь человек, и пришли пять новых. Да плюс ещё я с Сашкой. То есть у нас как было 29 детей, так 29 и осталось. Только теперь ещё и мы двое в их число входим, раньше-то нас не считали.

Так как детдом сделали на базе детсада, то новеньких нам присылали тоже только детсадовского возраста. Так было проще и детям и

воспитателям и снабженцам. Мы с Сашей были исключением, нас только потому взяли, что большинство детей к нам привыкло. Иначе в другой детдом отправили бы, в группу нашего возраста.

Во вторник, 3 февраля, у нас новая нянечка появилась. Ей оказался опухший от голода студент второго курса Ленинградского института живописи по имени Костик. Он сам так представился. Думаю, его к нам подкормиться направили. Я тут узнала, что сейчас работа нянечками в детских садах или детдомах — очень хорошая работа, которую совсем нелегко получить. Такая работа даёт возможность питаться вместе с детдомом или детсадом, а их снабжали существенно лучше, чем в среднем по городу.

Нет, продуктовые нормы-то у нас такие же, как и у всех. Дело в том, что остальные далеко не всегда получали продукты по действовавшим нормам. Первые две недели января, по-моему, вообще ничего, кроме хлеба, не давали. Я, во всяком случае, не видела. А за декабрь мне, между прочим, 1200 граммов крупы полагалось. И что я получила взамен? Бутылку пива я вместо этого получила, вот что. А было бы у меня 1200 граммов крупы, хоть какой крупы, любой, пусть даже перловки, разве я допустила бы гибель Вовки? Да ни за что! Тем более, Вовке и самому столько же крупы полагалось. Такой страшный голод и столько смертей вовсе не потому случились, что продовольственная норма слишком маленькая была, нет. Норма для выживания и даже для работы вполне достаточная, если бы мы действительно снабжались по этой норме. В реальности же, кроме хлеба не было почти ничего. А иногда и хлеба не было. Я ведь ложки пошла менять на еду, когда булочную закрыли. Два дня без хлеба не протянуть никак, а ничего другого просто не было. В детдоме такого не случается. Галина Степановна говорила, что детдома практически всё время снабжались продуктами согласно утверждённым нормам. Да, вместо мяса могли привезти заменитель, студень там или яичный порошок. Такое случалось. Но у других-то вообще ничего не было!

Вот и прислали будущего художника Костика к нам, чтобы он по своим карточкам служащего пищи получал столько, сколько ему полагалось, а не сколько ему удалось достать. Правда, ситуация потихоньку выправляется. По радио каждый день объявляют, в какой магазин что и когда подвозят, чтобы люди знали. Стали в магазины и крупы поступать и консервы. Даже настоящие, не соевые конфеты теперь иногда появляются.

А вчера мы с Сашкой пришли в школу, а там на переменах только и было разговоров, что о последнем завозе января. Мы долго в школу не ходили, две недели, теперь догонять придётся. Наши портфели уже и из

парты вытащили и места наши заняли. А событие действительно удивительное произошло. В магазин завезли мороженных кур! И много завезли! Конечно, непотрошённых, с ногами и головами. Ноги, головы и внутренности кур тоже шли по весу как мясо, за них также купоны вырезали.

Выстроилась огромная очередь, ведь 31 января, карточки мясные последний день действуют. И эти карточки почти у всех совсем не использованы. А тут курицы! И давали куриц не по двести грамм в руки, как многие опасались, а по карточкам. Сколько есть неиспользованных купонов на карточке — столько и взять можно. Хоть ты десять карточек принеси с собой, неважно. Кур завезли так много, что даже не всех успели распродать, хотя работу магазина в виде исключения продлили на час, он 31 января только в 22 часа закрылся.

Очередь же на 1 февраля начала выстраиваться ещё с восьми вечера 31 января, когда стало ясно, что всех кур продать не успеют. Люди ночевали на улице в очереди. Занимали сразу на несколько человек, которые всю ночь меняли друг друга. Ведь утром станут действовать уже февральские карточки, и можно будет выкупить месячную норму ещё раз! Составили список очереди и периодически проводили перекличку. Когда объявляли воздушную тревогу, спускались в бомбоубежище, а затем снова выстраивались в очередь по списку.

Было несколько смертей в очереди. Кто говорил четыре, кто пять, а кто и больше. У нас у одной девочки из седьмого класса папа в той очереди умер. Она пришла утром помочь ему, а тот мёртвый уже. Девочку без очереди пропустили, она самой первой в феврале отоварилась, причём и по карточке уже мёртвого отца тоже получила мясо. А вообще, курицы закончились часам к десяти, всем не хватило.

Весна, приближается весна. Дни стали ощутимо длиннее. Пусть всё ещё очень холодно, но всё равно чувствуется приближение весны. Сегодня уже десятое февраля, мы с ребятами ждём новенького, которого вот-вот должен привезти на санках из госпиталя Сашка. Это будет мальчик шести лет со смешным старорежимным именем Арсений. Его снарядом ранило в ноябре месяце, когда он с бабушкой шёл по улице. Бабушку убило, а его ранило, с тех пор он был в госпитале, а теперь вот его выписали, и Сашка пошёл забирать Арсения. Про новенького это нам всё Галина Степановна рассказала, хотя она и сама ещё ни разу того Арсения не видела.

Саша мой стал чем-то вроде секретаря и адъютанта при Галине Степановне. Когда какой-то вопрос по телефону решить нельзя, она ему обычно поручает куда-то идти. Ей самой тяжело. Позавчера вот, например,

он за лопатами ходил. То есть, за лопатками. У нас ведь совсем почти детских игрушек нет. Объявление повесили в столовой, чтобы приносили игрушки для детдома, но несут мало. И тут Галине Степановне удалось выбить нам лопатки. Ну, просто детские игрушечные лопатки, снег копать. Лопатки на складе были, и Сашка с санками и ордером от Галины Степановны ходил сначала в РОНО визировать ордер, а потом и на склад. Вернулся вечером, привёз сорок детских лопаток. Причём деревянные ручки к лопаткам почему-то были отдельно и вчера мы до обеда эти ручки к лопаткам приделывали.

На улице снег пошёл. Ну, где там этот Сашка? Ребята новенького ждут, особенно Сергеев, которому с ним спать предстоит в одной кровати. Кроватей по-прежнему на всех не хватает. В комнату входит радостно возбуждённая Галина Степановна, она по телефону звонить ходила. Что случилось? Что??

Объявление Галины Степановны малышня встретила радостным визгом. Я тоже от радости вскочила со стула. Хлеб!! С завтрашнего дня, с 11 февраля, хлебную норму поднимают. Опять поднимают, опять!! И это тоже весна! Идёт, идёт весна. Весна — это победа. Фашистам не удалось заморить нас голодом, мы выстояли!

Всё хорошо. Теперь всё хорошо. Нужно Лёньке написать про хлеб обязательно. Бумаги вот только мало у нас, но для письма на фронт Галина Степановна листик найдёт.

Лёнька ещё не знает, что наш с ним дом разрушили. Я написала ему, но ещё, наверное, не дошло письмо. Хотя письмо от 18 января Лёнька получил и даже ответил на него. Ответ я три дня назад получила, уже в детдоме. Специально в наше почтовое отделение ходила предупредить, чтобы письма мне и Сашке теперь носили в детдом по такому-то адресу, так как наш дом разрушен. Это нормально, там у них специальная книга заведена, куда письма пересылать. Они все письма сначала по этой книге проверяют, вдруг человек переехал, а новый адрес сообщить ещё не успел и ему по старому адресу письмо придёт. Такое не обязательно из-за разрушения домов бомбами бывает. Например, я знаю, что многие деревянные дома специально разбирают на дрова, а жильцов переселяют в пустующие квартиры каменных домов.

Лёнька же написал, что он потрясён гибелью почти всей семьи. Причём гибелью в тылу. Пишет, что сук фашистских без всякой жалости станет давить гусеницами. Ещё он написал, что жив и здоров, участвовал в наступлении под Москвой, а сейчас их отвели в тыл на переформирование.

И у Лёньки теперь новый танк, Т-34. Лёнька тренируется управлять

им. А их старенький Т-26 фашисты так и не подбили. Полностью исправный танк Лёнька сам загнал на железнодорожную платформу. Танк увезли. Лёньке жаль было боевого товарища, но он понимает, что танк слабый и Т-34 гораздо лучше. А что будет с его старым Т-26, Лёнька не знает. Может, в переплавку его отправят. Хотя это вряд ли, танк-то исправен. Скорее, как учебный будут использовать. Или на Дальний Восток отвезут. Японцев гонять и такого танка хватит.

О, а вот и Сашка. В окошко видно, как он тянет в сторону двери санки с закутанным в одеяло мальчишкой в пальто. Одеяло Сашка с собой брал, чтобы не заморозить ребёнка по дороге. Вот открывается дверь и они входят внутрь. Ой, у Арсения на ногах не валенки, а ботиночки. Конечно, если он в госпиталь в ноябре попал, то вполне мог и в ботинках тогда быть. Сейчас же в ботинках холодно.

Ребята обступили новенького, разглядывают, а тот явно смущается. Саша помогает Арсению снять пальто и... Ох.

Бедненький.

Сволочи, ну какие же сволочи! Ну, за что такое нам?

У Арсения не было правой руки до локтя...

Глава 40

— ...Да вам с ветром повезло просто!

— Не, это вы играть не умеете. Пушек набрали, а не подумали, кто стрелять будет из них.

— Чего? Стреляли наши!

— Ага. По рыбам. Может, пару килек и убили. А по нам с двух клеток — и то промахивались.

— Зато уж если попадём, так попадём! Как Ромка вам мачту на «Авроре» сбил, а?

— Вот только и попали один раз нормально. У нас же пушек хоть и меньше, зато канониры какие! Мы и с четырёх клеток попадали иногда, с двух же вообще почти не промахивались, вот!

— Просто повезло вам.

— А вы ещё как дурачки на абордаж полезли. Ха-ха три раза, так и позволили мы на абордаж нас брать. Что мы, пираты, что ли?

— Ладно, вот завтра будем снова играть, мы вам покажем!

— Ну-ну, покажите-покажите.

— Костик, ты нам нарисуешь новую карту завтра?

— Ребят, у меня краски кончаются.

— Ну, пожалуйста, Костик, пожалуйста! Мы уже неделю по этой играем, уже все мели выучили наизусть. Нарисуй, пожалуйста, Костик!

— Ладно, нарисую. Только вы с пола сначала старую карту смойте, хорошо?

— Конечно, Костик, смоем. Спасибо, Костик!

— Так, всё, мальчики! Мальчики, убираем кораблики, ложимся спать.

— Лен, а ты нам расскажешь дальше? Нашли они сокровища?

— Расскажу. Быстрее только собирайте кораблики.

— Мы сейчас, Лен. Мы быстро.

— Саш, девчонок своих собирай тоже. Хватит сидеть уже. Спать пора!..

Да, так вот как-то и получилось, что весь наш детдом разбился на две примерно равные по численности группы. Группа мальчиков и группа девочек. В общем, это вполне нормально. Галина Степановна говорила, что так почти всегда и бывает. И одновременно не совсем нормально.

Дело в том, что группой мальчиков команду я, а с девчонками больше Сашка занимается. Доходит уже вообще до смешного. Арсений

своей одной рукой вполне способен расстегнуть себе штаны. В туалет он ходит без посторонней помощи. Но вот застегнуть пуговицы обратно одной рукой у него не получается, там петельки тугие. И застёгивать штаны он приходит не к Сашке и не к Костику, а ко мне. Застёгиваю, конечно. Куда ж деваться то? Ну, привык Арсений ко мне, что делать?

У него очень ручка болела. Ручка, которой нет. Но она всё равно болела. Ручки нет, но она болит. Мне так жалко его было, только что я могла сделать? Арсений засыпал лишь в моих объятьях. Я его обнимала, гладила по голове, и он засыпал так. С Сергеевым он спать не мог совсем. Арсений со мной спать стал в одной кровати. Бедненький, я так жалела его. И другие ребята помогали ему. Кроме южан, южане его просто ненавидели.

Дело в том, что Арсений, похоже, оказался прирождённым флотоводцем. Южан он гонял и в хвост и в гриву. Впрочем, лучше я расскажу обо всём по порядку.

Всё началось с того, что у нас в детдоме не было игрушек. Ну, нечем детям играть было. Галина Степановна пыталась как-то решить этот вопрос, выбивала игрушки. Только не было нигде игрушек, не выпускали их во время войны. Но! Швейная фабрика откликнулась на наш отчаянный призыв. Они отдали нам огромный ящик отходов шерстяного цеха. Нам этот ящик на машине привезли, он большой был, чуть ли не в центнер весом.

В ящике были кусочки связанного шерстяного полотна, разных цветов. То есть это на вязальной фабрике полотно это вязали машинами, а потом на швейной из связанных кусков одежду шили. При этом оставались небольшие обрезки вязаного шерстяного полотна, да ещё и разных цветов. Вот нам и привезли полный короб таких шерстяных обрезков. Думали, мы из этих обрезков шерстяного полотна сами сделаем себе игрушки.

Но не тут-то было! Сашка как эти обрезки как увидел, у него глаза так и загорелись! Это, говорит, настоящий клад. И объяснил свою идею. Ведь это шерсть, настоящая шерсть промышленного производства, к тому же ещё и покрашенная. И все эти шерстяные обрезки вполне можно распустить на ниточки. Ведь это же не ткань, это вязаное полотно, оно легко распускается. А из ниток потом можно связать новые вещи, тёплые и красивые. Мы сами их свяжем! А раз сами вязать будем, то сами и придумаем, какие они будут. Всем свяжем разные, двух одинаковых вещей не будет ни у кого!

Сначала Сашку не поняли, но он показал, что имеет в виду. Взял один обрезок и потянул за торчащую из него ниточку. Ниточка легко из обрезка вытянулась и у Сашки в руке оказалась тонкая шерстяная нить длиной

сантиметров тридцать. Сашка вытянул ещё одну такую же одну нить и связал вместе с первой. Потом ещё одну, ещё. Вот, у него уже нитка длиной метра полтора, он начал сматывать её в клубок. Но она же тонкая, из такой нельзя вязать, говорю. А Сашка смеётся. Глупая, говорит мне, её ведь можно сложить и в три, и в четыре, и в пять нитей. И вязать сразу такой сборной ниткой. А то, что узелки на нитках есть маленькие, так это не важно. Их совсем не трудно во время вязания спрятать на изнаночной стороне, снаружи готового изделия видны не будут.

Из наших ребят только Женька Ковалёва кое-как умела вязать, больше никто. Но Сашка обещал всех научить. Вот, с тех пор девчонки к Сашке и потянулись. Им ведь скучно, дети же. На улице холодно, не погуляешь долго, игрушек нет, бумаги, чтобы рисовать, тоже нет. Ещё и кушать хочется всё время, но к этому как-то привыкли уже. А тут такое занятие, можно для себя самой связать новые красивые разноцветные варежки или носочки.

Сначала, конечно, нужно было распустить обрезки, да ниток из них наделать. Девчонки рассаживались по ближайшим к печи кроватям и терпеливо начинали выдёргивать ниточки и связывать их между собой. Сашка выпросил у Галины Степановны двадцать рублей денег, сходил в магазин и купил вязальных спиц на все двадцать рублей. К счастью, спицы продавались безо всяких ограничений.

Потом вязать начали. На первый раз Сашка учил носки вязать, это самое простое. Конечно, первые носки в большинстве у девчонок получились кривые и некрасивые, даже ревел кое-кто от обиды. Но Сашка учил, показывал, помогал и постепенно ситуация начала выправляться. Девчонки, даже четырёхлетние, вязать научились довольно прилично, а Ковалёва вообще наострилась вязать быстрее самого Сашки. Правда, только носки. Нашу нянечку Костика припрягли, он им новые узоры придумывал. А это совсем не просто, ведь нужно придумать узор красивый, но в то же время простой. Из двух, максимум трёх цветов, но тремя цветами вязать сложно. Трёхцветные носки отваживалась вязать только Ковалёва. Цвета ещё подобрать нужно правильно, синий с зелёным, например, совсем не смотрится. Цвета тоже Костик подбирал. Ну, на то он и художник, пусть и будущий.

Почти все девчонки наши увлеклись вязанием. Только Галочка Синицына не стала учиться вязать, остальные все стали. А вот мальчишек наших вязание как-то не заинтересовало. Им и нитки скучно выдёргивать из тряпочек и вязать. Вот и получилось так, что я вынужденно отправилась мальчишек развлекать. Ну, что с ними делать? Жалко ведь их. Практически

все совсем недавно потеряли всё — родителей, родной дом, всю свою прежнюю жизнь. Арсений ещё и руку потерял. Сидят, как старички, на кровати, прижавшись друг к другу. Из всех развлечений у них только радио осталось, им даже поиграть не во что.

Не во что? Ну, я и решила расшевелить их. Нет игрушек? А мы сами сделаем! Ребята, давайте в кораблики играть. Не умеете? Так я научу, это очень интересно. А кораблики мы сами сделаем, из полена вырежем. Неважно, если кривовато получится, играть и кривыми корабликами можно.

Это Мишка такую игру придумал, сам. Я с Мишкой и Лёнкой много раз играла, обычно я с Лёнкой против Мишки. Правила там очень сложные, одних игровых кубиков четыре штуки нужно и ещё вертушка, ветер указывать. Корабли разных типов, таблицы всякие. И Мишка ещё постоянно эти правила усложнял и детализировал. В поздних вариантах правил у него на скорость корабля влияло даже время, прошедшее с последнего кренгования.

Конечно, по настоящим, Мишкиным, правилам учить играть ребят я не стала, те правила для них слишком сложны. Но я сама упрощённый вариант придумала. У нас и игровое поле из квадратных клеток состоит, а не из шестиугольников, как по Мишке полагается, и кубиков всего два нужно, и орудия только калибром отличаются. В общем, сильно упростила я правила, даже приливы и отливы выбросила из них. Но ребятам всё равно очень понравилось.

Я сама не играю, я что-то вроде арбитра, слежу за соблюдением правил и бросаю кубики. Галочка Синицына, которая осталась равнодушна к вязанию, тоже в кораблики играть стала с мальчишками. И очень неплохо у неё это получается. Уже два раза подряд её адмиралом южан ребята выбирали.

Сначала я предложила мальчишкам разбиться на две группы — флот красных и флот синих, но из этой затеи ничего не вышло. Абсолютно все ребята хотели играть только во флоте красных, играть за синих не желал никто. Пришлось разбить флот на южный и северный. В таком варианте это прошло, так ребята поделиться согласились. Арсений командует северным флотом, а Синицына — южным.

Правда, Галочка имеет какую-то нездоровую тягу к количеству и калибру орудий. Она свой флот вооружает огромным количеством мощнейших пушек, забывая о том, что воюют не пушки, а люди. Галочка же пушками обвешивается в ущерб всему. У неё и команда получается неопытная и корабли неуклюжие. Зато по мощи залпа флот южан, если его

Галочка набирала, получается втрое сильнее флота северян. Только его это не спасает. Однорукий адмирал Арсений всё равно топит эти до зубов вооружённые плавучие сараи. Но Галочку, тем не менее, ставят адмиралом, она хоть как-то Арсению сопротивляется, других тот ещё быстрее обыгрывает.

Карту Костик нарисовал нам прямо на полу, гуашью. Она, конечно, была маленькая, всего 230x120 клеток, но крупнее карта не помещалась в комнате. А Мишка, помню, под конец карту 2500x2500 нарисовал. Они с Лёнкой только чертили её неделю на шести огромных листах ватмана. Зато потом мы три месяца по ней играли, пока Мишка десант не высадил и одновременным штурмом с суши и моря не взял главную базу Лёнки. Я тогда сдалась, у меня всё равно кроме всякой мелочи только лишь два 80-пушечных линкора 2-го ранга оставалось, причём один сильно побитый.

Это была последняя Мишкина победа. Он одержал её два года назад. Да, точно, ровно два года назад, в начале марта 40-го, Мишка нас разбил и ушёл служить на флот. Больше мы не играли. Вдвоём с Лёнкой, без Мишки, играть было не интересно. Мишка, правда, однажды приезжал в отпуск, но тогда играть мы не стали. Две недели отпуска — слишком малый срок для игры. Мишка обещал вернуться из армии и тогда уже нарисовать просто огромную карту и сыграть по новым правилам. Он придумал, как их ещё больше усложнить. Но из армии он не вернулся и та победа навсегда так и останется для него последней.

Или не последней? Ведь я не знаю, как он умер. Быть может, их лодка перед гибелью успела потопить какой-нибудь огромный корабль, битком набитый фашистами. И все эти фашисты утонули, вместо того, чтобы сейчас стрелять в нас. Наверное, так и было. Конечно, Мишка не мог иначе. Он был настоящий моряк, и я очень любила его.

Остался один лишь Лёнка. Как-то он там? Дядю Игоря ранили, он в госпитале сейчас. Прислал письмо и написал, что у него перелом бедра и это ему повезло ещё. Они с фашистской батареей артиллерийскую дуэль вели и проиграли её. Им прилетело от фашистов. Из всей батареи шесть человек лишь выжило, дядя Игорь легко отделался. Погиб капитан Шибанов, который тогда, в декабре, пожалел нас с Сашей и дяде Игорю увольнительную выписал.

А Лёнка всё в тылу, он не воюет. Танк свой постоянно нахваливает, какой он у него весь такой-растакой. У них там даже на днище броня толще, чем у Т-26 лобовая была.

Письма с фронта не только мне и Сашке приходят, конечно. Позавчера вот Сергееву папа письмо прислал, он в авиации служит. Правда, сам не

лётчик. У папы Сергеева довольно экзотическая специальность — он военный метеоролог. Это такая радость, когда кому-то, неважно кому, письмо приходит! Сначала его читает тот, кому оно адресовано (конечно, если сам читать умеет), а потом то, что можно, читаем вслух остальным. Ответ же всем детдомом сочиняем, как мы тут живём и что важного и интересного у нас и вообще в Ленинграде.

Всё, спать пора. Скорее бы завтра уже, как не терпится-то! А на следующую ночь кровати мальчишек нужно будет подальше от наших отставить, да и к самим мальчишкам завтра близко лучше не подходить, а то опять наберёмся. Завтра девочкам придётся вечером без помощи Сашки вязать, а в кораблики вообще играть не будем. Нам с Синицыной к мальчишкам лучше завтра не приближаться. Ничего, потерпят один день без игры.

Жалко, Галина Степановна заболела, она тоже хотела с нами пойти. Но у неё температура, нельзя ей. Так что придётся уж мне их вести завтра. Конечно, девочки, кроме Синицыной, больше к Сашке привыкли, чем ко мне, но Сашка не может ведь идти с ними. И Костик не может. Остаюсь только я, больше никому...

Глава 41

Дождик. Дождик пошёл. Вернее, снег с дождём. Значит, весна уже почти пришла. И сегодня не холодно, я даже две верхние пуговицы на пальто расстегнула. Наверное, скоро можно будет открыть нашу вторую комнату и использовать её по прямому назначению. Там игровая комната должна у нас быть. И Галина Степановна в маленькую комнатку переедет, она же под кабинет директора изначально планировалась. А то тесно нам всем в одной спальне. Там и игровая, и раздевалка, и кабинет директора и кладовка. Всё в этой одной комнате. Но топить две комнаты у нас дров не хватит, хотя печка во второй комнате и стоит.

У нас праздник! Сегодня 8 марта. Весна приближается, снег уже подтаивать начал. Теперь вот и дождик пошёл. Ну и пусть дождик, это нам настроение не испортит. Мы с девочками радостно шлёпаем галошами по лужам, приближаясь к вожделенной цели. Впереди я иду, а за мной парами все наши девочки, все 28 человек. Под мышкой каждая, в том числе и я, тащит небольшой свёрток. У меня помимо свёртка ещё и бутылочка мутной жидкости, за которой Саша вчера в аптеку ходил.

Как быстро время летит! Кажется, совсем недавно было 23 февраля, и мы мальчишек поздравляли, а потом ходили в госпиталь давать концерт для раненых. Сегодня же уже мальчишки нас поздравляли. Поздравляли, а сами наверняка завидовали нам. Ничего, они завтра сходят. Сегодня же ведь женский день. Иначе и быть не могло, никому и в голову не пришло бы назначить 8 марта мужским днём. Это даже и звучит-то глупо.

Нам такой подарок сделали, такой подарок, ух! Мы в баню идём. В баню! В городе стали открывать бани и парикмахерские! Фашисты всю зиму бомбили нас, стреляли по нам, а мы вот так! А у нас бани открывают, нас не возьмёшь!

В парикмахерскую мы 1 марта ходили, всем скопом. И нам всем, и мальчикам и девочкам, сделали там совершенно одинаковые короткие стрижки. Понятно, почему короткие. Чтобы вшей меньше было, конечно. А сегодня мы вот в баню идём, у меня ордер на помывку есть. Мальчишки завтра пойдут, а мы сегодня. В свёртках у нас у всех чистое бельё, чулки, мыло и полотенце. У каждой второй девочки мочалка, нам их по одной на двоих дали. Ещё бутылочка моя есть, там какая-то жидкость, которой нужно голову помазать, а потом смыть.

А вот и нужный нам дом с вывеской «Баня». Зашли, внутри тепло,

группа довольных девушек с противогазами на боку и в нарукавных повязках МПВО проходит мимо нас к выходу. Баня, видимо, всё ещё ремонтировалась, повсюду какие-то кирпичи лежат штабелями, доски, куски труб, кучи цемента. Вот так, ремонтировалась баня, но при этом работала. Конечно, все так давно не мылись, что её поспешили открыть прежде, чем ремонт завершится.

Отдала я свой ордер женщине у входа и та нас проводила в раздевалку. Давайте, говорит, быстрее, не задерживайте. Горячую воду в любой момент могут выключить.

Мы быстро-быстро разделись, отдали верхнюю одежду на санобработку, а сами в помывочное отделение зашли. Горячей воды мало, мыться быстрее надо, пока не остыла. Нам по два тазика горячей воды каждой дали. Смотрю, а девчонки-то мои мнутя нерешительно около своих тазиков. Худющие все, локти да коленки торчат. Они уж и забыли, как мыться-то надо, стоят, локтями себя за плечи обхватив. Конечно, некоторые целиком последний раз аж в октябре мылись. Я и сама-то как 31 декабря помылась дома в тазике, так с тех пор и хожу.

Но вспомнили всё же девочки, как мыться, вспомнили! Постепенно и смех зазвучал, и плескаться даже немножко друг в друга начали. Ну, дети же! Я быстро помылась сама и стала самым мелким помогать. Головы ещё всем из бутылочки своей обработала. Не знаю, что там было налито, но воняло это что-то премерзко.

Наконец, отмылись мы, чистые и довольные в раздевалку вышли, а вместо нас сразу новая группа заходит, их тоже торопят, быстрее, быстрее. Очень хорошо быть чистой! Впечатление, будто вместе с грязью я с себя и ужас войны смыла. Хотели одеваться уже и тут...

Женька Ковалёва на мокром полу поскользнулась и упала прямо в кучу какого-то строительного мусора. К счастью, она не ушиблась, испачкалась только сильно. Над ней сначала стали смеяться, но смех быстро утих. Девочки поняли, что это, вообще-то не смешно. Совсем не смешно.

Она ведь только что помылась, чистая была. А горячей воды нет, и больше не будет, она свои два тазика уже использовала. Нас торопят, быстрее, быстрее одевайтесь! Но у Женьки вся нога, бок и рука в цементе и какой-то дряни. Надевать чистую одежду на такое? Сама Ковалёва чуть не плачет. Так хотела помыться, а тут...

Ну, что с ней делать? Повела её обратно в помывочное. Там уже совершенно незнакомые девчонки лет 8–9 моются. А горячей воды нет, её выключили. Вот им тазики наполнили и выключили. Я объяснила этим незнакомым девочкам, что у нас случилось. Помогите, пожалуйста.

Ближайшая к нам девчонка посмотрела на меня, потом на Женьку, а потом манит её к себе рукой. Та подошла, и эта девчонка молча зачерпнула из своего тазика двумя ладошками воду и вылила Женьке на плечо. Так Женька и шла от одной девочки к другой, и каждая черпала из своего тазика и лила на неё. Вот так эти совершенно незнакомые нам девочки, которых мы никогда раньше не видели, второй раз отмыли Женьку, поделившись с ней своей горячей водой. Последняя вообще черпала и поливала два раза, так как нога у Женьки отмылась не до конца.

Чистые, довольные и радостные шли мы обратно домой. Да, мы шли домой. Дура я была, когда не хотела в детский дом идти. У меня теперь столько сестёр и братьев! Не знаю, может быть в других детдомах и не так, я же не была там, но в нашем мы живём одной большой семьёй. Может быть, это заслуга Галины Степановны? Может быть. Она ведь пятьдесят лет в приютах работала, смогла из нас настоящую семью сделать всего за полтора месяца.

Дождик закончился. Солнышко выглянуло, с сосулек капает, под ногами хлюпает. Какой-то командир навстречу идёт в распахнутом полушубке. Явно не Ленинградец, с Большой земли недавно. Я ленинградцев отличаю как-то. Ого, майор и танкист это.

Я хотела обойти этого майора, но тот неожиданно остановился, изумлённо оглядывает нас. Четырнадцать пар девчонок и я впереди. Как это спрашивает? Вы откуда такие? Как из другого мира. Хмурый измученный город, снег, грязь, измождённые люди. И вы, такие радостные. Откуда?

Ну, как ему объяснить, что мы только что помылись? Помыться — это счастье, это праздник. Весна пришла, мы помылись, сегодня 8 марта и скоро, очень скоро будет Победа!

Не знаю, понял он что-нибудь из моих объяснений или нет. По-моему, не понял. Нужно было пережить эти ужасные ноябрь, декабрь и январь, чтобы понять, почему мы такие счастливые сегодня. Мы помылись, вот почему!

Майор же снял с плеча свой вещмешок и стал копаться в нём. Немного погодя, он вытащил из него... ой! Я сначала даже испугалась, увидев на ней надпись на немецком языке. А майор улыбается, говорит, что бояться не нужно. Фашисты, конечно, сволочи, но шоколад делают вполне съедобный. Это трофей. Он сам, лично, отбил у фашистов эту шоколадку в январе.

Спасибо. Майор попрощался с нами и ушёл. Но прежде чем уйти, взял с меня честное слово поровну разделить эту шоколадку между всеми

девочками. Мы пошли дальше, к дому, но метров через сто я поняла, что честное слово дала опрометчиво. Мне его не сдержать. А как же мальчишки наши? Идти догонять майора было поздно. Я остановила своих девчонок и поделилась с ними проблемой. Как быть? Все согласились, что жрать шоколад и не поделиться с мальчишками совершенно невозможно. Майор просто не подумал о том, что в детдоме есть ещё и мальчишки, это они в баню с нами не могли идти, а вообще они есть. Так меня коллективно от честного слова и освободили.

Когда мы пришли домой, нам цветы подарили. Не настоящие, конечно. Где бы они настоящие взяли? Костик букет на полу нарисовал. Зато букет очень большой и красивый.

А потом я узнала, что мой брат Саша — дважды дурак.

Мы развернули шоколадку, положили её на стол, Саша сходил на кухню и принёс оттуда самый острый нож, а потом полчаса ползал с линейкой вокруг шоколадки, делал на ней крохотные зарубки и что-то считал на полях газеты. Малышня же сидела на кроватях, заморожено смотрела на Сашу и старалась не захлебнуться слюнями. Последний раз шоколад они ели на Новый Год, да и то не все. Ну, сколько можно возиться? Что он так долго делит её?

Наконец, Саша распил шоколадки закончил. Налетайте, говорит. Перед ним на столе куча одинаковых шоколадных прямоугольников. Я тоже один взяла. Ммм... как вкусно! Я буду медленно-медленно сосать его!

Все получили по кусочку шоколадки, все-все. А Сашка ножик облизывает, которым шоколад резал. Так я узнала, что Сашка первый раз дурак. Он не сумел разделить прямоугольник на 43 совершенно одинаковых части. Сашка — плохой математик. А ему ещё пятёрку в четверти поставить хотят. Какая пятёрка? Тройка! С минусом! Он шоколадки не умеет делить. Не делится у него, видите ли. Сумел только на 42 части разделить, и ему самому не хватило. Балбес!

И тут я поняла, что Сашка дурак во второй раз. Не мог сразу сказать мне? Мы бы мой кусочек пополам разделили. А теперь что делать? Я выплюнула себе на ладонь этот уже хорошо так обслюнявленный кусочек, почти насильно открыла Сашке рот и затолкала этот липкий и сладкий кусочек туда.

Вот так! Чтобы в следующий раз головой думал!..

Глава 42

Фу, как жарко! Передохну чуть, а то я вспотела вся. Уж и пальто сняла, и шапку, а всё равно жарко. С шапкой вообще нужно что-то решать. Сашку, что ли, попросить связать мне шерстяную? Скоро апрель уже, а я всё так и таскаюсь в своей белой меховой шапке, другой-то нет у меня. А девчонки наши уже многие себе новые красивые шапочки связали.

Ящик с обрезками шерсти кажется бесконечным. Три десятка девчонок всё время что-то вяжут или мотают клубки, а этот ящик за полтора месяца опустел меньше, чем на треть. Сашкина идея вязать себе предметы одежды увлекла девчонок. Абсолютно у всех уже новые варежки (кое у кого и по две пары), новые носки, шарфики. Девчонки не только себе вяжут, мальчишкам тоже. И адмиралу Синицыной варежки и носочки связали, хоть она и не мальчишка. Но так как она адмирал, то Костик конкретно для неё придумал узор варежек в виде золотого якорька на голубом фоне. А Сашка, как самый опытный, вообще шедевр соорудил. Он связал новую тёплую кофту для нашей Галины Степановны с узором аж из пяти (пяти!) цветов. Это какое-то произведение искусства у него получилось. Костик три дня такой сложный неповторяющийся узор придумывал.

Ладно, передохнула я, буду опять копать. Костик ломом отковырял довольно приличный кусок льда, а Сашка перекапывал его на носилки. Наша нянечка Костик поправился, он больше не похож на того доходягу, что пришёл к нам на опухших ногах в начале февраля. Нам уже перестали варить такие вещи, как похлёбка с отрубями или суп из дуранды. Вполне нормальные и по довоенным меркам супы готовят. Даже мясо в супе иногда встречается! Правда, это у нас, в детдомовском супе. Для посетителей с улицы супы похуже, но и их тоже отрубями в воде больше не кормят.

Ой, ещё одна. Опять хлебная? Ага, точно. Я очередную хлебную карточку на октябрь месяц откопала. Ну да, конечно, и тоже без штампа. Что-то их тут много в этом месте валяется, я одна уже пять штук откопала. Ребята тоже иногда откапывают. Фальшивая, разумеется. Такие карточки фашисты в октябре с самолётов иногда сбрасывали. Помню, как мы с ребятами осенью ходили собирать их по улице, а потом в отделение милиции приносили сдавать.

Эти сволочи думали, что мы по их фашистским фальшивкам кинемся лишний хлеб получать. Ага, как же. Ленинградцы не такие. В начале декабря, ещё когда Вова жив был, помню такой случай произошёл. Стою я

в булочной в очереди, и тут какой-то мужик подошёл без очереди к прилавку, оттолкнул продавщицу и нагло через прилавок перелез. А потом стал оттуда выкидывать хлеб. В зал кидает буханками прямо на пол и кричит: «Ешьте, люди, ешьте!».

У меня возле ног целая буханка лежит, дома Вова умирает, но... как же я возьму её, ведь тогда кому-то вообще ничего не достанется, не хватит. И ведь это же провокатор! Нам и в школе про таких говорили, и по радио тоже. Мужик накидал на пол десятка три буханок, вылез из-за прилавка и хотел убежать. Но куда там! Мы его не пустили. Он сильный был, явно не голодал, вырывался, но его человек десять держало. Женщины в основном, мужчины тогда слабее были. Вызвали милицию, сдали его. А пока милицию ждали, я с ещё одной девочкой буханки с пола подобрала и обратно отдала продавщице.

Вот так! А они думали фальшивыми карточками нам всё запутать. Хотя, наверное, кто-то с голоду эти карточки и использовал. Но вряд ли таких много было, в октябре ещё не голодали. Нет, тогда, в октябре, мы думали, что голодаем. Но когда пришёл настоящий Голод, мы поняли, что на самом деле октябрь был сытым месяцем.

Впрочем, не зря ведь тогда, в середине октября, карточки перерегистрировали. Нужно было прийти в домоуправление и на настоящих карточках ставили штамп «Перерегистрировано». Без такого штампа карточка была недействительной. Думаю, это как раз вот от таких фальшивых карточек защищались.

Фашисты недолго карточки разбрасывали. Видимо поняли, что затея себя не оправдывает. После октября ни разу не кидали. А с декабря это вообще бесполезно стало. В декабре каждый выбирал магазин, где хотел отовариваться, и в том магазине ему штамп ставили на карточку. Без штампа магазина или со штампом другого магазина карточки не отоваривали. Это позволило почти победить очереди и чуть не убило нас с Сашей, когда закрылась наша булочная.

Ладно, это всё в прошлом. Мы самое страшное пережили, впереди весна и победа. Всё будет хорошо теперь. У нас весенние каникулы сейчас, не учимся, но когда в последний учебный день мы с Сашей шли из школы, то заглянули по привычке в наш продуктовый магазин. У нас ни денег не было, ни карточек, но мы всё равно зашли, посмотреть что там. Заходим — очереди нет. Ну, думаю, и продуктов нет. А вот и нифига! Есть, есть продукты! В магазине есть еда, но её не берут! Не берут люди! В продаже яичный порошок и соевые конфеты. Очереди нет. И никто не берёт их! Наверное, не хотят на такие карточки тратить. Конечно, вместо соевых

конфет лучше настоящий сахар купить, когда завезут. А яичный порошок очень уж невыгодно брать. Только с большого голода можно. За 170 граммов яичного порошка из мясной карточки вырезают килограмм. Килограмм мяса за 170 граммов порошка! Ну, и какой идиот согласится на такое? Лучше подождать хоть какого-нибудь мяса или хотя бы консервы. Килограмм мяса равен 700 граммам мясных консервов. Всё выгоднее получается, чем порошок этот.

Ну, ещё лопатку и всё. Носилки полные. Сашка с Костиком подняли их и понесли в сторону грузовика, в который грязный снег и мусор всякий складывают.

Народу много на улице, но тесными кучками стараются не вставать на случай внезапного обстрела. Мы вот уже третий день, как и весь город, выходим на уборку улиц. Пока ещё не пришло тепло, нужно срочно очистить Ленинград от грязи. Иначе у нас тут могут эпидемии начаться.

Трудовая мобилизация проведена. Все трудоспособные жители от 15 до 60 лет обязательно должны отрабатывать по 8 часов в день на уборке, а если это учащийся, то 6 часов. Даже работающие после окончания рабочего дня ещё два часа обязаны убираться на улице, во дворе или на своём предприятии.

Из нашего детдома мобилизации никто не подлежал. Даже Сашка ещё слишком молод для этого. У Костика же не было самого такого понятия «окончание рабочего дня». Он на казарменном положении был. А мы всё равно вышли на уборку, все вышли, все-все, даже самые мелкие ковыряются в грязном снегу своими игрушечными лопатками. Поднимут на лопатку капельку снега и с серьёзным видом несут его к носилкам. У нас лишь Галина Степановна не работает, просто стоит и за порядком следит. А так все копают.

Арсению тяжелее всех. Он пытался копать, держа лопатку в одной руке, но у него ничего не получилось. Одной рукой копать он не может. Он ходит, поднимает крупный мусор, что может одной рукой поднять, и таскает его прямо к машине. Ну, палочки там всякие, бумажки, бутылки, осколки снарядов, стекло битое. А мы копаем. Два раза за сегодня подснежников находили. В смысле, трупы старые. Их не в мусорную машину, конечно, складывали. Труповозку звали, они подъезжали и забирали. Ой, кажется, ещё одного нашли. Девчонки наши откопали что-то около самой стены дома, Сашку зовут.

Подошла. Да, точно, ещё один труп. Ребёнок. Не пойму, мальчик или девочка? Моего возраста примерно. Пальто серое, валеночки чёрные. Наверное, шёл куда-то и не дошёл.

Сашка с Костиком быстро раскапывают труп, а Арсений побежал звать труповозку. А что это рядом с ним лежит? А, понятно, бидон валяется. За водой, значит, ходил. С бидоном. За водой. Серое пальто. С бидоном за водой?!

Бидон!! Это... да, это его бидон, я помню! Он всё-таки дошёл до Невы и набрал там воду. Бидон наполовину полон льдом. Вот только донести эту воду до дома он не смог.

Как странно.

Я умирала и прощалась с ним. А он не дошёл. И теперь я жива, а он нет. Как странно. Ведь он был сильнее. Выжить должен был он! Несправедливо.

Подъехала труповозка. Забирают тело. Но сейчас не декабрь 41-го, а конец марта 42-го. Сейчас не складывают покойников как брёвна. Ему прицепили на ногу нанизанную на проволоку дощечку с номером и поинтересовались, не знает ли его кто. Его похоронят не в братской могиле.

Конечно, знаем. Лицо страшно изуродовано смертью, но узнать всё равно можно. И я, и Саша его узнали. Это он. С наших слов женщина записала в тетрадку, где он жил и кто его родители. И даты рождения и смерти записала.

Я дату рождения не знала, а Сашка знал только примерно, один раз приходил к нему на День Рождения. Это во второй половине июля было, точнее он не помнил. Зато я точно знала дату смерти. Он умер 16 декабря, в тот самый день, когда мне людоеды свои страшные котлеты продали. Вот, так его и записали.

Смирнов Валентин Владимирович, 20.07.1930 — 16.12.1941...

Глава 43

— Ле-е-е-енка!! Ле-е-ен!!!

...

— Ле-е-е-ена!!!

— Чё орёшь, ненормальный? — выглядываю я с тряпкой в руке из игровой комнаты, где окна после зимы мыла.

— Лен, там Сашка тебя к телефону! — кричит возбуждённый Арсений. — Быстрее, случилось срочное что-то!!

Срочное? Сашка? Он с утра пошёл сегодня в нашу школу, помогать старшеклассницам окна в классах стеклить, нам стёкла привезли наконец-то. И что у него случилось? Телефон в школе есть только в кабинете у директора. Что могло случиться такого важного, чтобы Сашка пошёл к директору и попросил позвонить по телефону? К директору!!

Бросив тряпку, как была, с невымытыми руками, бегу к телефону, он у нас в приёмной у завстоловой стоит. Прибегаю — трубка на столе лежит, тётя Люда рядом невозмутимо читает газету.

— Алло!! — ору я в трубку. — Сашка?!

— Да!! — слышу знакомый голос. — Лен, быстрее, времени нет совсем. Беги к Ждановке, прямо как есть, некогда одеваться. Где столб такой покосившийся фонарный, помнишь? Беги!

— Что случилось-то?

— Беги быстрее, позже объясню. Сразу беги, мы едем уже.

— А мне...

— Быстрее!!

Вот чёрт! Что делать-то? Сашка трубку бросил уже. Ну, раз просит — значит нужно так, что-то действительно очень важное. Потому я одеваться не стала, только туфли переобула уличные, а так прямо в халате рабочем и понеслась. Что же там?

Прибегаю к столбу — и почти тотчас мимо меня грузовик проезжает. В кузове — полно ребят и девчонок наших, из школы. И вижу, как Сашка лихорадочно стучит кулаком по кабине. Машина притормаживает, я бросаюсь к ней, протягиваю руки, сразу несколько мальчишек хватают меня и легко втягивают в кузов. Сашка опять стучит по кабине, и грузовик снова начинает набирать скорость. Мы куда-то спешим.

— Да что случилось-то, Саш? — спрашиваю я его, протолкавшись поближе к брату.

— Мы опаздываем.
— Куда опаздываем?
— На матч.
— Куда?!
— На матч. На футбол мы едем!..

* * *

...Дмитрий Фёдоров (вызван с Карельского перешейка). Анатолий Викторов (зам. политрука медсанчасти). Георгий Московцев (рядовой, вызван из-под Красного Села). Ворота команды «Динамо» защищает командир катера Виктор Набутов. А теперь, состав команды Краснознамённого Балтийского флота. Иван Куренков («Спартак»), Анатолий Мишук («Зенит»)...

* * *

Офигеть. Футбол. Мы вот с такой скоростью подорвались и неслись, чтобы смотреть футбол. Я и в мирное-то время никогда не смотрела его, но тут... но сейчас... футбол. В осаждённом врагами городе мы играем в футбол. В футбол! И пусть Гитлер хоть удавится со злости, но мы играем в футбол!!

Сегодня 6 мая, среда, в субботу у меня день рождения, но сегодня, 6 мая, в окружённом фашистами Ленинграде проводится футбольный матч. Ленинградцы играют в футбол!

Мы буквально в последнюю минуту успели, игроки уже вышли на поле и комментатор начал объявлять состав команд. Пока он делал это, я вместе с ребятами пробралась на трибуны. Вернее, на то место, где раньше были трибуны.

Да, трибун на стадионе имени Ленина больше не было. Сама бетонная чаша стадиона уцелела, но от трибун теперь в лучшем случае сохранились головешки, тут явно пожар был. А местами и головешек не сохранилось — вероятно, окрестные жители растащили на дрова то, что само не сгорело.

Матч, тем временем, уже начался.

* * *

...Архангельский пасует Алову... тот передаёт мяч Михайлову... и динамовцы устремляются в атаку к воротам краснофлотцев. Московцев обводит защитника, сильно бьёт по воротам от границ штрафной площади, но вратарь балтийцев начеку, он отбивает мяч. Угловой удар...

* * *

Боже ж ты мой! Какой, ну какой им футбол?! Им лежать нужно, они ведь едва ходят! Не все, конечно. Которые фронтовики — те ещё ничего, даже бегать пытаются. А вот наши, кто зиму в городе провёл, так таких сразу видно. Худющие, из трусов и маек голые руки и ноги торчат. Некоторые временами даже шатаются.

Но — абсолютно у всех форма чистая и выглаженная, все красиво подстрижены и гладко выбриты. В общем, видно, что люди готовились к матчу, как могли. Им бы ещё питаться получше.

* * *

...рукой выбрасывает мяч из своей штрафной площади. Мяч подхватывает Мишук... пас Горбачёву... тот делает навес в сторону штрафной площади и... ай-яй-яй! Судья останавливает встречу и жестами просит врача выйти на поле...

* * *

Ну, вот, что я говорила? Какой им футбол-то?! Кто-то из краснофлотцев попытался ударить по мячу головой. Прыгнуть-то он прыгнул, даже по мячу попал, только вот этот мяч его с ног сбил. Теперь на земле лежит, шевелится, но сам встать не может.

Подбежал... гм... в смысле, быстро подошёл доктор в белом халате и с

саквояжем. Что-то дал понюхать лежащему на земле футболисту, а затем помог тому встать на ноги. К ним подошёл главный судья, и они втроём принялись о чём-то разговаривать. Я, понятно, не слышу, о чём они там говорят, мне далеко очень. Отсюда мне видно только, как футболист упрямо качает головой и, кажется, спорит и с врачом и с арбитром. Наконец, последний раздражённо машет рукой и кивает врачу, который тотчас уходит с поля.

Свисток!

Мяч в игре!!

* * *

...выполняет угловой удар. Алов бьёт по воротам! Штанга! Мяч отскакивает к Сазонову... пас Фёдорову к границе штрафной площади... мощный удар и... гол!!

На шестнадцатой минуте встречи команда «Динамо» открывает счёт. Гол забил Дмитрий Фёдоров. Один-ноль, дорогие товарищи ленинградцы.

* * *

Ну вот, нашим гол забили. Хотя те тоже наши. И эти наши. Тьфу, запуталась совсем. Кажется, я болельщиком становлюсь и мне, отчего-то, больше краснофлотцы нравятся, чем динамовцы. Не знаю даже, почему. Может, потому что краснофлотцы явно слабее и мне их жалко. В смысле, не играют слабее, а чисто физически слабее, среди них больше тех, кто всю зиму провёл в городе. На фронте же, как ни крути, но питались существенно лучше. У них там других опасностей полно, конечно, но вот такой катастрофы с едой, как в городе, не было.

Ай! Стоящий за моей спиной Кузнецов из 7-А покачнулся и довольно сильно толкнул меня, мы с ним оба едва не упали. Ладно, ладно, я не сержусь, Миш. Конечно извиняю, ты что? Ребят, да помогите же ему!

Мишка Кузнецов только на прошлой неделе из госпиталя выписался, у него крайняя стадия дистрофии была. Буквально, с того света вытащили его. Но хоть он и выздоравливающий теперь, но всё-таки далеко не здоровый. По-хорошему, его не нужно было брать на матч, ему бы в

постели полежать ещё. Но разве остановишь?! Мальчишка. Футбол!

* * *

...и счёт становится три-ноль в пользу команды «Динамо». За пять минут до конца первого тайма Аркадий Алов забивает третий гол в ворота команды краснофлотцев.

Но моряки-балтийцы не унывают и не падают духом! С центра поля они начинают очередную решительную атаку на ворота Виктора Нубутова.

Зябликов врывается в штрафную площадь динамовцев... удар!.. и мяч уходит на угловой...

* * *

Чёрт, что-то Кузнецову плохо стало, он устал стоять на ногах. Правой рукой он обнимает за шею своего одноклассника, а левой — Вику Королёву из 9-Б. Сам же Мишка практически висит на них и, кажется, вот-вот сознание потеряет. Видя такое дело, кто-то из девчонок-семиклассниц (не помню, как зовут её), вытащил из кармашка на переднике крохотный бумажный свёрточек, аккуратно развернул его и сунул Мишке в рот кусочек сахара. Мальчишка сразу заметно повеселел и принялся этот сахар сосать. Всё равно ему сесть нужно, а ещё лучше — лечь. Только тут негде садиться, вокруг только грязь, какое-то перекрученное железо, обломки бетона и головешки.

Может, в перерыве попробовать его к раненым пристроить? Они там, я вижу, сидят на чём-то некоторые. Наверное, с собой стулья принесли. Вообще, зрителей совсем немного, стадион почти пуст, но это и понятно. Зрителей же вон с какой поспешностью собирали, ведь никто не знал заранее про этот матч. Вот если бы афиши хоть за пару дней расклеили по городу, уверена, народу бы полный стадион набился. А так тут кроме нас есть ещё небольшая кучка каких-то служащих, десятка три военных и довольно приличная толпа раненых. Наверное, из какого-то ближайшего госпиталя выздоравливающих и легкораненых привезли.

Скорее бы перерыв уже, я тоже стоять на одном месте устала. Представляю, каково игрокам на поле, ведь они не стоят на месте, как я, а

бегают. Причём, бегают довольно шустро. Такое впечатление, что у них сил прибавилось, в начале матча бегали явно медленнее.

* * *

...даёт свисток. Итак, товарищи, первые сорок пять минут игры истекли. При счёте три-ноль в пользу «Динамо» команды уходят на перерыв.

Напоминаю, что согласно регламенту встречи игра проводится в два тайма по сорок пять минут каждый. Перерыв между таймами — двадцать минут.

Команды покидают поле и направляются в сторону раздевалок. Что ж, можно немного перевести дух и собраться с новыми силами. Перерыв!..

* * *

Фух, вот и перерыв. Жалко, сесть тут совершенно некуда. Кузнецова же, как я и думала, аккуратно поволокли в сторону скопления раненых. Вижу, там ему кто-то уступил свой стул, на который Мишка и уселся с явным облегчением. Вот, пусть отдыхает.

Среди раненых же, тем временем, началось какое-то копошение и шевеление. Какой-то моряк с забинтованным горлом ходит между раненых бойцов со своей бескозыркой в руках и многие что-то ему в эту бескозырку кладут. Наконец, моряк спустился с трибуны и куда-то пошёл с этой своей бескозыркой. И только когда он проходим мимо нас, я поняла, что именно собирали раненые. Моряк нёс полную, даже с горкой, бескозырку сахара и кусочков хлеба. Куда нёс? Ну, это понятно мне стало ещё до того, как он скрылся в раздевалке. Конечно, это для футболистов раненые собрали.

И тут наш комсорг школы, Женька Колокольцев, сказал громко: «Ребята, а мы?! Давайте тоже соберём, у кого что есть и кто... кто может отдать». Затем он снял с головы свой картуз, вытащил из внутреннего кармана пиджака половинку сухарика, положил его в картуз и дальше стал с этим картузом ходить среди нас.

Сашка рядом со мной посопел носом, но достал свою коробку из-под папирос. Он в ней кусочек хлеба держит и везде с этой коробкой таскается.

Даже спит с ней, даже в баню её носит с собой. И хотя Сашке было безумно жалко отдавать хлеб (хлеб!!!) каким-то совершенно незнакомым, в сущности, людям, он всё равно этот кусочек положил в шапку Колокольцева.

И так почти все, почти все что-то клали в шапку. В основном сахар, его проще всего с собой носить. Мне же было безумно стыдно, когда Колокольцев проходил мимо меня. Я ничего, совсем ничего не дала. У меня просто ничего с собой не было, ведь я так и стояла всё ещё в рабочем халате. И это при том, что дома у меня есть целое богатство. В моей жестяной баночке из-под карамелек лежит засушенный кусочек хлеба, целая конфета и ещё половинка конфеты. Причём это не соевые конфеты, а самые настоящие! Галина Степановна рассказала нам, что сейчас эти конфеты специально для детских домов и садов везут с большой земли самолётами. В декабре вот так же перебрасывали авиацией мясо для детдомовцев и для госпиталей, а сейчас конфеты везут...

* * *

...забивает четвёртый гол в ворота сборной Балтфлота! Прошло всего лишь две минуты с начала второго тайма, а команда «Динамо» уже выигрывает четыре-ноль! Да, отыгаться краснофлотцам будет явно непросто.

Итак, моряки вновь начинают с центра поля... простите...

Товарищи, внимание! Только что штаб МПВО объявил воздушную тревогу. Воздушная тревога, товарищи! Я вынужден приостановить матч. Прошу всех игроков и болельщиков немедленно спуститься в бомбоубежище. После отбоя воздушной тревоги игра будет продолжена с этого же места...

* * *

К счастью, тревога в этот раз была совсем недолгой. Я даже и посидеть толком не успела (в бомбоубежище были лавочки). Только вот спустились, разместились — и отбой дают. Быстро фашистов разогнали.

Но пока мы спускались в бомбоубежище, я краем уха слышала из

разговоров взрослых, что во время первого тайма фашисты, оказывается, обстреляли артиллерией запасное поле стадиона имени Ленина. Наверное, узнали откуда-то про футбол и решили нам сорвать его. Только то ли ошиблись они, то ли не ожидали, что игра не на запасном поле будет, а на основном. В общем, никуда они не попали, лишь на пустом поле воронок понаделали.

Вот, вернулись мы, значит, обратно на трибуны. Только на этот раз поближе к раненым из госпиталя встали — и Кузнецов с нами рядом на стульчике сидит, да и вообще место почище будет, чем то, где мы первый тайм стояли. Тут пожара не было, головешки не валяются повсюду, а отсутствие скамеек объясняется тем, что их на дрова зимой разобрали.

Да, почти чисто здесь, так, мелкий мусор вроде прошлогодних опавших листьев. Ну, бумажки ещё какие-то местами валяются. Сашка на одну бумажку наступил, но сам не заметил этого, его больше происходящее на поле интересует.

Ха, да это не просто бумажка! Хоть Сашка и стоит на ней, но я всё равно узнала её, видела не раз и даже читала. Это листовка фашистская, они такие весь апрель над городом разбрасывали, везде мусорили. Интересно, какой идиот у фашистов такую дурь сочиняет? Глупость же несусветная!

Ленинград — город мёртвых. Германцы — культурный народ. Сдавайтесь, как сдался Париж! Требуйте от комиссаров мирной передачи города Германии! Ага, сейчас, вот только валенки зашнуруем и сразу побежим требовать сдаться. Неужели фашисты серьёзно надеются, что Ленинград сдастся? Какая глупость невероятная! Ещё и лозунг такой дурацкий накарябали.

Всю листовку целиком мне сейчас не видно, но я её помню и знаю, что левый Сашкин ботинок сейчас стоит прямо на крупной надписи внизу фашисткой листовки: «Долой войну!»...

* * *

...звучит финальный свисток. Итак, дорогие товарищи, матч между командой «Динамо» и сборной командой Балтийского флота завершён. Со счётом шесть-ноль победила команда «Динамо».

Что ж, товарищи, подошёл к концу этот футбольный матч. Первый матч, проведённый в Ленинграде с начала войны. Первый, но, конечно же,

не последний. Не сомневаюсь, что футбольные матчи в нашем городе теперь будут происходить регулярно. А когда возобновятся игры первенства СССР по футболу, ленинградские команды обязательно будут принимать в них участие.

Также хочу сообщить, что прямая радиотрансляция этого исключительного матча велась по ленинградскому радио, весь наш город уже знает о том, что в Ленинград вернулся футбол. А завтра или в ближайшие дни запись трансляции сегодняшней игры будет повторена уже по всесоюзному радио. И вся страна и весь мир узнают правду о Ленинграде, узнают о том, что Ленинград — это не город мёртвых!..

* * *

Обратно домой мы на трамвае ехали, так как грузовики, на которых мы до стадиона добирались, уже куда-то делись. И всю дорогу, пока ехали, по всему вагону среди пассажиров только и разговоров было, что о сегодняшнем футболе. Даже те, кто до войны футболом не интересовался совершенно, даже они живо и увлечённо обсуждали это событие.

А я стояла возле окошка, смотрела на улицу и всё вспоминала, как футболисты покидали поле после игры. Пока шла игра, все они как-то держались, бегали, а вот после финального свистка стало очевидно, чего им это стоило. Кое-кто из футболистов даже сел на свежую весеннюю траву — ноги не держали. Таким помогали подняться товарищи и уводили их в раздевалку чуть ли не на руках. Причём команды сразу после игры мгновенно перемешались, никто не смотрел на то, в какой команде играл. Просто более сильные помогали ослабевшим, неважно из какой команды они там были.

И ещё вспоминала гордость на усталых лицах игроков. Они победили, они все сегодня победили. Даже и проигравшие всухую краснофлотцы вовсе не выглядели огорчёнными, ведь хоть они и проиграли, но всё равно победили.

Когда же мы с Сашкой вернулись домой, то застали всю нашу малышню за странным занятием — они все сгрудились возле окон и что-то увлечённо рассматривали на улице. Кому из ребят места у окна не хватило, так те стульчики подтащили, влезли на них и смотрели в окна поверх голов своих товарищей.

Конечно, мы с Сашкой тоже сразу подошли к окну, чтобы понять, что

это мелкие там рассматривают. Окна у нас во внутренний двор выходят, а мы с Сашкой через столовую зашли, прямо с улицы, так что о том, что происходит во дворе, понятия не имели. Происходило же там действительно нечто очень интересное.

На относительно ровном участке двора, между металлическим скелетом качелей и дворницкой будкой десятка полтора мальчишек и девчонок (да-да, и девчонок тоже!) занимались очень важным делом. Старым кожаным мячом они играли в футбол...

Глава 44

— ...Ну, что там, Лен?

— Погоди. Сейчас. Ага, вот, ещё кое-что видно.

— Чего?

— Пиши. Генерал-майор... атаку... первый ворвался... неразборчиво... комкор... ебучие... не, это не пиши, это он зря.

— Да ладно, Лен, я ж не маленький.

— Всё равно не пиши. Нехорошо. Может, потомки читать будут. А тут такое.

— Хорошо, не стану писать. Ещё видишь чего?

— Эээ... что-то про знамя. А, вынес на себе. Комиссар корпуса — пидо... гм... нехороший человек. Пропусти это.

— Как скажешь.

— Командарм вышел с ними, но его ранили. Его на носилках несли.

— Записал.

— Вот, а начштаба армии погиб точно, Лёнька сам видел, как ему голову оторвало.

— Записал.

— Саш, это кошмар какой-то! Да как он выжил-то?

— Лен, ты же сама приказала ему!

— Чего приказала?

— Не умирать. Не помнишь, что ли, в письме? Вот он и выжил. Ты не разрешила умирать ему, он и выжил.

— Да?

— Да. Это серьёзно. Лен, я бы тоже не погиб после такого письма.

— Дурак. Ой, смотри, куда Ковалёва влезла!

— Где? Блин, свалится же!

— Быстрее, сними её.

— Ага. Ну, я ей сейчас задам!..

Сашка убежал снимать с качелей Женьку с последующим тасканием той за ухо, а я аккуратно сложила и убрала в тумбочку последнее Лёнькино письмо. От Лёньки вчера такое письмо странное пришло. Он давно не писал, месяца полтора. Я уж и волноваться начала. Тем более, что-то там происходило непонятное в районе Харькова, возня какая-то. А ведь Лёнька как раз в тех местах служил примерно, на Брянском фронте он был.

А под Харьковом, насколько я из сводок поняла, нехорошо

получилось. Сначала наши наступали на Харьков. Наступали. Продвинулись на 60 километров. Большие трофеи, пленные. Потом наши закреплялись на достигнутых рубежах. Ещё закреплялись. Вели наступательные бои. То есть уже не наступали, а вели наступательные бои. Сводки нужно читать очень внимательно. Опять закреплялись на достигнутых рубежах. А потом бои стали уже оборонительными и даже упорными. Когда же сообщили о героическом сопротивлении, я поняла, что там совсем худо.

В конце мая Совинформбюро передало сводку за месяц. На Харьковском направлении с 12 мая фашисты потеряли убитыми и пленными 90 тысяч человек, наши потери 5 тысяч убитыми и 70 тысяч пропавшими без вести. Я не маленькая дурочка, понимаю, что настоящих цифр нам никто не сообщит. Думаю, немецкие потери можно смело поделить на три, а наши, соответственно, на три умножить. Это что, у нас 200 тысяч пропавших без вести? Двести тысяч?!

Ладно, допустим, у сотрудников Совинформбюро случился острый приступ коллективного безумия и нам сказали чистую правду. Всё равно, как это 70 тысяч пропавших без вести? Это где это могли за две недели пропасть без вести семьдесят тысяч человек, интересно знать?

А вчера вот такое странное письмо пришло от Лёньки. Я, конечно, обрадовалась жутко, раскрыла его, а там... Мамочки, такого я не видела ещё. К тому, что некоторые места в письмах с фронта кто-то замазывает чёрной краской, я привыкла. Да и на письме снаружи обязательно стоит штампик, что оно проверено военной цензурой. Но это письмо... это что-то. В этом письме чёрной краской было замазано две трети текста. Всё письмо в краске!

Что же такое секретное там написал Лёнька? Какие такие секреты военные он мог знать, ведь он простой механик-водитель. Хотя нет, уже не простой. Теперь Лёнька — младший сержант и командир танка! И он уже не на Брянском фронте служит, а на Юго-Западном. Во как!

О том, что Лёньке доверили танком командовать и о его переводе на другой фронт, в замазанной части письма было написано, это цензор секретным не посчитал. Ещё там было написано о том, что у Лёньки теперь новый танк, тоже Т-34, и новый экипаж. Что случилось со старым танком и старым экипажем неизвестно. А новый экипаж полностью из свежего набора, совершенно необстрелянный. Особенно Лёнька недоволен был Стёпкой, своим механиком-водителем. Пишет, что этот Стёпка зелёный, как огурец и тупой, как пьяный бабуин. Ему всё приходится объяснять, показывать и чуть ли не сопلي подтирать. Лёнька весь исплевался, от

водителя ведь очень многое в бою зависит.

Но что же там произошло-то под Харьковом, почему писем так долго не было и куда делся старый Лёнькин танк? После того, как наши вместо наступления начали оказывать немцам героическое сопротивление на Харьковском направлении прошло несколько дней, и само Харьковское направление из сводок пропало. Зато появились Белгородское и Курское направления. Потом наши оставили Севастополь, подбили «Тирпиц» двумя торпедами, а оборонительные бои почему-то стали вестись уже на подступах к Воронежу. Про Харьков никто не вспоминал, он далеко в тылу у немцев остался.

Мы с Сашей по атласу СССР всегда смотрим, когда в сводках какие-то конкретные географические названия указывают. Я так скажу, от Харькова до Воронежа примерно как от Воронежа до Тулы. А от Тулы до Москвы ещё ближе. Это что, опять? Фашисты опять наступают? Севастополь оставили. Как же так? Мы такую страшную зиму пережили, весна пришла, потом лето. Ну почему мы опять отступаем? Почему?!

И что же написал Лёнька? Что там замазано? Нам так любопытно было, что мы с Сашей попробовали прочесть буквы под краской. Сегодня как раз солнышко ярко светит, как мне нравится. Я прижала Лёнькино письмо к оконному стеклу и через него стала глядеть на солнце. Так некоторые слова можно было разобрать. Я Сашке диктовала, а он записывал. Прямо как в книжке «Дети капитана Гранта» у нас получилось. Ну, когда они там в самом начале читали размокшее письмо, что достали из бутылки.

Свой старый танк Лёнька, оказывается, сам подорвал, потому что у них горючее кончилось. Подвезти же новое не могли, так как Лёнька в окружение попал. Не один, конечно, попал. У них весь Лёнькин танковый корпус окружили, если не всю армию. Про армию Лёнька не знал наверняка, но корпус точно окружили.

И они потом прорывались из этого окружения. Лёнька написал, что потери ужасные были. И он сам не раз в атаку на немецкие пулемёты шёл. Пешком, танка не было уже. Их командир корпуса погиб в одной из таких атак, как и начштаба армии.

Вываться из окружения удалось очень немногим. И вот среди этих немногих был и мой братик Лёнечка. Ему повезло, и я очень люблю его. А ещё они смогли вынести знамя своего танкового корпуса.

Собственно, всё понятно. Вот почему немцы к Воронежу подошли. Наши войска под Харьковом погибли. В каких случаях знамя танкового корпуса не несут, а выносят, а начштаба армии лично идёт в штыковую

атаку? Ответ тут может быть только один — когда наступает полная жопа. Теперь ясно, откуда эти 70 тысяч пропавших без вести взялись. Тут уже и цифра в двести тысяч фантастической вовсе не кажется.

Отступают. Опять наши отступают. Ну когда, когда закончится эта проклятая война?! Как же ненавижу я фашистов, которые уничтожили всё, что я любила, всё, что у меня было. Мой дом, мою семью, всё!

Весь наш город, весь Ленинград просто пропитан этой ненавистью. Она бурлит, тысячи погибших и изуродованных детей требуют отомстить за них. Ой, что будет, что будет, когда наши всё-таки дойдут до Германии! Черти в аду содрогнутся от ужаса и отвращения. Но они сами виноваты, они же пришли к нам, а мы только отвечаем!

Мне проще, ведь мне уже двенадцать лет. Я совсем взрослая. Но как же дети? Да, с приходом тепла и с открытием навигации на Ладоге голод отступил, снабжение города продуктами удалось наладить. Плюс мы и у себя тут, в самом Ленинграде, много чего выращиваем. Под огороды отдали всё, каждый свободный клочок земли. Грядки даже на Невском! У нас во дворе частично сняли асфальт и посадили там картошку. И у нашего детдома тоже есть свой огород, и он довольно приличных размеров. Только этот огород далеко, к нему на трамвае ездить приходится.

Да, трамвай, у нас тут трамваи теперь ходят! Как сейчас помню, это в среду, 15 апреля, случилось. Мы как раз сидели в столовой, завтракали. Я тогда всё пыталась уговорить нашу новенькую, Сашеньку Кириллову, не прятать хлеб, а кушать его за столом. А она не слушалась меня и потихоньку, когда думала, что я не вижу этого, отщипывала от своего кусочка малюсенькие крошечки и прятала их в спичечный коробок. Ну, новенькая она была, её в самом начале апреля перевели к нам. Новенькие у нас часто так делают, хлеб прячут, а потом в кровати лежат и сосут эти крошки. Сейчас-то прятать хлеб перестали, но всё равно, хоть и июль месяц уже, до сих пор ребята почти никто не кушает хлеб за обедом. Обед съедают без хлеба, а сам хлебушек, как самое вкусное, оставляют на потом и кушают уже после третьего. Собственно, я и сама так делаю. Хлеб ведь действительно самое вкусное.

Я отвлеклась. Так вот, трамвай. Сидим мы, значит, завтракаем, нам сладкий чай со сгущённым молоком дали. И тут с улицы такой знакомый, милый и родной трамвайный звонок. Трамвай! И мы все — дети, посетители столовой, повара, посудомойки, все-все толпой высыпали на улицу. Трамвай! По рельсам идёт трамвай и постоянно, непрерывно звенит своим звонком. И люди, люди едут в трамвае, вагон набит битком, люди висят на подножках, высовываются в окна. Машут нам, довольные,

весёлые. Трамвай! В Ленинграде снова ходит трамвай!

Представляю, как бесятся от злости фашисты, когда слышат наш трамвайный звонок! Они не могут не слышать его, звонок очень громкий. А наши бойцы, я не раз видела, прямо на трамвае ездят к самой передовой. И раненых с передовой тоже нередко на трамваях вывозят.

А мы, наш детдом, ездим на трамвае пропалывать и поливать свой огород. У нас там и картошка растёт, и морковь, и лук. Каждый раз мы собираем немножко укропа и петрушки и нам это в обед добавляют. Все ездим, только дежурные остаются дома. А с дежурными либо я, либо Сашка, по очереди.

Мы с Сашей теперь даже уж и не знаю, кто такие в детдоме. Формально — воспитанники, как и все. Но на самом деле в нашем детдоме подавляющее большинство — это ребята от шести до восьми лет. Четырёх-пяти летних очень мало и только таких, у кого старшие брат или сестра есть. Вон, вроде как Ковалёвы Женька и Петька. Чтобы, значит, не разлучать их друг с другом.

И на фоне этой мелюзги я с Сашей резко выделяюсь, нам ведь по двенадцать уже! Почему не перевели нас в другой детдом? Это Галины Степановны заслуга, она сумела нас отстоять. У неё много знакомых в ГорОНО и её там уважают. Мы вроде как помощники её теперь. Она ведь сама старенькая, ей тяжело. Опыт и знания у неё обширнейшие, но и ходит с трудом, и видит плохо, да и вообще болеет часто. Вот мы с Сашей и помогаем ей.

Помимо Галины Степановны в детдоме ещё две воспитательницы. Та самая Елена, что когда-то пришла к нам по комсомольской путёвке, и Вера Борисовна. Елена окончила школу, и решила навсегда остаться с нами, ей понравилось. А вот Маринки, которая тоже одно время жила с нами, Маринки больше нет. Совсем нет.

Суки, ну какие же суки!!

Какой же тварью нужно быть, чтобы прицельно стрелять по школе во время выпускного бала?! Они ведь специально, нарочно стреляли именно по школе. Какая-то гнида им огонь корректировала. И именно во время выпускного бала! Твари.

Я сама не была там, мне потом девочки рассказали. Обстрел минут пять длился, потом наши заставили фашистов заткнуться. Но за эти пять минут случилось два попадания по школе. Один снаряд физкультурный зал развалил, но там не было никого. А вот другой... Другой пробил крышу и взорвался в кабинете биологии. А там как раз выпускницы переодевались. Пять девочек погибло на месте, ещё одна в госпитале. И раненых семеро.

Раненых.

Если это можно назвать ранением.

Семнадцатилетняя девушка, у которой нет обеих ног ниже колен. Как она будет теперь жить, что делать? Она пришла на выпускной бал, такая красивая, нарядная. А фашистский снаряд оторвал ей ноги.

Звучит дико, но ей ещё повезло. Ранения бывают такие, что честное слово, уж лучше бы насмерть. Григорьев из 7-А, конечно, идиот и сам виноват, но всё равно жаль его. А он эту блестящую штуку ещё и в школу приносил, хвастался. Я сама её видела не раз. Григорьев вечно вертел ту в руках и разбирал-собирал. Кто же знал, что эта дрянь взрывается? Хорошо хоть, не в школе взорвалась. Довертелся Григорьев. Она ему кисти обеих рук оторвала, передние зубы и оба глаза вышибла, а ещё всё лицо сильно осколками посекала. И куда он теперь, без рук и без глаз? Я бы так жить не хотела. Лучше уж насмерть, чтобы не мучиться.

А Ванечка Самохин? Он ещё мелкий, не всё понимает. Ходить с костылями он научился, но... Мне самой трудно об этом судить, Сашка же сказал мне, что он не смог бы продолжать жить таким. Если бы такое случилось с ним, то он бы убил себя. В начале ноября Ванечка стоял в очереди за хлебом. Очередь была длинная, а фашисты начали по ней стрелять. По очереди стрелять, суки! Ванечке взрывом оторвало ногу и эээ... Когда его в начале мая привезли к нам и мы узнали подробности о его ранении... Однорукому адмиралу Арсению гораздо проще. А с Ванечкой мы даже не знали, что и делать. В баню ему как ходить, с мальчиками или с девочками, как ему проще? Пока с мальчиками ходит, но если захочет идти с девочками, возражать никто не будет, всё равно мужчиной теперь ему никогда не стать.

Что же они творят, неужели не понимают, что за всё придётся ответить? Ведь мы про всё на фронт пишем, про все наши дела. И про обстрел выпускного бала, и про несчастного Самохина и даже про дурака Григорьева — про всё. На фронте всё знают, всё помнят. И если папа Самохина, узнав про то, что фашисты сделали с его сыном, начнёт в Берлине уродовать немецких мальчишек, то... я его пойму. Это ужасно, но я его пойму. Он в своём праве.

Мы часто на фронт пишем. С бумагой плохо у нас, но ради писем на фронт листочки находим. Рисовать ребятам не на чем, но для писем бумагу находим. И нам с фронта письма приходят. Да и не только с фронта. Арсению мама пишет из Москвы. Арсений у нас москвич, он с папой к бабушке в деревню под Новгородом приезжал, откуда они бежали при приближении фашистов. По дороге их колонну беженцев расстреляли с

самолёта и папу убило. Арсений с бабушкой смогли до Ленинграда добраться, да тут и застряли. Потом убили и бабушку, Арсению руку оторвало, госпиталь, ну, и теперь он с нами.

Но у Арсения в Москве есть мама! Счастливый он. У него мама есть! И мама пишет ему, а он ей. Арсений уже научился писать левой рукой, я сама и учила его.

Теперь он каждую неделю пишет маме, а та ему отвечает. Тут нам как-то по радио сказали, что Гитлер где-то там выступал, хвастался, и ляпнул, что Ленинград полностью блокирован и к нам даже птица не пролетит. Ага, щаззз. Сказал — как в лужу пёрнул. Письма постоянно приходят. А ещё в апреле нам всему детдому подарили маленькие красивые значки, мы их до сих пор носим на одежде, назло Гитлеру. Там на значке такая ласточка нарисована, а в клювике у неё письмо. Пусть Гитлер хоть удавится со злости, но письма в Ленинград приходят, приходят!

Ненависть. Как же мы тут ненавидим этих гадов! Для меня раньше самым сложным уроком в школе была математика. Но с прошлой осени всё поменялось. Теперь самый сложный урок — это немецкий. Меня чуть ли не трясёт, когда я слышу слова этого собачьего языка. Марта Адольфовна замучилась с нами. А ведь ей тоже очень тяжело, она немка. Она настоящий советский человек, никогда не была в Германии, но она немка! Да ещё и с таким отчеством. Правда, Марту Адольфовну в конце апреля эвакуировали на Большую землю. Наверное, как раз из-за того, что она немка. Последние уроки немецкого у нас Алевтина Васильевна вела. Хорошо, что сейчас каникулы и до самой осени я избавлена от этого мерзкого: «Guten Tag! Mein Namen ist Helga».

Ладно, что-то размечталась я. Нужно Лёньке письмо написать, что всё хорошо у нас, все здоровы, хлеба достаточно. А то он волнуется, наверное. Конечно, только что из окружения прорвался. Его последнее письмо слишком уж резкое. Я, конечно, сестра и всякое про Лёньку знаю. В том числе и не очень хорошее. Но всё равно, я всё-таки девочка. Следует как-то поделикатней намекнуть Лёньке, что ругаться матом в письме ко мне — некрасиво...

Глава 45

— ...Ну, пожалуйста, Лен, приезжай!

— Если смогу.

— Лен, а моя мама знаешь какой борщ готовить умеет? Язык проглотишь, вот какой!

— Моя мама тоже борщ хорошо готовила.

— Лен, а твоя мама где?

— Её убили. Арсений, её фашисты убили осенью. Мы с ней пошли собирать остатки капусты с поля. У нас дома нечего кушать было, и мы пошли собирать эти листики. А фашисты стали стрелять по нам из пушек. Мама толкнула меня на землю, а сама легла сверху. И маму убили.

— Лена... прости.

— Да ну, Арсений, это не ты. Я давно перестала плакать. Давно.

— Перестала? А это что?

— Арсений. Ну что вот ты за человек, а? Не тычь меня пальцем в щёку!

— Извини. Тебя не тошнит?

— Есть немного. Качает.

— Меня тоже. Это морская болезнь. Смешно, адмирал Арсений морской болезнью заболел. Моряк — с печки бряк.

— Не смешно. Ты знаешь, знаменитый английский адмирал Нельсон болел морской болезнью. Но это не помешало ему одержать массу морских побед.

— Правда?

— Да.

— Но у меня нет руки. Я не смогу стать адмиралом, Лен. Не смогу.

— Глупости. Сможешь. У Кутузова глаза не было и ничего. Наполеона победил. Не сдавайся, Арсений. Адмиралу рука не так уж и нужна.

— Так то адмиралу. Сначала ведь все адмиралы матросами были. А матросу как без руки?

— Это да. А ты всё равно не сдавайся! Ой!

— Чего?

— Локтем аккуратнее, Арсений!

— Извини, качнуло.

— Ладно, ничего страшного...

Эвакуация. Эвакуация. Странное слово. Одновременно и страшное и

доброе. Нас, наш детский дом, эвакуируют в тыл, на Большую землю. Да, все хотят оказаться как можно дальше от этих постоянных взрывов и воздушных тревог. Хочется спать ночью и знать, что тебя в середине самого интересного сна не разбудит гнусный вой сирен, и радио не начнёт кричать: «Воздушная тревога, воздушная тревога!». И в то же время страшно. Страшно куда-то ехать в неизвестность. У нас тут какой-никакой, а дом. У нас огород с картошкой, у меня с Сашей тут школа. А там? Что там? Причём ещё и неизвестно, где это «там». Галина Степановна сказала, что сначала нас должны привезти в Вологду, а куда дальше — она и сама не знает.

Вообще это как-то неожиданно случилось. Мы сидели, обедали, и тут входит Галина Степановна и говорит, что послезавтра мы все уезжаем на Большую землю. После обеда начинаем собираться. Вот так!

Ну, собирать-то нам особо и нечего. Игрушек почти нет никаких. Самая лучшая игрушка — кукла Даша, которую Ковалёва из дома принесла. Женька очень любит её, всё время за собой таскает, даже спать с этой Дашей ложится. На прошлой неделе с Сашкиной помощью новое голубое платье сшила ей.

Нда. У куклы есть новое платье, а у меня нет. С одеждой у нас тоже не очень. Да чего там скрывать, плохо у нас с одеждой. Я, конечно, могла бы сходить попросить одежду у какой-нибудь девочки из нашего класса. Наверное, мне бы дали, но... Как-то стесняюсь я ходить по домам одежду выпрашивать. Что я, нищенка, что ли?

Вот и приходится мне в эвакуацию ехать, надев белое в синий горошек платье. Это платье принёс нам кто-то из посетителей столовой, там рядом с меню всегда объявление висело, чтобы для детского дома вещи приносили, его и принёс кто-то. Нет, платье хорошее, ничего не могу сказать, с карманами и совсем не старое. Только оно немного мало мне. В прошлом году в самый раз было бы, а сейчас мало. Но моё жёлтое платье ещё хуже. Оно, во-первых, старое, штопанное не раз, а во вторых велико, висит на мне, как на вешалке. В жёлтом я на огороде работаю. Ещё халат есть, в котором я по дому хожу и всё. Никаких летних вещей больше нет. А в Сашкиных штанах и рубаше, в которых я зимой ходила, сейчас жарко. Конец июля на дворе.

В общем, немного у нас вещей. Всё барахло нашего детдома в трёх чемоданах поместилось. Эти чемоданы, как самые сильные, несут Сашка, Елена и третья воспитательница, Вера Борисовна. А я и Галина Степановна за малышней следим.

Сегодня с утра мы попрощались с нашим домом и с работниками

столовой, которые полгода три раза в день кормили нас. Даже зимой, когда так не хватало продуктов, нас всё равно кормили. В январе, я помню, ещё когда мы детсадом были, столовая дважды закрывалась. Не из чего готовить было. Но для нас еда находилась, нам всё равно что-то варили. Нашу еду две молодые девушки, школьницы, наверное, на саночках привозили. Завтрак у нас в восемь был, так ещё же и приготовить его время нужно. Так что эти девушки продукты для садика на весь день часам к шести привозили. Сейчас тепло, солнышко, страшно тот ужас вспоминать. Ночь, мороз, ветер, сугробы, трупы прямо на улице. А они вдвоём идут через всё это и тянут, тянут за собой санки с продуктами для детского садика. Я давно этих девушек не видела уже, продукты ещё с марта на автомашине привозить стали. Но всё равно спасибо им, этим незнакомым девушкам.

Попрощавшись со всеми, мы на Финляндский вокзал приехали. Сами приехали, на трамвае. Там нас зарегистрировали, покормили обедом, и выдали сухпай на дорогу. Упаковки с сухпаем старшие мальчишки понесли, по двое на каждую коробку.

Дальше был поезд, станция, причал, и вот мы уже плывём по Ладожскому озеру. В смысле, идём. Мишка обязательно поправил бы меня и сказал, что плавает дерьмо. Мишка.

Прощай, Ленинград! Прощай, мой любимый город. Вернусь ли я когда-нибудь обратно? Нет! Вернусь! Я вернусь, обязательно вернусь! Ведь у меня есть Лёнька! Я написала ему, что уезжаю в неизвестность, но при первой же возможности сообщу ему свой новый адрес.

Мы в трюме сидим, на деревянных лавочках. Справа от меня Арсений, слева Саша. Иллюминаторов нет никаких, на потолке горит несколько слабых электрических лампочек. И дети, много детей. Весь трюм заполнен детьми. Тут не только наш детдом эвакуируют. Пахнет свежими опилками, наверное, это новый катер. Мы пока грузились, я его осмотреть снаружи успела.

Кораблик наш весь деревянный, на корме надстройка, на ней зенитный пулемёт. На носу небольшая пушечка, около неё краснофлотцы стоят курят. Нас не сразу погрузили, мы в очереди ждали ещё минут десять, пока другой детдом грузился. А за нами в очереди ещё какие-то дети были, человек сорок. Наверное, специальный детский эшелон на той стороне формировать будут.

Пока стояли, видела, как у тех детей, что за нами были, два мальчишки-обалдуя уронили за землю коробку сухпая, которую держали вдвоём. Причём они ухитрились уронить её так, что она одним углом в

лужу упала, рыжему мальчишке брызгами белую гольфу на ноге испачкала. Воспитательница ругала этих мальчишек, они что-то лепетали ей в ответ, а я пыталась вспомнить, где я этого рыжего видела. Знакомое лицо, видела ведь его уже, точно видела.

Так и не вспомнила, нам погрузку объявили. А сейчас этого рыжего тут нет с нами в трюме. Либо я не вижу его. Может, он на палубе остался? Кто же это такой, почему его лицо кажется мне столь знакомым?

БАЦ! БАЦ-БАЦ-БАЦ!!

Пушка. Пушка у меня над головой неожиданно ожила и начала стрелять. Вот к ней и пулемёт с кормы подключился, а корабль начал заваливаться на бок.

БУБУХ!!!

В борт нашего кораблика ударила волна и нас очень так неслабо тряхнуло. Арсений судорожно вцепился в меня единственной рукой, Сашка говорит, что всё будет хорошо, а с палубы доносится мат краснофлотцев и чей-то восторженный рёв: «Всосал, гадюка?!!».

Слышу, как кроме наших пушки и пулемёта стреляет кто-то ещё недалеко. Может, наш кораблик сопровождают другие? Я заметила, там чуть дальше у причала ещё несколько катеров стояло. На них не грузили никого, слишком они были маленькие. Но зенитные пулемёты на них, кажется, установлены были.

БУМ!! Треньк! Уй!!!

Сашка!!!

С палубы доносится крик: «Санитара!», а Сашка... У него из головы торчит щепка. Кровь стекает ему по лицу, заливает глаза и капает на меня. Сашка!!

Но он жив и даже как-то не сильно беспокоится. Сам, своей рукой нащупал щепку у себя в голове и вытащил её. Кровь потекла сильнее, прямо ручьём, а Сашка вертит в руке окровавленную щепку и с изумлением её рассматривает.

Подскочила Елена, у неё на боку наша медицинская сумка. Она быстро осмотрела Сашину рану и успокаивает нас. Ничего страшного, просто сильно рассечена бровь. Никакой опасности нет.

Елена достала бинты, вату, баночку с перекисью водорода. Говорит, что надо зашивать, но сейчас не до того, да она и не умеет. На берегу обязательно сразу в медпункт. А пока просто бинтуем Саше голову. Я помогаю, держу тампон пока Елена обматывает Сашку бинтом. Тот шипит от боли, но молчит. А ничего, красиво так. Ну, прямо вылитый раненый красный командир у нас с Еленой получился, хоть в кино снимай.

Бой же наверху всё продолжается. Несколько раз падали бомбы, один раз довольно близко, нас опять тряхнуло. В палубе над нашими головами круглое отверстие, оттуда дневной свет проникает. Наверное, шальная пуля попала. Хорошо, не задела никого, только Сашке щепкой едва глаз не выбила.

Ой, а если бы правда в глаз? Как бы он тогда?

Но всё, это в последний раз. Осталось дотерпеть только этот бой и всё, больше никаких обстрелов и бомбёжек. На берегу фашисты нас уже не достанут!

Пушка наверху закашляла особенно часто, мат, ор, пулемёт на корме бьётся в истерике и выдаёт длиннющую непрерывную очередь. А ствол так у них не расплавится?

Кораблик опять стал заваливаться набок, резко меняя направление движения. Вижу, как в палубе, которая для меня потолок, быстро-быстро появляется цепочка круглых отверстий.

Только бы не попал!..

Эпилог

(Очень много солнца)

Солнце. Я очень люблю солнце. Наверное потому, что я рыжий. У нас в семье ни у кого не было рыжих волос, только у меня. У всех остальных волосы были обычные, русые. Странно, верно? У всех волосы русые, а я, самый младший, рыжий. И веснушки у меня весной высыпают. Сейчас их уже почти не заметно, а в марте много было. Но я ничуть не огорчаюсь этому. А Валька Рюмина — просто дура. Говорит, что веснушки — это уродство и с ними нужно бороться. Зачем?

Как хорошо лежать в траве, и через ресницы жмуриться на ласковое майское солнце! Мама, пока была жива, рассказывала мне, что я даже когда был совсем маленьким, уже любил солнце. Я всегда улыбался в коляске, когда мне на лицо падал яркий солнечный луч.

Помню, как до войны я очень жалел, что в моё окошко солнце так редко заглядывает. Во-первых, небо у нас чаще было затянуто тучами, чем голубое. Город у нас такой, совсем не как эта Тальменка, куда нас привезли. В Тальменке-то всё время солнце, а в Ленинграде вечно что-то капает с неба, а под ногами что-то хлюпает. Нет, я не жалуюсь. Свой город я люблю, он очень красивый. И ни за что не соглашусь насовсем переехать в эту Тальменку. У нас лучше. Мне лишь хотелось бы, чтобы солнца в Ленинграде было бы побольше и почаще.

Второй причиной того, что солнце являлось редким гостем в моём окне, являлось то, что это окно выходило во внутренний двор. Дом у нас был шестиэтажный, а мы жили на третьем этаже. Дворик совсем крохотный и дом напротив солнышко загораживал. Летом солнышко могло заглянуть ко мне только с девяти до одиннадцати утра. Если туч на небе нет, понятно.

Ну, ничего, ничего. Война почти закончилась, ничего. Наши уже в Берлине, по всем подвалам ищут вонючку Гитлера. Как жаль, что убить его можно будет только один раз! Вот закончится война, вернётся Колька и заберёт меня отсюда обратно в мой любимый Ленинград. И мы с ним станем там жить вдвоём. А потом Колька женится и у меня будет племянник. Я его стану водить по городу и показывать, что где было до

войны и что разбомбили фашисты. Город же мы обязательно восстановим, сделаем его ещё лучше, чем было. Я буду гулять со своим племянником, мы с ним в парк пойдём, на аттракционы, в зоосад пойдём, мороженое кушать будем.

Зоосад. Мороженое.

Я не очень хорошо помню тот день, ведь я тогда был совсем мелким, но вот мороженое запомнил. Помню, с утра ярко светило солнце, и бабуля заставила меня жёлтую панамку надеть, а я эту панамку терпеть не мог. Мне казалось, что в ней я выгляжу глупо, и люди смеются, глядя на меня. Потом мы с бабулей поехали в зоосад, она купила мне мороженое и я его ел. Потом я выпросил у бабули ещё одно мороженое, а бабуля ушла покупать билеты. И пока она ходила, я мороженое скормил маленькой смешной собачке с большими ушами. Бабуля вернулась, а мороженого уже нет. Я прошу ещё одно, а бабуля не покупает, говорит, горлышко простудишь, и суёт мне какой-то пирожок, не помню уже с чем. А я ведь второе мороженое не ел, я собачку угостил им. Но объяснить я это почему-то не мог. Мне было очень обидно, и я громко ревел. Люди идут мимо меня и улыбаются, а я всё реву и реву. Вот, это почему-то запомнил. А потом мы прошли в зоосад, было объявление по радио, и началась какая-то непонятная мне суета. Я ведь маленький был и глупый. Тогда я даже не понимал, что это такое — война.

Зато теперь я очень хорошо это знаю. И не только из Колькиных писем, я и сам войну видел. Сначала она пришла в мою страну, потом в мой любимый город, а потом уже и в мою комнату и даже в мою кровать. Было очень страшно. А ещё было больно. Было невыносимо больно терять родных. У нас до войны была такая большая и дружная семья, и мы жили в такой просторной комнате с высоким потолком. А потом пришли фашисты, сожгли мой дом и убили всех. Они, эти твари, убили всех. Всех!! Остались только я и Колька.

Колька — это мой старший брат. То есть, средний. Наш самый старший, Мишка, ещё до войны в армию ушёл. Вернее, на флот. На Северном флоте он служил. И не абы где, а на подводной лодке! На самой настоящей подводной лодке. Я это точно знаю, у меня и фотокарточка его была раньше. Правда, самой лодки на карточке не было (она секретная!), зато там был Мишка в форме. Жалко, что карточка сгорела вместе с домом, память о Мишке была бы.

Война не сразу пришла в Ленинград. Сначала всё было почти как обычно, только мы иногда бомбоубежище спускались. Но не часто, летом налётов было мало. Первое моё воспоминание именно о войне — это как я

проводил на фронт папу. В тот день я в садике был с утра, но знал, что папа уходит на войну. Я накануне вечером видел дома, как он собирался. Я был в садике, наша группа гуляла на детской площадке, и тут я услышал, как на улице кто-то громко начал петь песню «Священная война». Очень громко, будто бы сразу сотни людей её пели.

Там же папа! Папа уходит на войну!

Я улучил момент, когда Анна Васильевна отвлеклась, и бегом пропустил к калитке. Мне кричали вслед, но я не останавливался. Папа! Выбежав со двора на улицу, увидел, как мимо меня проходят сотни вооружённых людей. Они шли и пели. И случилось чудо. Папа! Я нашёл его среди этих сотен людей, нашёл! Подбежал к нему, он поднял меня, поцеловал, опустил обратно на землю и ушёл. Совсем ушёл. Больше я не видел папу никогда.

Конечно, мне потом попало от Анны Васильевны, но разве это важно? Зато я смог ещё раз увидеть своего папу. В последний раз.

Самый первый погиб у нас Мишка. Зима, холодно, кушать хочу так, что болит живот. Я был дома один, кто-то постучал в дверь. Открыл — там женщина. Вам похоронка, говорит. Я тогда не знал, что это такое, но бумажку взял у неё. А потом пришла мама, увидела эту бумажку, и стала плакать. Это случилось 12 октября, где-то в южной части Норвежского моря. Как погиб Миша неизвестно. Написано только, что «верный воинской присяге, проявив героизм и мужество».

Миша погиб первый, но к тому времени, как мы узнали про это, у нас уже умерли бабушка с дедушкой и мы с мамой и Колькой остались втроём. Колька домой редко приходил, он в ремесленном учился и был на казарменном положении.

Потом где-то в середине января погибла мама. Не знаю, как она погибла. Ушла за водой и не вернулась. Я съел весь хлеб, что оставался дома, было очень холодно. Когда через три дня пришёл домой Колька, он нашёл меня скрюченного на кровати под матрасом, там было теплее. Колька принёс дров и немного каши в кастрюльке. Он затопил буржуйку, напоил меня кипятком, накормил кашей, а потом увёз на санках в круглосуточный детсад. К счастью, мои карточки дома были, мама не взяла их с собой.

Обидно. Как же горько и обидно было потерять маму уже после победы. Ведь мы победили! Мы уже победили к тому времени фашистов. Я точно знал это! Я даже бояться бомб и снарядов перестал. Зачем бояться, если мы победили? Осенью я ещё боялся, но после того случая с солнышком страх прошёл совершенно.

А осенью я боялся.

Особенно страшно мне в подвале было, когда нас завалило. Бомба в наш детсад попала и старый дом, в котором наш садик был, развалился. А мы все в подвале. Очень страшно, темно, ничего не видно, все ревет кругом, Анна Васильевна не отвечает. Да ещё вода откуда-то течь стала. Потом что-то зашуршало, какие-то камушки посыпались, и я слышу, как сверху Колькин голос кричит мне: «Бориска! Бориска, ты живой там?!».

Через некоторое время к нам какой-то мальчишка пролез с электрическим фонариком. Он хотел Светку Малахову посадить к дырке в стене, через которую сам пролез только что, но та боялась, ревела и отбивалась. Пока мальчишка с ней возился, фонарик утопил свой в воде. Там на полу уже много воды было, нам пришлось на лавочки ногами встать, так как вода очень холодная была. Опять стало темно.

Этот мальчишка, что спасать нас залез, какой-то странный был. Себя по фамилии называл и говорил о себе так, будто его тут нет. Помню, бродит он в ледяной воде, а ему там выше колен уже, бродит и подгоняет нас: «Быстрее, щучьи дети, быстрее! А то Степанов тут себе с вами самое важное место отморозит!».

Вот, это запомнил, а как меня спасли помню смутно. Замёрз я и страшно мне было. Помню, Степанов поднял меня и в нору какую-то сунул, а там чьи-то руки схватили меня за запястья и выдернули наружу, как морковку. Мама меня сразу домой унесла греться.

Да, тогда я ещё боялся. Но после чуда со сказкой бояться перестал совсем.

Было утро. А может и день, не знаю. Мама ушла куда-то, на столе свечка горит. Темно ведь в комнате, окно фанерой заделано. Одно стекло, правда, целое, но на нём светомаскировка. Я в кровати лежал, а тут в дверь стучат. Долго стучат, пришёл кто-то. Я не хотел вставать, но больно уж настырно стучали. Выбрался я кое-как и потащился открывать. Долго шёл, голова кружилась. Открываю — там девчонка незнакомая. Первый раз её вижу. Спрашивает меня, не я ли мальчик Боря. Говорю, что я, но она не понимает меня. Наверное, я слишком тихо говорил тогда.

Прошли мы с ней в нашу комнату и уже там я жестами смог объяснить, что Боря — это я и есть. А девчонка говорит, пошли, мол, со мной, сегодня в школе ёлка, а после ёлки будет обед! Обед! Я так хочу кушать!! Но... как же я пойду? Я и по комнате-то еле хожу, куда уж мне в школу! А девчонка не унимается. Со мной, говорит, как миленький дойдёшь. Я тебя, говорит, на санках и туда и обратно отвезу!

Закутала она меня в старую бабулину шаль, взяла с постели одно

одеяло, и мы пошли. На лестнице она помогала мне, поддерживала. Посадила на санки, укрыла одеялом, в школу привезла. Дверь открыла, а там... а там, за дверью, сказка! Настоящая сказка!

Светло, тепло, едой пахнет так, что животу больно. А посередине ёлка, настоящая большая зелёная ёлка с игрушками!

Вокруг этой сказочной ёлки даже хороводы водили, кто посильнее. Я не мог в хороводе участвовать, просто на лавочке сидел с другими ребятами. Ещё Дед Мороз и Снегурочка были, оба очень смешные. Дед Мороз такой маленький и с писклявым голоском, а Снегурочка здоровенная такая, с усиками. Один раз Дед Мороз сам себе на бороду случайно наступил, и та у него отвалилась. Было очень смешно.

Потом обед был. Очень-очень вкусный обед! А вот что после обеда было, я плохо помню, так как сильно спать захотел. Проснулся я уже следующим утром. Буржуйка горит, на ней чайник греется, мама около стола топором на щепочки стул строгаёт. В комнате светло, светомаскировка с уцелевшего стекла снята.

Сначала я думал, что мне вся эта ёлка во сне приснилась. А потом гляжу — на столе бумажный пакетик лежит. Это же подарок! Мой подарок на Новый Год! Нам всем вчера такие пакетики после обеда раздали. Значит, это не сон был?! Была настоящая ёлка?!

Я выбрался из кровати, подошёл к столу и взял этот пакетик. А что в нём? Открыл, и вытащил рукой... не может быть! Это же чудо! Как, откуда? Подошёл к окошку поближе, рассмотреть на свету. И в этот момент из-за туч выглянуло солнце и осветило мою руку с новогодним подарком. Я тогда подумал, что он и сам совсем как маленькое солнышко. Солнышко у меня в руке! В тот момент мне стало совершенно ясно, что мы победили. Это — Победа. Раз в задыхающийся от голода город везут даже такие вещи, значит всё, Победа!

И я перестал бояться. Мы ведь победили! Ещё не была прорвана Блокада, ещё был жив папа, а Сталинград, в котором он погибнет, был простым тыловым городом. Ещё была жива мама. Мне ещё предстояло пройти через их смерть. Но страх ушёл. Остались лишь злость и ненависть.

Колька в своём первом письме с фронта, которое я уже тут, в Алтайском крае, получил, писал, что ему было очень страшно в первом бою. А чего он боялся, глупый? Ведь мы же победили!

Брата весной 43-го призвали, когда ему 18 лет исполнилось. Сейчас Колька танкист, он гвардии сержант и наводчик на самом тяжёлом советском танке, на ИС-2! На 1-м Белорусском служит, во 2-й гвардейской танковой армии. Наверное, он уже в Берлине. Потом напишет, как они его

брали.

Но это сейчас он такой весь из себя бравый. А когда летом 43-го в первый раз попал в бой, то, как он честно в письме признался, ему очень страшно там было. Его первый бой седьмого июля случился, около какой-то деревни Смородино. Снаружи стреляют, снаряды по броне бьют, в танке дым, двигатель ревёт, командир орёт что-то. А Кольку в экипаж вместо раненого наводчика буквально за пару дней до этого поставили. Он и танк-то изучить не успел. Их учили на наводчика Т-34, а сунули в такое чудовище английское. У этого же Mk IV всё совсем по-другому. Хорошо, Кольке опытный командир танка попался. Он Кольку задвинул в угол и велел прикинуться ветошью и не отвечивать. А сам в бою был и командиром и наводчиком сразу.

Колька писал, что ему вообще с командиром повезло. Везучий у него командир, просто невероятно. Про него в полку легенды ходят. Подумать только, с самого начала войны воюет, с первых дней, а ни одного ранения! Несколько танков сменил, но ни одного не потерял в бою. Как его фамилия, я не знаю, знаю лишь, что зовут его Леонидом. Вообще-то, Колька писал фамилию своего командира, но в письмах с фронта кто-то тщательно чёрной краской все фамилии замазывает.

А ещё Колька написал, что Леонид — наш земляк, он тоже ленинградец. Причём до войны жил совсем недалеко от нас, а работал шофёром. Подумать только, они ведь вполне могли встречаться на улице! Только тогда они были незнакомы, а сейчас вот в одном танке воюют.

Когда Колька первый бой принял на том английском уродце, этот Леонид старшиной был, а сейчас он уже гвардии капитан и командир не только танка, но одновременно ещё и роты. И водитель на танке у Кольки отличный, старший сержант по имени Степан. Капитан Леонид не нахвалится на него и никому отдавать не хочет. Так они все вместе, всем экипажем, танки и меняли при необходимости.

Хороший экипаж у Кольки. У всех медалей по несколько штук. А у капитана Леонида даже орден Красного Знамени есть! Медалей же у него вообще штук двадцать. Одних только «За отвагу» три штуки. У Кольки, кстати, одна «За отвагу» тоже есть.

А однажды Колька написал мне, что у его командира танка и роты есть странная мечта. Он отчего-то хочет обязательно найти в Берлине развалины дворца, в котором жил Гитлер, отковырять от них кусочек, привезти этот кусочек в Ленинград и подарить Сашке. Сашка — это младший брат Леонида. Кроме Сашки у того никого не осталось. Они вдвоём, совсем как мы с Колькой. Кольке же идея с камушком от развалин дворца Гитлера так

понравилась, что он и мне обещал такой камушек отковырять, привезти и подарить.

Ой, Рыжик, ну чего ты наступил на меня? Ты ведь тяжёлый! Ладно, ладно, я не сержусь, не подлизывайся. Да не облизывай ты меня, говорю! Фу, всё лицо в слюнях. Полежать на солнышке не даст. Чего там у тебя случилось такого? Ого, сюда скачет кто-то на лошади. Это зачем? А ребята в деревню ушли картошки попросить. Мы её испечь на костре захотели.

Блин, так это же Верка скачет, я узнал её. Вот влетит нам всем сейчас! Верка вредная — жуть. Она тоже из Ленинграда, как и мы все, её у нас пионервожатой работать поставили. А, нет, вон они, тащатся. Да быстрее же вы, олухи! Еле ковыляют. Главное, чтобы Верка не догадалась, что они уходили. Чего бы наврать ей? Не положено уходить-то. Коровки наши хоть и смирные, но мало ли что. Мы тут коров пасём. Хоть и городские, но пришлось научиться.

Да и не только пасти. И ухаживать за ними, и верхом ездить, и сено косить. Всё делать приходится. Девчонки доить научились. Я, правда, тоже могу, но мне это дело не нравится.

Не, вроде успевают ребята раньше Верки подойти, не заметит она. А то ещё председателю бы наябедничала, с неё станется. Верке уже шестнадцать лет, но ябеда она жуткая. Ябеда и вредина. А вот сестрёнка её младшая очень хорошая. Карапуз такой забавный, её все у нас любят. Её спросишь, как тебя зовут, а она смешно так выговаривает: «Лисавета». А потом надо спросить, как фамилия. Она так носик наморщит и выдаст: «Маслова, вот как!».

Нет, ну что же Верке понадобилось тут? Ведь явно же именно к нам скачет. Зачем? Ой, не к добру то, не к добру. От Верки ничего хорошего ждать не приходится. Может, случилось чего?

Как-то мне не по себе. Я, вообще-то, ничего не боюсь, но сейчас что-то тревожно. А так я ничего не боюсь. Тот чудесный, удивительный и совершенно невероятный январский подарок из сказки полностью от страха вылечил меня. Тогда, в январе 42-го, мы выиграли войну. Я понял, что мы выиграли и больше никогда не боялся ничего.

Хотя... один раз было. Но там кто угодно испугался бы.

Это во время эвакуации случилось, в конце июля 42-го. Наш детдом через Ладогу на катере переправляли. А может, на барже, не помню уже, я же маленький был тогда. Помню только, большая деревянная посудина то была. От неё свежими опилками пахло.

Ещё помню, пока в очереди на погрузку стояли, мы с Самохваловым случайно коробку с сухпаём в лужу уронили и мне брызгами белую гольфу

запачкало. Почему-то запомнил это. Вера Борисовна поругала нас, а затем погрузку объявили. Мы сначала самых мелких и девчонок пропускали. И так получилось, что мне и ещё пяти мальчишкам места не хватило. Ну, не лезет больше детей в трюм, не лезет. А на палубе нельзя находиться, будем мешать, да и фашисты налететь могут. Опасно на палубе. Думал уже, отменяется для нас эвакуация. Но нет!

Нас всех шестерых в маленький катер взяли. Он, вообще-то, не перевозит пассажиров, но нас взяли. А так это катер сопровождения, фашистов гонять, если нападут. На катере зенитный пулемёт установлен.

Сидели мы в крошечном трюмике катера, тесно прижавшись друг к другу. Не от холода, жарко было, просто места там мало.

Пока плыли, фашисты налетели, бой был. Мне потом рассказали, что наши два самолёта фашистских сбили и ещё два повредили, а те в нас не попали. Ну, как не попали? В наш катерок, честно говоря, попали один раз. Но никто не пострадал. А я не боялся. Чего мне бояться? Когда наш катер швыряло туда-сюда от близких разрывов бомб, я не боялся. Когда фашистские пули дробью простучали по стальным листам палубы у меня над головой, я не боялся. Чего бояться-то? Я испугался только на берегу, когда увидел Его.

И вот это было действительно Страшно.

Оказывается, по большому деревянному катеру или барже фашисты тоже попали. Самолёт шёл очень низко и прошёл прямо над палубой. Уйти ему, правда, не дали. Наглого фашиста сбили наши, но перед этим он успел дать очередь по кораблю. А там палуба была не стальная, как у нас на маленьком катере, а деревянная. И такую палубу фашистские пули пробивали.

Сначала раненых из трюма большого катера вынеси и здесь же, прямо на причале, врачи им начали помощь оказывать. Потом просто дети пошли, которых не задело. Из нашего детдома, к счастью, вообще никто не пострадал. Они в стороне сидели, фашист не попал по ним. А затем стали выносить погибших.

Их тоже на причале складывали, в сторонке. Вынесли девочку, которая крепко сжимала в мёртвой руке куклу в голубом платье. Вынесли мальчика, у которого не было правой руки до локтя. Только кровь из руки не шла, вероятно, он её давно уже потерял, не сейчас. Вынесли какую-то старушку в очень нарядной разноцветной кофте. Откуда там старушка взялась, я не понял. Воспитательница, что ли? По-моему, она была слишком пожилой для воспитательницы.

А потом из трюма медленно поднялся Он.

И вот это было Страшно. Я испугался.

Мальчишка. Высокий. Тогда он мне казался почти взрослым, но сейчас я думаю, что на самом деле ему было лет 13–14, не больше. Он вышел, на палубу, перешёл на причал, и пошёл к берегу. Идёт и идёт. Идёт и идёт. И никто не пытается остановить его. Потому что страшно.

У него голова обвязана окровавленным бинтом, по лицу течёт кровь, а он идёт. И на руках у него мёртвая рыжеволосая девочка в коротком белом платье в синий горошек. А лицо... именно из-за такого лица никто не решается его остановить, люди просто молча расступаются перед ним. Он до крови закусил себе зубами нижнюю губу, но, кажется, и сам не замечает этого. На лице его страшно перемешаны отчаяние, гнев, ненависть, решимость и желание Мстить.

Я не знаю, что это был за мальчик, никогда раньше я не видел его. И что за девочку он нёс, тоже не знаю, не встречался с ней. Кто она была ему? Сестра, наверное. Наш детдом воспитатели увели в сторону, нужно было идти обедать, а потом грузиться в поезд. Поэтому, я так и не узнал, что там было дальше с тем мальчиком. Но я никогда не забуду его лицо. Лицо человека, внезапно потерявшего всё.

Верка подлетает и прямо возле нас резко осаживает своего Серко. Что такое? Она плачет? Верка плачет?! Да что случилось-то? А та привстаёт на стременах и, не прекращая реветь, сквозь слёзы кричит:

— Ребята!! — закашлялась, — Ребята, Победа!!! Всё! Сдались фашисты, сдались!! Конец Войне, ребята!! Конец!!!

Ну, а чего ж реветь-то? Плакать-то зачем? Думаю я и чувствую, как у меня самого из глаз внезапно потекли слёзы.

Я плачу? Но почему? Ведь это же радость.

Только слёзы всё равно текут и не желают останавливаться. Хотя о том, что мы победили, я узнал ещё утром 5 января 1942 года, когда достал из маленького бумажного пакетика мандарин. Самый настоящий свежий спелый мандарин! Это был подарок на Новый Год. Нам подарили мандарины! В Ленинград привезли мандарины. Не хлеб, не мясо, не крупу, а мандарины. И это была Победа. Раз везут уже даже и мандарины, значит всё, мы победили.

Какое яркое сегодня солнце. Победа. Сегодня — День Победы. Я стою, реву, и смотрю на солнце. Я знаю, что теперь для меня всегда, всю жизнь, сколько бы я ни прожил, всегда символом нашей Победы будет именно это. Солнце. Крохотное солнце мандаринового цвета, лежащее на худой детской ладони...

Москва, 2012 год.